ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№8 (703) 2014

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: **unost-contact@mail.ru**
Наш сайт: **http://unost.org**
Страница на «Фейсбуке»:
https://www.facebook.com/unost

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Анна ГЕДЫМИН
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом образования и молодежной политики
Славяна БАКУНИНА

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА

заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ

заместитель главного редактора, заведующий отделами прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ

заведующий отделом зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН

главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА

консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ

ответственный секретарь
Светлана ШИПИЦИНА

З н омо НОВОРОССИИ!

Яндекс.Деньги: 410012190511869

Сбербанк России

Номер карты 4276 5200 1124 6069

Реквизиты счета:

Ростовское отделение № 5221/0629

р/счет 47422810852099900105 в Юго-Западном банке СБ РФ

к/сч. № 30101810600000000602 в ГРКЦ ГУ
Банка России по г. Ростову-на-Дону

БИК 046015602

ИНН 7707083893

КПП 616502001

Номер лицевого счета 42607.810.4.5209.0002413

Ф. И. О. получателя Губарева Екатерина Юрьевна

В номере:

Поэзия

Ксения ЕМЕЛЬЯНОВА 5

Максим ЖУКОВ 34

Андрей РОМАНОВ 69

Наталья НАУМОВА 98

Проза

Наталья РОМАНОВА

РАССКАЗЫ 12

Александра МИЛОВАНЦЕВА

ДВА РАССКАЗА 44

Ильдар АБУЗЯРОВ

ФИНСКОЕ СОЛНЦЕ Роман в девяти историях. Продолжение 57

Хелью РЕБАНЕ

ПУБЛИЧНОЕ СОКРОВИЩЕ Повесть. Продолжение 77

Лера ТИХОНОВА

ХОТЕЛ Роман-пунктир. Окончание 88

Светлана ВОСКРЕСЕНСКАЯ

РАДУЖНОЕ СЧАСТЬЕ Сентиментальная повесть. Эпилог 115

СЛЕЗЫ СКВОЗЬ СМЕХ Послесловие Георгия Пряхина 119

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

ИЗ РУК МАКАРОВА Продолжение 32

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

ГОРДЫНЯ И ЛЮБОВЬ В ВЕРЕТЕНЕ БЫТИЯ 33

100 книг, которые потрясли мир

Елена САЗАНОВИЧ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ. «РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» 41

Как беден наш язык!

ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ!

Марианна ТАРАСЕНКО

ОДИН ИЗ НИХ УТОП: ПАДЕЖ, КОТОРОГО НЕТ 55

Голоса и судьбы

РУБРИКА ИМЕНИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Николай ТАРАСОВ

СЕКРЕТАРЬ ПО ОРГВОПРОСАМ Мифолемма 85

Заведующая редакцией
Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации
Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент
Екатерина КОРНЕЕНКОВА

Специальный корреспондент
по Белгородской области
Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор
Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление
Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Фотокорреспондент
Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер
Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа
Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей
Ирина УШАКОВА

Интернет-версия
Максим ПОПОВ

Заведующая отделом распространения
Яна КУХЛИЕВА

Дежурные по редакции
Людмила ЛОГАЧЕВА
Татьяна СЕМЕНОВА
Татьяна ЧЕРЫГОВА

Координатор литературного
объединения
Марина КУЛАКОВА

Администратор
Зинаида ПОТАПОВА

Былое и думы

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

«Я ПРОХОЖУ ЗНАКОМЫЕ МЕСТА...»

Письма Казакову Юрию Павловичу, писателю, на тот свет. Продолжение **101**

Сергей БЫЧКОВ

ОТМЫВАНИЕ ЖЕМЧУЖИН

Убийство Александра Меня.
Опыт художественного расследования. Продолжение **106**

Иноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

Чарльз Барни КОРИ

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПРИЗРАК **121**

Творческий конкурс

Елена ПОНОМАРЕВА г. Саратов **124**

Анна ПОПОВА Рязанская обл. **126**

Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга **141**

Тамара АЛЕКСЕЕВА г. Липецк **143**

Ирина КОПАЕНКО г. Москва **147**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ

СТРАСТИ ПО ИЗУМРУДНОЙ БРОШИ Продолжение **153**

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Александр КАНЕВСКИЙ

АХ, ЭТА СВАДЬБА, СВАДЬБА, СВАДЬБА, ИЛИ ВПЕРЕД, К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ!

Из цикла «Мозги набекрень» **157**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

ФИЗКУЛЬТПРИВЕТ! **159**

VERIORA VERIS

Шалун ГЕО, человек-буклет

НЕ ПСЫ! **160**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:
Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:
125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**
+7 (499) 250-83-98,
+7 (499) 250-40-72,
тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов. Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в «Академиздатцентр «Наука» РАН», ОП ПИК «ВИНИТИ»–«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл., Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 554-21-86

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Ксения ЕМЕЛЬЯНОВА

О СЕБЕ

Родилась в Москве в 1988 году. Окончила Литературный институт имени Горького. Не печаталась. Воспитываю сына (три года). Работаю корректором в бюро переводов.

Что такое поэзия

Я воспринимаю поэзию главным образом как процесс. Для меня существующие в мире поэтические тексты — это некое вещественное доказательство, кожура, шелуха, кокон бабочки, которая улетела, створки почек, которые распустились. Вещественное доказательство того, что у рода человеческого есть потребность иногда придавать речи особенный статус, возводить ее в иную степень. Вероятно, чтобы, создавая и воспринимая такую речь, человек переключался на свой высший уровень, оказывался на некой вершине жизни. Восприятие поэзии — это момент усилия, когда мы решаемся переступить привычную мысленную лень в попытке что-то постичь, что-то ухватить, ведь мы читаем стихотворение, мы ждем от этого текста смысла и красоты. Читатель почти всегда, как мне кажется, видит в стихотворении больше, чем объективно содержится в тексте. И человек, создающий поэтическое произведение, испытывает и представляет гораздо больше, чем у него в итоге в текст помещается. И у создателя, и у читателя непосредственно в момент создания и восприятия поэтического текста рождаются ассоциативные «облака», живые, переливающиеся, мерцающие. И в стихотворении наиболее ценен именно пишущий / воспринимающий человек. Стихотворение — это проводник, таблетка для вызывания к жизни мыслительно-ассоциативного облака. Это результат возникшей с незапамятных времен неписаной договоренности между людьми особенным образом воспринимать особенным образом организованную речь. Текст, написанный в столбик, производящий впечатление особой узнаваемой ритмичности, дает сигнал включить свое необыденное восприятие, «отложить попечение» и перенестись на вершину своей жизни, и там, на этой вершине, позволить мурашкам разбегаться по тебе во все стороны и шевелить волосы на твоей голове. А еще это свидетельство чужой жизни и проводник к мерцанию чужого «облака». Когда я открываю страницу со стихотворением, скажем, уже умершего поэта, я вижу столбик типографского шрифта, я знаю, что бабочка уже улетела. Но когда я начинаю читать, она снова рождается, только уже из моей души.

Ксения Емельянова

* * *

Широко — не удержится глаз ни на чем,
соскользнет и утонет в зеленой заре.
Золотым и беззвучным лучом-плавником
гладит солнышко по воде.
Больше воздуха стало сегодня, на дне
мира открылась воздушная течь.
На земле почерневшей тает снег,
в эту землю не страшно лечь.

* * *

Волосы запахнут речной водой,
Станет прозрачнее вода глаз...
Если ты еще хочешь увидеть меня молодой,
Время сделать это — сейчас.
Скоро мой сын станет жителем дачных мест,
Будет бродить теленком в кустах смородины,
Излазает каждый метр на пару км окрест
И всю жизнь будет звать это Родиной.
Я пополню ряды ситцевых матерей,
Галерею женских образов: голос, руки, подол.
Время вокруг завьется — чем дальше от меня, тем быстрей.
А в центре спирали все еще влажен воздух
И холодит ступню мною вымытый пол.
А у русских рек каждый год те же русые мальчики,
Те же на бок брошенные велосипеды,
Пожилые пары и дети, купальщики-дачники...
Сосед вечерком говорит соседу:
«Умер Абрагин, пчел который держал».
На соседнем участке старая женщина, жена (вдова) его Вера,
Разговаривает с пионами: «Уже отцветаете. Как же жаль.
Вы мои хорошие».
А они опадают, и слушают,
В руки ее клонят головы
И не верят.

* * *

По вечернюю звезду, как по воду,
идет золотое облако,
светлеет в зените колокол,
гудит, коромысло качается,
закрываются глазки твои, закрываются.

«...Жили-были, — слышу. — Живы мы были, жили,
бездорожье в головушках разводили,
только не видели, что над покоем стоим, и под ногами —
вода без дна, глубока,
спит и не помнит бе́рега».

Так вот где вечная твоя развернулась постеленка.
Ветром потянет в груди, но какую ни затяни,
выльется все одно — колыбеленка.
Закачаются берега.
Баю-баюшки.

Голосом расскажу тебе, но словом что рассказать?
Как иду по весне, убираю с лица прядь,
а руки — мамины.
И пугаюсь, и смеюсь.

По вечернюю звезду идет золотое облако,
по разлитому небу да по травяным полям.
Из полей навстречу выходит холм, на холме храм,
а на храме крест, а на кресте звезда.
То не храм, а колодец, то не колокол, а вода.
Зачерпнула полную, та́я, пошла на четыре стороны.
Утром облако соберет по полям ягоду —
мою голову
всем меня хватит поровну.

* * *

Художникам проще, без слов вообще легко.
Уйти далеко берегом над рекой.
Колос мой травяной, вытянутой рукой
если коснусь, вспомню ли ваш покой?
Ветер, коснись волос травяных моих.
Если босой по полю, а смотришь вдаль,
песней умолкшей в грудь оседает — от поля до неба — жизнь.
Трав головной поклон, травам — земной поклон,
ангеле, помолись,
хранителю святый мой,
моли Бога о мне.
Стелется по земле,
ветер стелется по земле,
только что-то в силу не разойтись.
Человек со страниц учебника анатомии.
Как тело содержит душу, боль наполняет плоть.
В городах вода серебрит берега бетонные,
жалеет, целует: «Спи, — говорит, — скоро снег, — говорит, — видишь: небо белым-бело».

Когда становишься камнем, голуби перестают бояться, взлетая, задевают крылом.
Прикосновенье небес — новая жизнь, трудная, как любовь.
И если босиком идешь по полю,
не смотри по́д ноги,
и тогда плоть поля выступит под подошвами
теплым войлоком,
живое насквозь, тропы вытоптанные, травы некошеные.
Идешь и знаешь: дорожки в лесу замшевые,
небо у края облаком белым стелется,
где-то внутри тебя белое спит озеро,
травы над рекой белому свету кланяются.

* * *

В сердцевине каждого дерева детство дерева —
Облик дерева, каким оно было в первые годы жизни.
Дерево консервирует прошлое.
«Пшеничное поле стучит о сапог
длинноостым колосом.
Вода плещется на краю земли.
Небо шевелится облаками», —
это я сочиняю, балансируя на велосипеде с восьмеркой
по тропинке через поле,
где-то позапрошлым летом.
«С другой стороны облаков
все очень маленькое.
Космос близок,
и мы от него мало защищены.
Мне двадцать лет, а мне все кажется, что я такая же, как всю жизнь была».
Прошло два года, и ничто не изменилось.
Мой сын, такой же маленький, как я,
На даче в первый раз увидел небо
И облака
И улыбнулся.
Он приступил к загадке.

* * *

Зиму простоявшие камыши ветром кло́нятся.
В груди, как в детстве, когда наплачешься,
сыро, сладко. По ветру волосы
просятся
золотинками обозначиться
на свету, на ветру. На стеблях сухих
камышовый пух, как собачий мех.
Наберешь в карманы
— и мир притих —

слышно: бьется в секунду раз.
И ступай внимательно по земле:
речка внутри земли течет.
Тепло в карманах — о том, как вне
зрения,
за моим плечом
в поле стоит зима.

* * *

1.
Ангел кормит меня на улице
крошками чужих жизней
то лицо, то слово
Хожу босиком, как голубь
не могу подойти ближе
Тревога всегда состоит из нежности
когда, как щенок, вылизан
теплым ветром в конце осени
в начале безбрежности
Вылизан, вырожден, выкинут в мир, как в реку
и сердце наматывает на винты
от ощущения собственной наготы
И не слышишь, не видишь, ни языка не знаешь
Но новая атмосфера уже вокруг
и хочешь не хочешь, но испаряешь в нее новорожденное свое тепло
Господи, не уйти из Твоих рук
не прикинуться мертвым, не выдавить предназначенное для этого автобусное стекло

2.
Ангел кормит меня на улице крошками,
Водит чужими дорожками,
То лицо обронит, то слово, то жизнь чужую,
То покажет тайную комнату раздвижную.

Так возьмет и вынет стену, что здесь стояла
20 лет с моего младенческого начала,
20 лет глаза привыкали скользить, не найдя предмета,
А окажется не тупик, а поле и море света.

Так однажды вскроется память, и все, что было,
Все, что мимо мелькнуло, что, словно кощей, хранила,
Мне отдаст: уходившую электричку,
Запах, воздух, погасшую спичку, зажженную свечку, птичку,
Пару прогулянную, приступ хохота, утро белое,
Час, минуту, мгновение, молодость целую.

3.
В детстве как во сне
привиделась жизнь
солнечной стороной
мокрой улицы

Неужели она
в итоге так и окажется
бликами
ясновиденными в день
который я забыла?

Прогулка

Воздушная трапеция моста,
И рельс, и телеграфный провод,
Далекие, протяжные места
Натягивают повод, просят повод.

Места отрадные, как Божий день,
Широкие, как между облаками
Открывшиеся окна, берегами
Плывут мимо плывущих по воде.

Высоким диким берегом втроем
После купания мы пробираемся, и ветер
Одежду нашу сушит на ходу.

Поток воздушный, купольный объем
Объемлет все. И у раздавшегося света,
Мне кажется, сторон я не найду.

* * *

Наследники усадебных прудов,
Супруги селезень и утка
Неспешно пробираются меж листьев
Разросшихся кувшинок. Их утята
Спешат и путаются. Чтобы не отстать,
Срезают путь по листьям, как по суше,
И вес их листьев не колеблет.
Говорят,
Кувшинка, отцветая, сокращает
На время к солнцу выпущенный стебель,
И он утягивает зреть под воду
Зачатый плод.

Наследники усадебного парка,
Мы ходим по «неведомым дорожкам»
И наблюдаем жизни чудеса.
И после, дома,
Готовясь лечь, выходим на балкон
В последний раз перед коротким сном
Движенье жизни и услышать, и вдохнуть
Из крон деревьев.
Нам вспоминаются и парк, и пруд,
Семейство уток в лабиринте листьев,
Цветущие кувшинки, чудеса...
...И, засыпая,
Мы разговариваем шепотом, неслышно,
Чтобы самих себя не разбудить.

Женщины

В роддоме научили не стесняться
Голого тела,
Смертного пота, родильной крови.
В роддоме все женщины знают,
Из чего сделан мир
И как добывается соль земли.
Нерожавшие студенточки
Моют рожениц в родзале.
Пожилые нянечки
Вытирают залитый кровью
Пол от кровати до туалета
И меняют простыни и пеленки.
Женщины ухаживают друг за другом,
И невидимые голуби порхают
Между пластиковыми детскими люльками.

* * *

Копейки считали, ссорились, были счастливы.
Не ведали, что творили, и шли по замыслу.
Думали развестись, а сына родили.
Щедр и Милостив Господи, чем мы Тебе угодили?
В нашей страшной стране так и ждешь мора, глада, нашествия
И гражданской войны, что хуже стихийного бедствия,
Высоты безымянной, оврага безвестного, без суда и без следствия.
Защити же, Господи, детство их.
Осень вот: на стружке яблонных листьев коричневой
коляски и курточки
Так ярко. «Гули-гули» и «ути-уточки» —
Так сбивчиво.

Наталья РОМАНОВА

Наталья Романова (Наталья Сегень) родилась в селе Леуши Кондинского района Тюменской области, затем жила в Первоуральске Свердловской области. В 1998 году окончила Уральский государственный педагогический университет. Специалист по социальной работе, по второму образованию — учитель экологии. Преподавала в школе географию. С 1998 года жила в Великом Новгороде, работала в психологической лаборатории психотерапевтического центра, а также внештатным экскурсоводом Новгородского государственного музея-заповедника. Училась в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар И. И. Ростовцевой). Ныне живет в Москве.

Прозаик. Член Союза писателей России. Награждена Золотой медалью Пушкина и Золотой медалью Есенина Академии русской словесности имени Г. Р. Державина.

Публиковалась в журналах «Смена», «Литературная учеба», «Форум», «Наш современник» (г. Москва), «Полярная звезда» (Якутск), «Север» (Петрозаводск), «Простор» (Казахстан), «Новгород литературный» (Великий Новгород), «Русское эхо» (Самара), «Вертикаль XXI век» (Нижний Новгород), «Югра» (Ханты-Мансийск) и многих других.

Автор романа «Гефсиманский сад» (о преподобномученице великой княгине Елисавете и алапаевских мучениках), сборников христианских рассказов «В каждой ромашке Бог», детских рассказов «Сиреневая собачка», цикла рассказов «Мы — сибиряки». По рассказам Натальи Романовой кинодраматург Александр Сегень написал киносценарий «Жизнь моя — сказка моя», а также киносценарий «Гефсиманский сад» по одноименному роману.

В 2013 году за цикл рассказов «Мы — сибиряки» удостоена международной литературной премии «Русский позитив», впервые учрежденной Российским фондом мира (второе место в номинации «Проза»).

В 2013 году стала лауреатом премии «Патриот России», учрежденной Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям (за произведение о войне «Книга», опубликованное в журнале «Смена»).

Рассказы

Дядя Леша

Рисунок Антонины Решетниковой

Дядя Леша был профессиональным любителем выпивки. Он пил триста шестьдесят дней в году. Остальное время не пил, и то лишь потому, что в эти дни просто не мог достать выпивку. Пять дней в году он ходил молчаливый, не свойственный себе, и недоуменно глядел на мир, словно видел его в первый раз. Он даже на любимый телевизор смотрел как на диковинную штуку, хотя в изрядном подпитии крепко дружил с ним. Дядя Леша разговаривал с этим другом и даже ругался, если тот барахлил — пускал какую-то пьяную рябь.

По-русски Алексей Боткин изъяснялся просто, без обиняков. Стоило ему возразить, как он молниеносно спрашивал: «А в харю?» Нет-нет, бить он никого не собирался, наоборот, слыл большим миротворцем, но тот, кто впервые слышал его словечки, мог бы и обидеться, думая, что дядя Леша откровенное хамло.

— Здорово, харя неумытая, — говорил он обычно при встрече.

— Чего это она неумытая? — возражал человек. — Умытая!

— А я говорю, нет!

— Умытая! И вообще, по какому праву вы мне грубите?

— А потому что ты, Шарик, балбес. На «неумытую» взбесился, а на «харю» даже не отреагировал.

Дядя Леша никогда не напивался до скотского состояния, никогда нигде не валялся и никогда не буянил.

Жил он в Сибири, в деревне Батареевка, и настолько ее любил, даже да анекдота. Однажды его жена Раиса, дама довольно интеллигентная по деревенским меркам, решила вывезти мужа на юг. Приехали к морю. Он побродил там, побродил, искупнулся, поморщился от соленой воды, а потом взял да и махнул обратно в Батареевку, оставив жену на черноморском побережье.

— Ты ненормальный, что ли? — спрашивали его в деревне.

— Конечно, дурак, — подтверждал он, — трое суток к соленой воде перся, да трое суток обратно, когда тут у нас озер навалом.

Однажды ему жена выговорила, что он ее ни в какое культурное заведение ни разу не пригласил за всю жизнь.

— А чего там делать? — изумлялся он. — Я там был, и мне не понравилось.

— Ты был? Где ты был? Когда?

— Когда, когда, еще в армии. Мы в оцеплении стояли. Возле ресторана «Советский». Ничего культурного не увидел.

Алексей Боткин гордился тем, что похож на Михаила Боярского. Его восхитительные усы, точь-в-точь как у актера, добавляли к самому себе уважения.

— Зовите меня просто — Дартаньян, — скромно говорил он.

— Вроде бы ты на армянина не похож, — язвили домашние.

Дядя Леша слыл работящим человеком. Не сказать, что он умел смастерить что-то особенное, построить эдакое. Талантов в его копилке тоже не значилось. Но он очень качественно копал землю, сажал картошку, ухаживал за скотиной. В свое время работал в гараже слесарем, потом автохозяйство развалилось, и дядя Леша стал работать по дому — скотину обихаживать. С животными он ладил, имел к ним особый подход. И те его слушались.

У Боткиных была корова Дойка. Молока давала — как три молокозавода, вместе взятые. Всем хороша, только выступала за трезвый образ жизни. А когда дядя Леша ходил трезвым? Да никогда, пять дней в году. А корову-то постоянно доить надо. Сначала ее доила тетя Рая. Но как женщина культурная, к скоту она относилась очень холодно. Больше любила Достоевского. Раиса Артемьевна работала учительницей русского языка в сельской школе. Вообще-то она была хорошая, дети ее любили и люди тоже. И она тоже любила и людей, и детей, а вот любовь к скотине не могла в себе воспитать. Поэтому через несколько доек у нее

подскочило давление, а поскольку Раиса Артемьевна и в самом деле страдала гипертонией, а дядя Леша к тому времени был безработный, решили, что корову он будет доить сам. Но корова, почуяв запах, наотрез отказалась доиться. Не бросать же пить из-за этой рогатой стервы.

— Вот и перейдешь на молочко! — съехидничала жена.

— Ну уж хрен вам, — пробурчал дядя Леша.

Ни уговорами, ни угрозами невозможно было заставить корову изменить свое решение. Уперлась, как бык, и ни в какую. А доить-то надо. Нельзя долго молоко застаивать. Во-первых, оно будет горчить, во-вторых, корова может заработать мастит. А в-третьих, она орет, как потерпевшая, му-у-укает.

— На этот раз я подою, — сказала Раиса Артемьевна, — но больше не буду. Мне сочинения проверять надо. Раз корова не хочет тебя видеть выпившим, бросай пить. Без коровы никак. Корова на дворе — достаток на столе. Хочешь жить без коровы — иди работай.

Коротко и ясно. Дядя Леша все понимал. Где он на работу устроится? А с коровой-то и молоко, и кефир, и сметана, и масло, да и удобрение какое! И после своей коровьей кончины мясом в холодильнике служить будет. Но и изменить себе дядя Леша не мог. Еще чего! Из-за коровы пить бросить!

— Как сделать, чтобы перегаром не воняло? — спросил дядя Леша у приятеля. — Ты же водитель.

— Пожуй лаврушку.

— Не, у меня от нее изжога.

— Погрызи семечки.

— Да ты что, у меня зубов-то раз-два и обчелся.

— Веточка туи, говорят, помогает, если ее жевать медленно.

— А может, еще чего медленно пожевать? Панцирь галапагосской черепахи? Где я тебе в селе тую найду?!

— Ну не знаю, — почесал друг затылок. — Вспомнил! Есть еще способ. Режешь лук кольцами, заливаешь его на пять минут уксусом, заправляешь растительным маслом и жрешь. Запаха никакого.

— Без хлеба?

— Без хлеба, — строго сказал друг, — иначе не поможет.

— Тоже не подходит... Говорю же, изжога у меня.

— Ну, тогда я точно не знаю. Сто способов привел ему, а все не так да не этак. Пить бросай.

— Сам бросай, — обиделся дядя Леша.

А выход нашелся сам собой. Причем в тот же день. У Раисы Артемьевны на работе военрук Рудаков списал противогазы. Рудаков жил в доме напротив Боткиных. Вечером к нему заглянул сосед. У военрука на домашнем столе лежали противогазы в количестве пяти штук.

— Чо за хрень?

— Противогазы, не видишь, что ли?

— Я, по-твоему, дебил?

— А чего тогда спрашиваешь?

— Зачем тебе столько?

— Не знаю вообще-то. А куда их? Списаны.

— Дай мне один! — вдруг загорелся Боткин.

— Какое тебе «дай»? Школьное имущество!

— Так списаны же!

— Знаешь что, иди давай отседова. Ну и что, что списаны. Все списанное должно быть тоже под контролем, — тут Рудаков замялся, — вот я и контролирую. В домашних условиях.

— Не Рудаков ты, а Мудаков после этого! — выпалил Боткин, Рудаков же сильно встрепенулся. — Не сосед ты мне больше. Дырявый противогаз зажал. А ну отдавай мою пилу «Дружба».

— Так я не допилил еще.

— А мне какое дело? Допилил, не допилил. Отдавай.

— На, — потупив взор, произнес Рудаков, протягивая противогаз соседу, — зачем тебе?

— За надом, — буркнул Боткин и вышел.

«Вообще-то я выгляжу как полный идиот в этом снаряжении, — думал дядя Леша, доя корову, — не увидел бы кто». Зато корова, уважая средства химической защиты, была смирная, доилась хорошо и много.

В один из летних дней в гости к дяде Леше приехала племянница Яна из Санкт-Петербурга. Не виделись шесть лет. Последний раз встречались на похоронах Яниного отца Юрия, родного брата дяди Леши.

— Привет, харя неумытая, — поприветствовал Боткин племянницу.

«Началось», — подумала Яна, но в ответ улыбнулась.

— Ты чо, нас позабыла совсем, племяшка! У отца на могиле когда была в последний раз, а? На похоронах?

— А сам-то когда, — вступилась за Яну Раиса Артемьевна, — не на похоронах ли?

— Гляньте на нее! Напраслину наводит. Мне тут идти до окраины села!

— Так и я о том же, — ответила жена, собираясь в магазин.

Яна пошла с Раисой Артемьевной.

— Тетя Рая, — поделилась она с теткой, — я вам всем подарки привезла, а вот дяде Леше

нет. Не знала, что и купить ему. Он же у нас такой неординарный.

— Да уж, — вздохнула тетушка, — ой, зачем ты тратилась-то!

— Теть Рай, посоветуйте, что купить дяде Леше, как раз в магазин идем. Я думала, может, водки какой-нибудь хорошей или коньяка, но подумала, чего тащиться-то, и здесь ведь можно, сейчас все везде есть.

— Нет, нет, — замахала тетя Рая, — хорошо, что не купила, он второй день не пьет. Говорит, желудок прихватило. И хорошо, что прихватило, а то б ты трезвого его и не увидела.

— А по-моему, он слегонца взявши, — ответила Яна.

— Ну, что я, мужа своего не знаю, что ли!

«Странно, — подумала Яна, — про харю он обычно в подпитии спрашивает, ведь из него трезвого слова не вытянешь. Может, что поменялось тут в мое отсутствие».

Пришли в магазин. В сельмаге обычно все вперемешку, тут тебе и колбаса, и зубная паста с ботинками рядом. И пахнет всегда хлебом. Свежеиспеченным. Смотришь на эти налитые буханочки с пылу с жару да слюну сглатываешь, так есть внезапно хочется.

— Привет, Лиля, — поздоровалась Раиса Артемьевна с женщиной за прилавком.

— Здрасте! Как поживаете?

— Да хорошо, Лиль. Как ты?

— Нормально, Раиса Артемьевна. Не Юркина ли дочь с вами? — Продавщица внимательно осмотрела Яну.

— Она. Узнала, что ли?

— Да как не узнать-то. Сразу видно, Юркина дочь. Меня не помнишь?

Яна виновато улыбнулась. Она помнила Лилю, но смутно. Разница у них лет в пятнадцать. Но зато ей хорошо врезалось в память, что у Лили было прозвище Камазиха за неуемные размеры. Сейчас же Камазиха выглядела весьма утонченно.

Пока Раиса Артемьевна покупала продукты, Яна ломала голову, чем бы порадовать дядьку.

— Теть Рай, ну подскажите. Туалетную воду?

— Не пользуется он.

— Рубашку?

— У него их знаешь сколько! Хоть бы раз надел новую. Не надо ничего, успокойся, у него все есть. Ты сама — лучший подарок.

Но все-таки без гостинца было неудобно. Всем есть, а ему нет.

— Купи тапочки! — нашлась тетя Рая. — У него тапки сносились.

— Несерьезно как-то. — Яна взяла в руки мужской клетчатый шлепанец. — Да и дешево для подарка-то.

— Хватит с него, — обнадежила Раиса Артемьевна.

Ну, тапки так тапки. Яна выбрала самые хорошие и самые дорогие.

— Кожаные, — уверила продавщица Лиля.

Поскольку Яна приехала внезапно, Раиса Артемьевна предполагала, что предстоит еще готовка, каково же было удивление, когда, вернувшись домой, посредине комнаты она увидела заставленный яствами стол.

— Не знаю, зачем куда пошли, все дома есть. И грибы, и огурцы, и закуски всякие.

— Так я думала, плов сделаю, вот еще нарезки купила, фруктов, торт.

— Кому он нужен-то, торт твой! Садитесь давайте, картошка стынет.

За столом уже восседали дети дяди Леши и тети Раи — тридцатилетний Антон с женой и дочка Варвара, которой в этом году исполнилось семнадцать.

— Ну, где Янка-то? Есть хочется. — Дяде Леше не терпелось сесть за стол.

Наконец в комнату вошла Яна с большущим пакетом. Увидев сестру, Антон и Варвара вышли из-за стола. Обнялись. Антон представил свою жену Женю.

— Ну ты и штучка, Янка, — восхитился брат, — столичная!

— Да ладно, — отмахнулась Яна.

— За стол, за стол! — скомандовал дядя Леша.

Он сел во главе стола, боком к окну, которое выходило на боткинский огород. Яну посадили напротив дядьки.

— Однако долго ты, сестра, не приезжала, — сказал Антон.

— А когда приезжать-то было? Пять лет институт. Окончила его, утроилась на работу, как только отпуск дали — приехала.

— Ну, за шесть лет можно было навестить разок-то хоть!

— Можно подумать, что Питер и Батареевка на двух соседних улицах стоят. А вы чего? Вы-то чего не навестили, не приехали? — полушутя накинулась Яна на брата. — На семейном совете выбрали бы делегата и делегировали его ко мне.

— Что теперь об этом, — вздохнула Раиса Артемьевна. — Дела у всех, заботы. Собираемся на похоронах и свадьбах только...

— Отныне предлагаю это делать чаще, — улыбнулась Яна, — а в качестве компенсации вам небольшие сувениры.

Она раскрыла пакет и достала первый подарок.

— Тетя Рая, вот вам компактная пароварка. У вас давление. Пора на вареную пищу переходить.

— Ой, деточка моя, ну зачем, зачем же. Траты-то!

— Дают — бери, бьют — беги! — резонно заметил дядя Леша.

Следующий подарок был для молодой семейной пары — утюг.

— Я не смогла приехать к вам на свадьбу. На память от меня. Пусть ваша отутюженная одежда производит неизгладимые впечатления, — скаламбурила Яна.

— Сестрица, благодарю! — важно сказал Антон.

Он с недавнего времени работал в сельсовете, потому и отличался от себя предыдущего некой степенностью и размеренностью. Жена Женя чмокнула Яну в щеку в знак благодарности.

«А у нее хорошие духи», — пронеслось в голове у Яны.

Следующий подарок — фен для Варвары.

— Я как раз хотела! — искренне обрадовалась сестра.

Дядя Леша был доволен, что племянница накупила таких подарков.

— Вот видишь, — гордо сказал он жене, — а твоя родня — придут всемером с открыточкой.

— Хватит уже, — обрубила его Раиса Артемьевна. — Сейчас начнется: твоя родня, моя родня...

Все время, пока вручались подарки, дядя Леша важно сидел на стуле и смотрел в окно на свой огород, лишь изредка бросая взгляд на церемонию дарения. Настала его очередь, и он в предвкушении ерзал на стуле, потирая то пальцы, то усы. Он догадывался, что может достать сейчас из пакета племянница, если только не дура и не купила электробритву. Такая бритва ему ни к чему, он ведь опасной пользуется. Нет, нет, она не дура и достанет сейчас то, чего так не хватает на этом столе, заставленном солеными огурчиками, маринованными грибочками и всякими закусочками.

— Дядя Леша, честное слово, не знала, что вам купить, — сказала Яна, — голову сломала.

— Да ладно, чего уж там. — Дядя Леша мягко улыбнулся, мол, доставай, не томи.

Яна засунула руку в пакет. Дядя Леша смотрел на нее, как на Деда Мороза, уловил, что в руки они взяла нечто продолговатое. Может, коньячок? Но Яна достала из пакета не коньячок, не водочку, не настоечку, не наливочку и даже не шампанское.

— Что это? — спросил Боткин, будто ни разу в жизни не видел мужских тапочек.

— Тапочки, — пояснила Яна.

— Ну и дура! — простонал он.

На следующее утро, когда Яна проснулась, весь дом уже был на ногах.

— Ну и дрыхнуть ты! — Дядя Леша покачал головой. — Время обеда!

— Вы в девять утра обедаете? — съязвила Яна.

Девушка умылась холодной водой из железного рукомойника. Сон моментально разогнало.

— Варя, где можно цветы купить? — обратилась она к сестре.

— Да чо их покупать! В огороде нарви. А зачем тебе?

— Нет, с огорода не пойдут. Нужно посолиднее. Розы. На могилу.

— Да брось ты! Говорю же, сходи в огород. А за розами нужно в центр ехать. Здесь в магазине только искусственные. На родительскую субботу недавно завозили. Красивые!

Яна отправилась в магазин за цветами на кладбище. С утра покупателей не было. Унылая Лиля сидела за прилавком.

— Надолго приехала-то? — спросила она у Яны, после того как они поздоровались.

— На три дня. Сегодня на кладбище собираемся. Цветы нужны.

— В огороде не могли нарвать, что ли? У них там целая плантация! Неужели, — понизила голос Камазиха, — Раиса не разрешила? Это похоже на нее. Она тетка жадноватая.

— Ничего не жадноватая! — заступилась Яна.

— Ладно, ладно. Мне-то ты не рассказывай.

«Ну вот, — Яна посмотрела на чернявую Лилю, — сейчас понесется по деревне, что тетка цветы племяннице зажала. Неделю будут судачить».

— Мне искусственные надо. Живые-то чего, к вечеру завянут. — Яна попыталась отвести подозрения от тетки.

— Ну надо же! — презрительно сказала Лиля. — Раз в сто лет приезжает к своим на могилу и жмется.

— Да почему это у вас все жмутся? — психанула Яна. — Вот где живые цветы? Я их сейчас все скуплю!

— В райцентре, — буркнула продавщица.

Яна прошлась вдоль прилавков. На одной из полок в стеклянных банках стояли искусственные цветы. Девушка сразу же обратила внимание на бордовые розы. Они выделялись среди прочих пластмассовых и бумажных.

— Я хочу эти купить. Шесть штук.

Протягивая цветы, Камазиха очень уважительно посмотрела на Яну. Когда она назвала цену, ее уважительный взгляд стал девушке понятен. Эти цветы стоили как шикарный букет на свадьбу. Зато они были настолько хороши, настолько естественны, что по красоте не уступали живым, а может, и превосходили их. Темно-бордовые бархатные лепестки в бутоне нежно жались друг к другу. Статный цветок так и дышал благородным происхождением. Крупные зеленые листья, казалось, только-только смахнули росинки.

Возвращаясь домой, Яна радовалась жизни, что-то пела, беззаботно размахивая цветами. Дома она обнаружила, что из шести цветков у трех не хватает бутонов.

— Да и ладно, — сказал равнодушно дядя Леша, — нашла о чем печалиться.

Но, узнав цену цветов, заголосил:

— Обалдела, что ли! За такие деньги можно корову купить. Неси их обратно, скажи, забери свое барахло, отдай деньги!

— Никуда я не пойду! Меня и так жадной обозвали.

— Кому говорят — иди. Такие деньжищи отдала! А подсунули брак.

Яна ни в какую не соглашалась.

— Пойду поищу на дороге.

Первый бутон она нашла возле калитки. Второй рядом с магазином. А третий никак не могла отыскать. В магазине его тоже не сыскалось. Пришлось выкинуть стебель.

— Ну ты и шаларо! — только и молвил дядя Леша.

В вечернюю дойку Боткин решил приобщить к этому делу племянницу. Яна упиралась. Ей не хотелось доить корову. Но дядя Леша настаивал на совместном доении.

— Такое хорошее животное — корова! У меня так просто песня, а не корова. Пойдем — познакомлю.

Яна недоумевала: зачем ей это сомнительное знакомство? Но было неловко отказать родному дядьке.

— Ах ты, Дойка моя! — приговаривал Боткин, зайдя в коровник. — Красавица! Кормилица!

«Корова как корова», — подумала Яна.

— Хороша?

— Нормальная.

— Нормальная... — Дядя Леша передразнил племянницу мычащим голосом. — Да ты только посмотри на нее! Рога тонкие, загибаются внутрь! А это, между прочим, — он поднял вверх указательный палец, — признак хорошей породы. Вот посмотри на нее сбоку.

Яна окинула корову взглядом.

— Чо видишь?

Яна присмотрелась внимательнее. Ничего особенного она не заметила.

— Разве не видишь, что туловище, если смотреть сбоку, похоже на усеченный конус?

Племянница пожала плечами.

— А сколько ей лет? Она старая?

— Какая старая! Скажешь тоже мне. Вот посмотри на рога. Видишь кольца? Сколь их?

— Три, — сосчитала Яна.

— Кольцо появляется во время стельности. А стельность раз в год.

— Значит, корове три года.

— Ну ты даешь! Ум-то твой где, харя неумытая? Она чо, как родилась, так и рожать стала? Прибавь еще года два.

Разговор о корове стал утомлять Яну. Она оглянулась по сторонам коровника.

— О! Противогаз. Он-то здесь зачем?

— Надо, — сухо ответил дядя Леша.

Крупная Дойка черно-пестрой масти как-то подозрительно смотрела на пришедших и вела себя диковато — топала копытом, похрапывала, буйно вертела хвостом. От этого Яне доить корову хотелось все меньше и меньше.

Дядя Леша достал из кармана штанов сложенную вчетверо бумажку.

— Буду учить тебя по-научному, — объяснил он, — специально выписал из статьи ветеринара Тихонова. Глава называется — «Учимся доить». «Вымя коровы состоит из четырех долей, не сообщающихся между собой, — стал зачитывать текст дядя Леша, — каждая из них имеет сосок, в верхней части которого находится небольшая полость — молочная цистерна. Из нее и выжимается молоко».

— Это все понятно, — перебила его племянница.

— Тогда сама инструкция. — Дядя Леша откашлялся и принялся вновь читать на мятой бумажке: — Освоим два способа доения.

— Мне бы для начала один, — мрачно сказала Яна, поглядывая на крупнорогатую скотину.

Преподаватель продолжил:

— Первый — щипковый, то есть пальцами. «Молоко выдаиваете большими и указательными пальцами, которые двигаются от основания соска до конца. Второй способ — кулаком. Сосок обхватываете всеми пальцами и поочередно сверху вниз сжимаете его». Каким способом предпочтешь доить? — оторвался дядя Леша от бумажки.

В этот самый момент Дойка замычала, да так зычно, что, казалось, сотряслись стены коровника.

— Никаким, — крикнула Яна, выбегая.

На следующий день племянница уезжала. Боткины собирали ей угощения.

— Да вы что, — ужаснулась она, увидев, какое количество банок ей уготовлено, — я не повезу столько!

Но дядя Леша наотрез оказывался половинить разносолы.

До железнодорожной станции Называевская ходил автобус. Остановка располагалась неподалеку от дома. Боткин и племянница стояли на остановке, вспоминая случаи из их общей родственной жизни.

— Сколько раз в день автобус до станции ходит? — поинтересовалась Яна.

— Утром едет с поезда народ забирать, а вечером, наоборот, увозит к поезду.

Яна немного нервничала, так как время приближалась к критической отметке.

— Почему автобуса нет? Дядя Леша, вы ничего не напутали?

— Вот же на табличке написано. В четыре часа отправление.

— Так уже семь минут пятого. Где он?

— Я почем знаю!

Еще прошло долгих десять минут. Автобус не появлялся. Яна нервно ходила вдоль остановки. Дядя Леша молча курил. Вдруг вдалеке Яна заметила автобус. Он плавно двигался в сторону станции, но — по другой дороге. Ни догнать его, ни дать знать, что его дожидаются на остановке, не

представлялось возможным. Несколько секунд — и автобус скрылся из виду.

Яна повернулась к Боткину. Он старался не смотреть на племянницу.

— Это тот самый автобус?

Дядя Леша кивнул.

— Почему он не подъехал к остановке?

Боткин виновато улыбнулся. Яна никак не могла понять, в чем дело.

— Почему он другой дорогой проследовал?

Боткин молчал.

— Дядя Леша, я вас спрашиваю!

Боткин отвел глаза.

— Дядя Леша, — наступала Яна на дядьку, — отвечайте немедленно!

— А нечего только на три дня приезжать! — воскликнул Боткин.

— Дядя Леша, — закричала Яна, — у меня поезд! Билет! Что вы наделали?!

— А я говорю, чего только на три дня-то приехала?

Яна расплакалась. У нее действительно были неотложные дела, вот почему она недолго могла прогостить у родственников.

— Тихо! — скомандовал Боткин. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Он бросился к соседям, у кого имелись машины, однако одного не оказалось дома, второй как раз в это время чинил свой автомобиль.

— Ладно ты, не реви, — успокаивал Боткин племянницу. — Попутку возьмем.

Они вышли на проселочную дорогу, но машины проезжали редко, да и то загруженные под завязку пассажирами и багажом. Яна совсем отчаялась, но тут дядя Леша остановил мотоцикл с коляской.

— Василек, — попросил он мотоциклиста, — довези племянницу до Называевской.

Василек был не один. За его спиной восседал приятель.

— Мы вообще-то по делу едем, — сказал он, хотя вид у обоих был явно не деловой, оба навеселе.

— Надо, очень надо! — попросил Боткин. — Приедете обратно — я проставлюсь.

— Дядя Леша, — прошипела Яна, — они же пьяные оба!

— Не боись! У нас все аварии трезвыми совершаются. Ну, бывай, харя неумытая...

Яна, наспех поцеловав Боткина, забралась в люльку. Когда «Урал» скрылся и за ним улеглась пыль, дядя Леша еще долго стоял и смотрел вслед племяннице.

По дороге случилось непредвиденное. На полном ходу люлька отсоединилась от мотоцикла, и пассажирка «Урала» осталась сидеть в этой люльке посреди дороги.

— Ну, дядя Леша! — психовала Яна. — Сам ты харя неумытая!

Пропажу, однако, обнаружили быстро и вернулись за недостающей частью мотоцикла. Починка затягивалась. Яна торопила Василька и его друга, но те только чего-то мычали, прикладываясь к беленькой. Девушка пыталась голосовать, но тщетно. Наконец остановился молодой человек на красной «Яве».

— Не вопрос, довезу, — сказал он, — только гаишников полно, а у меня второго шлема нет. Вдруг оштрафуют?

— Я оплачу штраф, — пообещала Яна, посмотрев на нетрезвых чинителей мотоцикла, которым фраза про гаишников была явно побоку.

На поезд она успела, но заскочила в самую последнюю минуту. Сев у окна, отдышалась и немного успокоилась. Мимо пробегали деревянные домишки, гаражи и еще какие-то постройки. А когда начались деревья, Яна, наблюдая, как березы сменяют лиственницы, думала о поездке к родне. Ей вспоминалась и корова Дойка, и розы, и тапочки, и то, как дядя Леша после подарка дулся на нее и не разговаривал часа два.

«Когда еще приеду?» — думала Яна. Последний раз она была на похоронах отца шесть лет назад. Какая же тогда стояла холодная осень! Яну вдруг пронзило щемящее воспоминание о дяди-Лешиной шапке...

Когда отца везли на кладбище, родственники с лицами, опухшими от слез, сидели по бокам кузова грузовика, а посередине стоял открытый гроб с телом. Неожиданно пуще прежнего похолодало. Пошел снег. Все стали поднимать воротники, жаться в пальто, глубже натягивать шапки. Снежинки падали на отца и замирали. Ветер ворошил ему волосы. На кочках потряхивало.

— Потише ты! — крикнул дядя Леша водителю и ударил кулаком о кабину. — Не дрова везешь.

Потом он внимательно и долго посмотрел, как не тают снежинки на лице брата. И вдруг снял с себя серую кроличью шапку и надел ее на усопшего.

— На-ка, брат, не мерзни, — сказал он и отвернулся.

Кучер

— Поехали! — Карпольский ударил по плечу Назара.

— Помилуй, барин, жена ведь рожает. Может, опосля?

— Я тебе дам «опосля»! — Карпольский вплотную подошел к кучеру.

— Барин, — взмолился Назар, — Андрей Иванович! Нюшка родить вот-вот должна. Давайте погодим. Совсем немного. А вдруг чего?

Назар видел, что Карпольский свирепеет. Его бледное строгое лицо вытянулось, щеки впали, и потому сильно обтянуло кожей верхнюю челюсть.

— Перечить вздумал? — Барин наотмашь ударил кучера. Удар пришелся по левому уху. — Собака.

— Нюшка рожает, Андрей Иванович. Первенца.

— Поехали!

— Так как можно, я ведь мужик ейный.

— Поехали! Поехали! — Карпольский что было силы бил Назара по лицу. Его узкая сухая ладонь наносила удары сильно и беспощадно.

Барин вошел в раж. Схватил кнут. Кучер отскочил, но хлесткий удар пришелся по руке. Хоть и в тулупишке он, а больно. Назар стерпел, не издав ни одного стона.

— Я тебе покажу, как не слушаться меня! — Андрей Иванович вновь взмахнул кнутом, но на сей раз ударил по саням.

Назар понял, что уговоры бесполезны, и молча помог усесться барину в полость для деревянных саней, устланную мехом.

— Ноги заверни. Всему вас учить надо. И не посматривай на меня так. Ишь, глазами как зыркает!

Рыжая лошадь нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Ей явно надоело стоять на месте.

— Вот и ты туда же! Не терпится? — Назар погладил запряженную Мохнатку.

— Пошевеливайся, голубчик! — нетерпеливо, но уже довольно миролюбиво сказал Андрей Иванович. — Обстоятельства. Понимать должен.

Назар, конечно же, знал про эти барские обстоятельства, но понимать отказывался. Даже осуждал Карпольского. А сейчас так и вовсе ненавидел.

— Ну что ты, серчаешь на своего барина, голубчик? — Андрей Иванович тыкнул тростью в напряженную спину Назара, когда они только двинулись с места.

— Нюша вот-вот разродиться должна, Андрей Иванович.

— Не переживай, они, бабы, постоянно рожают. Ничего с твоей Нюшей не станется. А вот в немилости ходить у хозяина...

Назар знал, что такое барская немилость, до сих пор спина заживать не хочет. Вспоминать боязно.

— Благодаря мне живешь лучше многих. Где в округе так живут конюхи?

Назар покачал головой.

— Вот! А ты в таком пустяковом дельце отказывался мне подсобить. Не стыдно?

«Подсобить в пустяковом дельце» означало доставить барина в соседнее имение к жене доктора, хозяина имения Снытковa Аполлинария Григорьевича, молодой женщине по имени Изольда. Карпольский и Изольда тайно встречались. И вот сейчас, узнав о том, что муж у Изольды в очередной раз в отъезде, Андрей Иванович спешил к своей возлюбленной. Оказывается, записку от Изольды посыльный привез еще накануне вечером, но поскольку Андрей Иванович спал, прислуга не стала его будить, за что и получила утром нагоняй от рассвирепевшего барина.

— Гони! — торопил Карпольский кучера.

Впервые Андрей Иванович увидел ее год назад, когда приезжал хоронить папеньку. Он давно не навещал свое родовое имение. Жил в столице, учился в университете и совершенно не скучал по тем местам, где прошло его детство. Встреча с Изольдой изменила планы на жизнь молодого помещика. Он влюбился, влюбился безоглядно, бросил все в Петербурге и приехал в «свои стены», как Андрей называл большой родительский дом с множеством пристроек и флигелями вокруг. Отец Андрея Ивановича слыл хорошим хозяйственником, помещичье наследство оказалось богатым и крепким.

Андрея Ивановича, или Андрюшеньку, Назар знал с детства. Детям слуг иногда дозволялось играть с барскими детьми. И отец, и дед, и прадед Назара были в услужении у Карпольских. Сначала ходили в крепостных, а после реформы все равно остались при своих благодетелях, исправно неся службу конюхов. У них и фамилия была — Конюховы. Никто лучше Конюховых не разбирался в лошадях. И они гордились этим, передавая по наследству знания и богатый опыт в обхождении с лошадьми.

Уже почти год Назар находился в услужении у приехавшего из столицы барина. И если старый помещик Иван Елисеевич называл Назара на старый манер возницей, то его сын Андрей Иванович — кучером. Разумеется, в обязанности Назара входило возить барина, но он предпочитал всем этим словам — «конюх».

Конечно, сильно изменился Андрюшенька с того времени, как они вместе играли в салки, в лапту. Тогда он был тихим мальчиком, тянулся к дворовым детям, с ними было задорно и интересно. Однажды кто-то из ребятишек случайно задел Андрюшеньку в игре, тот упал, ударился и заплакал. Иван Елисеевич, услышав плач ребенка, вышел на двор. Никто из детей не сознался. Тогда помещик взял крепкую палку, дал ее сыну, а детям велел выстроиться. А потом приказал сыну наказать обидчиков. Андрюшенька сначала не хотел этого делать, весь вид его был каким-то вялым и неспособным к подобному, но испугавшись настойчивого крика отца, он ударил по первому стоявшему мальчику.

— Сильнее бей! — кричал Иван Елисеевич. — Ишь, чего удумали! Барина бить! Ну-ка, покажи им, Андрюшенька! Задай им!

Андрюшенька и задал. По каждому прошелся дубиной, да не по разу.

Назар прибежал в конюшню, пожаловался отцу.

— Ничего, ничего, — прижал к себе отец сына. — Хозяева у нас хорошие, грех жаловаться.

— Ага, хорошие! — плакал Назар. — А палкой знаешь как больно.

Но в целом Андрюшенька имел мирный нрав, и Назар больше не помнил подобного случая. Зато когда молодой барин приехал восвояси, это уже был не тот Андрюшенька с хорошенькими ангельскими кудряшками, а властный хозяин обширного имения с тонкими и редкими волосами. «Повыпадали в городе, — думал Назар, — от учебы, наверное».

И от своего отца Ивана Елисеевича Андрей Иванович сильно отличался. Тот пусть и помещик, барин, но все равно посмотришь на него — мужик мужиком, и одежда из дорогих материалов, но любил рубахи-косоворотки, кафтаны. И выпить любил, а потом разгуляться, да гонять всех по двору, и песни любил петь и заставлял их петь ему. И еда нравилась деревенская. Андрей же Иванович привнес много нового, чудаковатого и в наряды, и в еду, и во все остальное. Господин, одним словом.

Как и когда у барина начались любовные дела с Изольдой, Назар не знал. Возил и возил друг к другу в гости. Это уж потом он стал догадываться, что здесь не просто добрые взаимоотношения соседей. Потому что барин стал наведываться к ней тайком, когда ее муж был в отъезде. «Что такого они нашли в этой Изольде? — недоумевал Назар. — Ледяная сосулька, и имечко под стать». Изольда была высокого роста, прямая и несгибаемая, как та палка, которой как-то охаживал детвору Андрюшенька. Длинные тонкие пальцы, длинное узкое лицо, длинные наряды. Она была какая-то без огня и без желаний. Безжизненная. Но Карпольский боготворил эту ледяную безжизненность по имени Изольда. Не понимал, почему она с этим сморчком Снытковым, ревновал, грозился убить его. Изольда сказала, что если только волос упадет с головы мужа... Уходить от доктора и жить с Андреем Ивановичем она наотрез отказывалась, сколько ни умолял ее Карпольский. Для него это оставалось мучительной загадкой, тайной, и тем желаннее ему виделась эта женщина.

— Что ты еле тащишься? — Карпольский вновь начинал заводиться.

— Так снегу-то скоко намело, барин.

— Скоко, скоко. Гони, гони давай!

Назар и так старался вовсю. Отвезти бы барина побыстрее, да обратно домой к Нюше. Поди, не заставит его барин вечер и ночь пережидать у тамошних хозяев. Уедет он к себе, а потом снова за барином приедет. Так уже было, и на два дня оставался там барин, отправлял Назара обратно, а в назначенное время кучер приезжал за ним.

Что-то нехорошо было сейчас на душе у Назара. Он посматривал на довольное лицо барина, и от этого ему еще больше становилось не по себе. Ныло под сердцем. Лошадь шла лениво, он погонял Мохнатку, и она старалась изо всех сил, а все равно шла слабо и без желания. А от того что снега намело, сани чуть дважды не опрокинулись. Но все обошлось, барин лишь упрекнул его, во второй раз более недовольно. Причину тревоги Назар знал. Ему казалось, что что-то обязательно произойдет с его Нюшей. И когда сердце стало камнем давить на живот, не выдержал, остановил лошадь.

— Барин! Прошу тебя Христом Богом! Давай вернемся! Прошу.

Карпольский с удивлением посмотрел на кучера, словно говоря: ну ведь мы все уже выяснили, чего ты ерепенишься?

— Я дальше не поеду! — Назар уперся в молчаливый взгляд Карпольского. — Делай со мной, барин, что хочешь, а дальше я не поеду. Ну не могу я, понимаешь. Сердце не на месте.

Карпольский с трудом выбрался из саней. И, опираясь на проваливавшуюся трость, нетвердой походкой сделал несколько шагов по направлению к кучеру, но тут же увяз в снегу. Казалось, что не отказ кучера, а именно это проваливание в снег сильно разозлило барина. Да к тому же Назар не двинулся с места. И когда Карпольский размахнулся и ударил наотмашь кучера, ни один мускул не дрогнул на лице Назара.

— Я тебе покажу, как ослушаться, — зло и тихо говорил барин, нанося тростью удар за ударом по лицу и телу кучера.

Словно коршун налетел на свою добычу и терзал, терзал, терзал. К тому моменту, как Карпольский выдохся, лицо Назара было разбито и представляло собой кровавый блин.

— Умойся, голубчик, и поехали, поехали, — как ни в чем не бывало сказал, отдышавшись, барин.

Назар покорно протянул руки к снегу, зачерпнул пригоршню и стал смывать кровь с лица. И впрямь, чего он ерепенился, все равно придется сейчас ехать туда, куда барин велел. Как же он с таким лицом к Нюше. Испужается еще.

Кровь он смывал долго и тщательно. Сам Карпольский попросил почище лицо умыть, чтобы Изольда не пришла в изумление и ни-ни, что это его барин так.

— Сам нарвался на чей-то кулак, потому что поспорил, ясно?

Теперь уж что было сил Назар погонял Мохнатку, все равно обратной дороги сейчас не будет. А Нюша, ну что Нюша, справятся и без него, сколько баб рожает, и ничего. Но Нюша-то не как все деревенские бабы, слабенькая такая...

Когда приехали к усадьбе Сныткиных, барин вдруг засуетился. Какой-то знак, видать, ему был подан. Может, вывешено что. Назар даже не вникал.

— Вот что, голубчик, я отойду, а ты сходи-ка к конюхам, прислуге, выведай. Кажется, доктор вернулся. Обо мне ни слова, если встретишь хозяина. Узнаешь все — и сразу же обратно. Я тебя буду во-он в той сторожке ждать.

Действительно, как и предполагал Карпольский, Сныткин был дома, недавно вернулся.

— Вот что. Ты иди к доктору и упроси его, чтобы он поехал с тобой к твоей Нюшке, скажи, рожает, плохая она, тебя специально отправили за ним. Мол, барин настоял перед отъездом, а сам в город уехал, дела важные.

— А как, барин, до города доберешься? — не понял Назар.

— Дурак, что ли? Я здесь останусь. А ты давай, утаскивай отсюда доктора. Зря, что ли, мы ехали? И раньше завтрашнего не приезжай! Пусть доктор с твоей Нюшей разбирается, а если его помощь не нужна, все равно задержи, больных каких-нибудь покажи ему, он посмотрит, не откажет. Иди, упрашивай доктора.

Увидев Назара, Изольда охнула.

— Что с лицом? — был первый вопрос Сныткина, но Изольда охнула не по этому.

Назар помолчал специально чуть больше нужного, чтобы дамочка понервничала, а потом стал упрашивать доктора ехать к ним в имение из-за Нюши. Однако долго упрашивать доктора не пришлось. Он охотно согласился.

— Андрей Иванович здесь, — успел шепнуть Назар хозяйке дома, пока Сныткин собирался. Та испуганно вздрогнула и приложила к губам палец.

И Назар повез к себе доктора Сныткина.

Утром он доставит его обратно и ни разу не посмотрит ему в глаза. Привезет вора Карпольского домой и пойдет к жене и сыну, которому будет полдня от роду и который никогда не будет конюхом, как его предки.

Сын кучера Назара станет большим революционером. И ровно через двадцать лет, в год революции, ему представится случай лично убить Карпольского, «благодетеля» его предков.

Наталья Романова

Сиреневая собачка

— Не бывает сиреневых собак!

— Бывает!

— А я говорю, не бывает! — Игорек смерил презрительным взглядом игрушечную собачку, стоящую на прикроватной тумбочке Павлика.

— У тебя не бывает, а у меня бывает.

— Ни у кого не бывает.

— Бывает.

— Где ты видел? Ну где? Черные бывают, коричневые бывают, даже желтые бывают. Сам видел. А сиреневых не бывает! — Игорек подлетел к тумбочке и схватил собачку.

— Не трогай! — дернулся было Павлик.

— Она не настоящая, она невзаправдашняя, она дурацкая сиреневая собака! — Игорек запрыгал по палате, подбрасывая игрушку как можно выше.

— Положи! Положи! — завопил Павлик, но Игорька это лишь только больше раззадоривало.

— Сиреневых не бывает! А Пашка дурак, курит табак, спички ворует, дома не ночует.

— Что за шум, а драки нет? — заглянул в палату доктор. — Кто тут буйствует?

Игорек мгновенно уселся на свою постель и сложил руки, как примерный школьник.

Иван Иванович вошел в палату.

— У вас мир или как?

Игорек закивал. Павлик лежал, повернув голову к облупившейся больничной стенке.

— Павел, — наклонился Иван Иванович над мальчиком, — что вы не поделили?

Павлик молчал.

— Так. Опять кошка между вами пробежала. — Доктор чуть отодвинул стойку капельницы и присел на кровать ребенка. — Сколько таблеток зарыл в горшок с алоэ?

— Нисколько! — возмутился Павлик. — Я все проглотил. Зараз!

— Ну, тихо, тихо! Тебе дай волю, ты и меня проглотишь зараз.

— Доктор Большаков, ведь бывают сиреневые собаки?

— Сиреневые? Хм... — Иван Иванович увидел на постели Игорька сиреневую игрушку. — Отчего же им не бывать? Бывают. Да и чего, ребята, только не бывает в мире.

— Слышал? — победоносно взглянул Павлик на своего соперника. — Бывают! Отдавай сюда мою собаку!

Игорь нехотя встал с постели и протянул собачку Павлику. Павлик жадно схватил ее и прижал к себе.

— Ну-ка, дай-ка, дай-ка мне взглянуть на нее. — Иван Иванович заинтересованно взглянул на игрушку.

Павлик неохотно протянул ее доктору. Большаков взял ее осторожно, словно шкатулку с драгоценностями, и, приподняв очки, принялся внимательно ее разглядывать.

— Нет, не может быть. Ну надо же. Это и впрямь она. Вот чудо-то, — бормотал он.

Мальчишки глазами впились в игрушку и молча разглядывали ее. Первым не выдержал Павлик:

— Доктор Большаков, а что за чудо? Где?

— Что? — не понял Иван Иванович, отрываясь от игрушки.

— Про чудо вы сказали, ну только что. — Игорек сгорал от любопытства.

— Я много раз слышал про сиреневую собачку, но вижу ее впервые, — начал доктор.

— А что, что вы слышали?

— Слышал-то я немного, но очень важное. С давних пор идут слухи, мол, ходит по свету одна игрушка. Цвета необычного, сиреневого. Собачка. Ну игрушка и игрушка, что тут такого, ан нет! Это собачка спасительная.

— Какая? — в голос переспросили мальчишки.

— Спасительная. Говорят, что она раньше была настоящей. И окрас у нее был совершенно обычный. Не знаю, правда, какой, ну, скажем, серый.

— А может, дымчатый? — предположил Игорек.

— Да тише ты, не мешай! — зашушукал на него Павлик. — Это у кошек дымчатый!

— Может, и дымчатый. Так вот. Однажды собака увидела в лесу младенца.

— Это когда она живая еще была? — спросил Игорек.

— Да не перебивай! — завопил Павлик. — Живая, конечно.

— Я же уточнить спросил.

— Доктор Большаков, ну чего он лезет? Рассказывайте дальше!

— А ты поспокойнее, поспокойнее, — укорил Павлика доктор, — так возмущаешься, что игла чуть не выскользнула из вены. Видит собака, что младенец лежит почти уже не живой, замерзает, — продолжил рассказ Иван Иванович, — она

взяла и скинула шкуру, да младенца укрыла. Спасла его от смерти, значит.

— А что, сама голая осталась? Как ей голой-то самой выжить? — удивился Павлик. — Или она потом шкуру обратно одела?

— Нет, не надела, потому что это все видел Волшебник. Он и сказал ей, что отныне ты, собака, будешь непростая, а спасительная. Но будешь ходить без шкуры. А разве можно настоящей собаке ходить без шкуры? Вот и стала собака игрушечной.

Дверь в палату с шумом открылась. На пороге появилась белая скала — старшая медсестра в белом халате.

— Иван Иванович! Вот вы где, а вас ищут. Приехали из города.

— Уже? — удивился Большаков, взглянув на часы. — Обещали после обеда. Скажите, что уже иду.

— А сиреневой почему?

— Вот уж не знаю... — Иван Иванович встал с постели Павлика.

— А кого еще она спасла?

— Потом, ребятки, все потом. Приехали смотреть ребенка. Уж очень больного. Я пошел. И чтобы здесь не хулиганить! — Иван Иванович строго посмотрел на Игорька. — А то будете дело иметь с Василисой Степановной.

Василиса Степановна, старшая медсестра, была грозой всего детского отделения больницы, и при ее упоминании Игорек с Павликом боязливо переглянулись.

— Сказки это все, — сказал Игорек, когда закрылась дверь за Иваном Ивановичем.

— Здрасте! Стал бы доктор обманывать!

Игорек взял собачку, повертел ее, хмыкнул и отдал обратно Павлику.

— Обыкновенная игрушка. К тому же взрослые мальчишки в такие не играют!

— Не обыкновенная, а спасительная! — возразил Павлик.

— А меня спасать не надо, завтра выписывают.

— Везет, — вздохнул Павлик.

— А когда выпишут, у меня день рождения будет. Мамка торт испечет или купит. Если тебя выпишут, тоже приходи. И подарок не забудь. Пистолет какой-нибудь, ладно? Книжку только не дари, все равно читать не буду.

— Ладно.

— Мама, откуда у нас эта собачка? — спросил Павлик на следующий день у матери, едва та переступила порог палаты.

— Привет, дорогой мой. — Людмила Петровна несколько раз поцеловала сына напомаженными губами.

— Ну мама, — Павлик попытался увернуться, — опять все щеки в твоей рыжей помаде.

Нацеловавшись вдоволь с сыном, Людмила Петровна принялась выкладывать из сумки на тумбочку провизию. За этим занятием ее застала «белая скала».

— Мамаши! Ну что вы сюда ведрами таскаете? Ведь кормят их. К тому же прекрасно кормят.

— Кормят, кормят, — под нос проворчала Людмила Петровна, доставая банку с супом, завернутую в шерстяную кофту, — посиди-ка сама на больничной еде, посмотрю, что от твоих залежей останется.

— Скоро приду проверю, если есть недопустимые продукты, выкину на помойку! — пригрозила Василиса Степановна.

— Мама, откуда она взялась? — Павлик уклонился от ложки с борщом, которую ему пихала мать.

— Кто откуда взялась? — Людмила Петровна огляделась по сторонам. — О, а где этот шалопай? Куда подевался?

Кровать Игорька выглядела очень сиротливо, с нее была снята постель.

— Вылечили уже. Мама, откуда взялась собачка? — Павлик протянул игрушку матери.

Людмила Петровна взяла собачку, задумалась.

— Не помню, сынок. Покупали, наверное. Может, кто подарил. А что?

— Такая собачка — и не помнишь!

— Какая такая?

— Спасительная!

— Ну надо же! — всплеснула руками мать. — Чего ты не ешь? Стынет же все. Ешь давай!

Когда мать убирала в сумку грязную посуду, Павлик сунул туда ей собачку. Пусть мама домой унесет. Так будет надежнее.

Место Игорька пустовало недолго. К вечеру на его койке уже лежал маленький мальчик. Мальчика звали Славиком. Ему недавно исполнилось три года. Он лежал не один, а с мамой, раскладушка которой стояла подле кровати. Больница была переполнена, поэтому ей приходилось спать на раскладушке. Елена Валерьевна, мама Славика, худенькая молодая женщина, с волосами, убранными в пучок, выглядела очень испуганной. Она вздрагивала от каждого шороха, подавляла в себе сон, а если вдруг задремывала, но стоило ее сыну завозиться, сразу же соскакивала со своего лежбища со словами:

— Что, сынок, что?

Славик болел какой-то непонятной болезнью. Мама Павлика разговаривала с его мамой. Та рассказывала ей, что никак не могут поставить диагноз. Что даже приезжали врачи из города, консилиум собирался, но все безрезультатно.

— Семь человек приехали, и каждый ставит свой диагноз.

— Да как это? — качала головой Людмила Петровна. — Договориться не могут между собой, что ли?

— В том то и дело, что не могут.

— А Большаков чего?

— И он в растерянности. Да и что он? Не профессор же, а простой доктор районной больницы.

— Иван Иваныч — хороший специалист, толковый врач! Вон скольких на ноги поднял, моего Павлушу тоже. Выписываемся скоро.

— Я и не говорю, что он плохой. Только диагноз диагнозу рознь. А тут они его вообще установить не могут, — устало возразила Елена Валерьевна, — даже рак крови подозревают.

— Не дай бог, — ужаснулась Людмила Петровна.

По пути домой она зашла в кабинет Большакова.

— Иван Иваныч, вы бы уж выписали нас домой, здоровы уже. Вон Павлик какой розовощекий. Место только занимаем. А бедная женщина ютится на раскладушечке. Не высыпается. Ей бы наше место отдать, а моего домой.

— Успеется, Людмила Петровна, успеется.

— Говорят, диагноз у этого Славика неизвестно какой, так ли?

Большаков не ответил.

— Людмила Петровна, какие еще у вас вопросы?

— Так, может, Павлика все же можно дома долечить?

— Заразиться боитесь?

— У меня сыновья не казенные, — вспыхнула посетительница.

— Вот поэтому Павлику будет лучше на несколько дней остаться в больнице. Закончим общеукрепляющее лечение и отправим его восвояси, ни дня лишнего не продержим, уверяю вас.

Все эти несколько дней, что Славик лежал в палате, к нему, словно пчелы на мед, слетались медсестры. То капельницы, то уколы, то анализы. Павлик каждый раз отворачивался, когда в палате появлялась медсестра со зловещей железной коробкой, которую с лязгом открывали, доставая оттуда шприцы. Славик поначалу плакал, но вчера и сегодня даже не пискнул. Он то отрешенно смотрел на сюсюкающую с ним медсестру, то очень понимающе, мол, для моего же здоровья стараетесь. Его взгляд, полный страдания, был невыносим даже для семилетнего Павлика.

— А почему ты не плачешь? — спросил как-то раз он у Славика.

— Мама плачет, — сказал малыш.

Павлик жалел Славика, угощал его конфетами, рассказывал сказки, как мог отвечал на разные вопросы малыша. А они были заковыристыми, например:

— Почему дядя доктор Большаков?

— Почему, почему, — отвечал с умным видом Павлик, — потому что у него фамилия такая.

— Потому что он большой! — протестовал малыш.

И вновь приходила медсестра — тетя Оля, или тетя Валя, или еще какая-нибудь тетя в белом халате, и Славик уже подставлял не кривые тонкие веточки-ручки, потому что в них уже не было ни единого местечка для тонких колючих игл, а кулачки размером с грецкий орех. И все это он проделывал с удивительным спокойствием. Но Павлик по-прежнему каждый раз отворачивался к стенке.

В день выписки Павлика в больнице был объявлен карантин, поэтому ни одного посетителя в больницу не пускали. Когда Павлик уходил из палаты, Славик спал. Людмила Петровна немного поговорила с Еленой Валерьевной, оставила ей пакет с несколькими яблоками, половину банки клубничного варенья и, тепло попрощавшись, зашагала за документами в ординаторскую, держа крепко сына за руку. Вскоре они уже покидали больницу.

Время как раз было для посещений, но поскольку в больницу не впускали, то посетители — мамы, папы, бабушки, дедушки — стояли под окнами здания и громко кричали, стараясь перекричать кто кого. Палата, где лежал Павлик, находилась на первом этаже. Возле ее окна одиноко стоял посетитель. Павлик узнал его. Это пришел навестить сына дядя Юра — отец Славика. Он каждый день после работы приходил к ним в палату и все время смешил ребятишек. Однажды перепугал их мам, когда заглянул в обезьяньей маске, а Славика и Павлика это так рассмешило, что они гоготали минут пять. Правда, Славик поначалу не понял, что в маске — его папа, а потом когда тот снял с себя обезьянью рожицу, Славик так испугался, что забрался под подушку, но когда все стали над ним смеяться, выбрался из своего укрытия и смеялся вместе со всеми.

— Мама, вон дядя Юра пришел, у окна стоит, пойдем к нему.

— Да, да, сейчас. — Людмила Петровна увидела во дворе больницы Ивана Ивановича, шагающего к входу в здание.

Она быстрыми шагами в два счета догнала врача. Тот, увидев ее, приветливо поздоровался, а Павлика слегка потрепал по плечу.

— Ну что, богатырь, болеть не будешь больше? Смотри у меня, а то такой уколище пропишу! Людмила Петровна, вы все забрали, выписку не забыли?

— Нет, нет, все взяла, не беспокойтесь! — Людмила Петровна открыла свою большую сумку, которая, по мнению Павлика, называлась очень смешно — ридикюль. — Это вам... Да где же? — Людмила Петровна лихорадочно рылась в ридикюле. — На-ка, Павлик, держи. — И она принялась доставать из сумки первые попавшиеся вещи. — Да где же?

В руках Павлика оказались футляр из-под очков, потом сами очки, пенал, потрепанная общая тетрадка с рецептами, сиреневая собачка...

— Собачка! — Павлик от неожиданности чуть не выронил все из рук. — Мама, собачка!

— Слава тебе господи, вспомнила. Не в сумке ведь. В пакете же!

Она протянула пакет, который был у нее в руках, Большакову:

— Вам!

Большаков взял пакет, открыл его и молча протянул обратно.

— Нет, нет! — возразила Людмила Петровна. — Это вам. За наше здоровье. Не беспокойтесь, это хороший коньяк, знающие люди посоветовали.

Как же он, Павлик, забыл про эту спасительную собачку? И пока мать препиралась с доктором, он сунул ей в сумку все, что держал и, зажав в руке сиреневую собачку, стремглав понесся к окну своей бывшей палаты.

— Ты куда? — обернулась ему вслед Людмила Петровна.

— Сейчас я!

Павлик подлетел к дяде Юре.

— Привет, шкет, — поздоровался довольно уныло с ним отец Славика.

— Что там? — спросил Павлик. — Он не доставал до карниза, как ни пытался встать на цыпочки.

— Уколы, — сказал отец и отвернулся, — лучше бы он верещал, как остальные дети.

— Дядя Юра, вот вам, — протянул Павлик игрушку.

— Мне? — удивился отец Славика.

— Да не вам! Славику. Это спасительная собачка. Так доктор Большаков сказал.

— Ну, раз доктор сказал... — Юрий взял в руки игрушку.

— Он поправится! Собачка поможет ему.

Юрий серьезно посмотрел на семилетнего сорванца.

— Спасибо, — он пожал ребенку руку, — а теперь беги, тебя мама зовет.

Юрий глянул вслед убегающему мальчугану, а когда повернулся, то через тоскливо-больничное окно увидел смеющееся лицо сына.

— Какая у папы собачка! — радовался Славик.

Игрушка стала у Славика любимой. Он засыпал с собачкой, а если бодрствовал, то непременно играл с ней или требовал, чтобы она все время была у него на виду. Тем временем улучшения в состоянии ребенка не наблюдалось. По-прежнему доктор Большаков говорил, что кожный покров и слизистые оболочки бледные, анализы плохие. Елена Валерьевна еще больше заострилась и плакала, стоило только уснуть сыну.

В один из дней, когда в больнице был еще карантин, Юрий, минуя приемный покой, бодро прошагал к отделению, где лежал его сын, да не один. С ним была маленькая юркая старушоночка, мать Юрия.

— Мужчина, вы куда! Нельзя! — завозмущался дежурный врач приемного покоя и кинулся наперерез, но Юрий даже не глянул на него, крепкой рукой отодвинув с дороги.

— Да поймите вы, у нас карантин, к тому же часы приема в другое время! Вы только хуже сделаете пациенту.

— Уйди! — Старушка прошмыгнула буквально под мышкой дежурного врача.

А Юрий молча шагал к палате сына, старушка семенила за ним.

— Взял в жены городскую, вот мучайся теперь. Говорила еще неделю назад — Марии-вогулке надо внучонка казать. Нет! Не слушают.

Отец Славика вошел в палату, когда ребенку собирались ставить очередной укол. Он, ни слова не говоря, поднял сына с кровати и, прижав крепко к груди, вышел вон. Тот в свою очередь прижимал к себе сиреневую игрушку.

Медсестра так и осталась стоять с поднятым вверх шприцем, не понимая, что происходит.

— Куда? — кинулась Елена Валерьевна вслед за мужем, уносящим сына, но свекровь перегородила ей дорогу.

— Сиди! — строго сказала она.

— Куда его понесли?

— Куда надо, туда и понесли.

— Это опять ваши выдумки, Анна Емельяновна? Отвечайте немедленно, куда ребенка понесли?

— Не волнуйся, голубушка, он с отцом.

Медсестра наконец поняла, что ей не придется ставить укол. Она, положив его на тележку, подошла к двери, но старушка, как часовой, не желала ее выпускать.

— Женщина, что вы себе позволяете? — возмутилась медсестра. — Меня больные ждут!

Анна Емельяновна только хмыкнула.

— Вы что, нас в заложники взяли? — Елена Валерьевна с ненавистью посмотрела на свекровь. — Это вообще-то подсудное дело.

— Ладно, — смилостивилась старушка, — ты иди к своим больным, а то вдруг помрут без тебя, а ты, — кивнула она снохе, — сиди пока тут.

Юрий так же беспрепятственно вышел из больницы, как и вошел. В приемном покое, через который нужно пройти, чтобы попасть на улицу, на сей раз вообще никого не было.

Юрий снял с себя ветровку и укутал в нее сына.

— Как звать твою собачку? — спросил он, вновь прижимая к себе ребенка и шагая к больничным воротам.

— Собака, — ответил тот.

— Собака-то собака, это понятно, а имя какое у нее?

Славик не ответил.

— Не придумал еще?

Славик покачал головой.

— Давай вместе придумаем. Как назовем?

Славик молчал.

— Как хочешь, чтобы ее звали?

— Собака.

— Ну, Собака так Собака.

За воротами стоял мотоцикл, за рулем которого сидел друг Юрия Витька-чекушник. Чекушник — потому что у него дед когда-то работал в ЧК. Отец Витьки, дядя Михай, тоже был чекушником, Михай-чекушник. Однако сам дед чекушником не был, за глаза его уважительно звали по имени-отчеству и даже по фамилии — Анатолий Романович Гордый.

— Достал ребенка? — деловито спросил Витька-чекушник по фамилии Гордый. — Я думал, для такого дела не отдадут.

— Я не сказал ничего. — Юрий усаживался в люльку, бережно держа сына.

— Тетку Анну будем ждать?

— Поехали.

Они быстро домчались до дома, в котором жила Мария-вогулка. Вогулами раньше называли народ манси. Но в Луговом только за Марией осталось прежнее название.

Витька-чекушник с важным видом распахнул перед другом калитку и заговорщицки подмигнул. Гордому хотелось думать, что он принимает участие в очень серьезном и нужном деле. Этим он оправдывал соучастие в похищении ребенка из больницы.

Юрий постучал в дверь избы. Почти сразу же на пороге появилась хозяйка дома — очень маленького роста, с русыми волосами, ничем не покрытыми, заплетенными в две длинные косы. Обычная женщина, только лицо и нос плоские. Сколько ей лет, определить трудно, но явно не молодая.

Мария отнюдь не любезно оглядела пришедших.

— С вами договаривалась Анна Емельяновна, моя мать, его бабушка. — Юрий приподнял сына. — Мы из больницы.

— Ребенка оставь, сам иди.

— Как это иди? Я ребенка не оставлю.

— На вот, — протянула вогулка Юрию котелок, — набери воды из реки. Иди.

Юрий хотел было передать ребенка Марии в руки.

— Поставь. Пусть сам идет.

Славик был тих и совершенно безразличен ко всему происходящему.

Юрий поцеловал сына.

— Мы с дядей Витей уйдем, сходим за водичкой к речке и сразу придем. А ты останешься с бабушкой Машей, хорошо?

— Иди уже, — толкнула вогулка Юрия и, притянув к себе ребенка, захлопнула за собой и Славиком дверь.

— Вообще-то она странная. — Витька-чекушник был раздосадован, что Мария уж очень негостеприимно повела себя с ними.

— Пошли. — Юрий направился в сторону калитки.

— Представляю, что будет, когда твоя Ленка узнает...

— Хуже уже не будет, — махнул рукой Юрий, — хуже уже некуда.

— Чего она нас не пустила? Или хотя бы тебя? Отец же.

Юрий пожал плечами.

— А я почем знаю?

— Вообще-то она к себе никого не пускает.

— Почему, пускает. Я был у нее как-то с матерью, да и мать к ней захаживала несколько раз.

— И как у нее там, в избе?

— Да ничего особенного. Справа кровать стоит. Над ней полка с занавеской. Говорят, она там всякие предметы свои культовые прячет.

— Черепа медведей, небось?

— Ага, типа того. Но нам ничего она этого не показывала. Что еще? Рога оленьи висят на стене.

Вихрастый Витька быстро завел свой драндулет, и они с Юрием покатили в сторону реки.

Как назло, у реки Витькин мотоцикл сломался, и Юрию пришлось обратно идти пешком. Он шел медленно, чтобы не расплескать воду из котелка. Уже когда Юрий подходил к дому Марии, из-за поворота выехал Гордый, гордый тем, что удалось починить свое транспортное средство.

Юрий сидел на крыльце, боясь постучать в дверь избы. Наконец на пороге появилась Мария.

— Где Славик? — соскочил со ступеней крыльца Юрий.

— Спит. Вот котлеты из лосятины, — Мария-вогулка протянула блюдо с котлетами, — обвалены в диком чесноке. Вот растопленный лосиный жир, — она подала чашку, — макайте в него.

— Это для ритуала? — полушепотом спросил Витька-чекушник.

— Это от голода, — усмехнулась Мария.

— Мария, вот вода. — Юрий указал на котелок, стоявший на крыльце.

Мария равнодушно посмотрела на него.

— Вылей.

— Не нужно, что ли?

— Нет.

— А зачем мы за ней ездили? — опешил Юрий.

— Чтоб мне не мешались. По окнам не висли.

Витька и Юрий за обе щеки уплетали лосиные котлеты, когда дверь калитки скрипнула. Это вошла во двор Анна Емельяновна.

— Где внучок? Как он?

— Мама, ты? — чуть не поперхнулся Юрий лосятиной.

— Ох и нервная у тебя твоя Елена Валерьевна. Укол ей даже ставили.

— Что с ней? — подскочил Юрий.

— Да чо с ней? Ноет и ноет. Надоела она мне.

— У нее вообще-то ребенок сильно болеет, если чо так-то.

— Где Славик, спрашиваю.

— У Марии в избе. Говорит, спит.

— Хоть бы уж помогла, вогулка-то. А то смотреть не могу на его руки синие, колют и колют. — Анна Емельяновна отвернулась и утерла слезу кончиком платка.

— Забирайте! — Мария вышла из дома, держа за руку сонного Славика.

Юрий с матерью кинулись к ребенку. Славик тер ручками глаза. Юрий взял его на руки и прижал к себе. Бабка поцеловала пяточки.

— Он должен долго спать. Не тыркайте его. И врачам не давайте его будить, — давала Мария наказы напоследок.

— Он выздоровеет? — с надеждой в голосе спросил Юрий.

— Да. Точно выздоровеет. И жить будет долго. Будет знаменит.

— Уж не до знаменитостей тут, — вздохнула бабушка Славика, — лишь бы здоров был. Витька, чего расселся, поехали! — Она быстрым движением выхватила блюдо с котлетами из рук жующего Витьки и столкнула его с крыльца.

— Спасибо вам. — Юрий слегка поклонился вогулке. — Мы с вами обязательно рассчитаемся.

— Идите уже.

Юрий с сыном сели в коляску мотоцикла, а Анна Емельяновна сказала, что дойдет до дома пешком.

— Собака! — вдруг заплакал Славик.

— Он игрушку у Марии оставил. — Юрий привстал в коляске, держа одной рукой сына, а другой ухватившись за стекло мотоцикла.

— Сиди, сиди, я сама. — Анна Емельяновна юркнула в калитку и через каких-то пару минут появилась с сиреневой собачкой в руках: — Держи, мой касатик, не плачь! Юрка, смотри там, чтобы врачи его не торкали! Пусть спит ребенок! А то я задам им. Лично! Понял?

— Понял я, понял. Все, мать, мы поехали, — махнул рукой Юрий матери на прощание, и через мгновение они скрылись за поворотом.

Когда Юрий со спящим сыном вошел в палату, Елена выхватила Славика из его рук и с силой прижала к себе.

— Он должен спать. Столько, сколько захочет.

Елена Валерьевна, захлебываясь слезами, все крепче и крепче сжимала сына. Славик застонал.

— Положи его! — прикрикнул Юрий. — Да положи, кому сказано!

— Что с ним делали? Куда ты его возил? — с какой-то особой злобой посмотрела Елена на мужа.

— Болезнь выгонять, — устало ответил Юрий, — к Марии-вогулке.

— Так я и знала. — Елена положила ребенка на кровать и укрыла одеялом. — Так я и знала, — она подскочила к мужу, — это все происки твоей мамаши. Зачем его туда потащили, он укол пропустил, капельницу! Чем ваша шаманка может помочь? Дикарь ты вместе со своей матерью!

— Тише, не кричи, Славика разбудишь.

— Мы уезжаем в город, уже направление есть, вот оно. — Елена потрясла бумажкой. — А там, глядишь, и до Москвы доедем.

— Конечно, поедем, обязательно поедем. Куда нужно, туда и поедем. Только пусть ребенок выспится.

Но едва Славика уложили, другая бабушка, мать Елены, Евгения Петровна, приехав из города, заявилась в больницу, да не одна, а со священником, и потребовала, чтобы разрешили совершить таинство соборования. В другой раз Елена бы, скорее всего, отказалась, а тут восстала:

— К вогулке-язычнице можно было таскать, а тут «оставьте в покое»? Нет уж! Вы свое дело сделали, мы тоже свое сделаем. Приступайте, батюшка!

Священник отец Иоанн разложил все необходимые предметы и начал совершать таинство. Читал молитвы, помазывал Славику освященным маслом лоб, нос, щеки, горло, ключицы, исколотые шприцами руки. Славик при этом почти не участвовал, он спал и лишь изредка открывал глаза и с удивлением смотрел на отца Иоанна. Когда тот довершил таинство, мальчик окончательно уснул и проспал почти сутки. Юрий сходил к Ивану Ивановичу, рассказал ему и про посещение Марии-вогулки, и про визит священника, упросил доктора, чтобы ребенка не будили.

— Ого, какие дела у меня под крылом творятся! — всплеснул руками, как крыльями, доктор.

Ехать в город, а тем более в Москву не пришлось, так как в скором времени анализы ребенка, на удивление всем, стали хорошими. Через три дня совершенно здорового Славика выписали из больницы.

— Я не знаю, что это было, — честно признался Большаков, — не знаю. Это впервые в моей практике. Что за сбой был в организме ребенка, до сих пор не пойму. Непонятно было, от чего лечить. Один диагноз поставишь, смотришь, а симптомы совершенно другие на следующий день. Кто и что помогло ему, одному Богу известно. Может, мы, может, вогулка, может, лицо духовного звания...

Потом все спорили. Анна Емельяновна утверждала, что спасла Мария-вогулка. Юрий больше склонялся к искусству врачей. Елена готова была с ним согласиться, но также хотела следом за своей матерью признать, что помогло церковное таинство. И только Славик, слушая их, усмехался: мол, я-то знаю, кто мне помог.

Прошло четыре года. Славик вместе с родителями все же переехал в город. Мальчик рос здоровым, только слишком худеньким. Когда Славик пошел в школу, Елена Валерьевна записала его в хор, так как ни в какие спортивные секции ребенка не брали. В хор Славик ходил с удовольствием. Ему нравилось петь. А вскоре руководительница хора Надежда Алексеевна организовала ансамбль «Искорка», в который вошли лучшие хористы, и Славик в том числе. Им сшили концертные костюмы, только Славику оставалось непонятным, почему, если они «искорки», костюмы им выдали темно-зеленые, а не красные.

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слыхал.

Эта задорная любимая песня Славика была в репертуаре ансамбля. Только при слове «обшарил» Надежда Алексеевна, дирижируя, всегда морщила нос. Славик был влюблен в свою руководительницу. Когда они с хором выступали, она надевала свое вишневое длинное концертное платье, на груди которого красовалась веточка-брошь. Переливающаяся в лучах света брошь, усыпанная стразами, не давала покоя юному поклоннику, все время притягивая к себе внимание. Он думал о том, что, когда вырастет, тоже подарит украшение Надежде Алексеевне, она приколет его на другую сторону наряда и будет думать о Славике.

На одном из занятий Надежда Алексеевна объявила, что в субботу у них будет выступление для солдат.

— Нам нужно очень серьезно отнестись к этому выступлению. Это не просто солдаты, а воины, отправляющиеся в горячую точку для выполнения боевого задания. Наша задача — поддержать солдат и хорошо перед ними выступить. Поэтому репетиции и хора, и ансамбля будут всю неделю, каждый божий день. И вот еще что. Давайте после выступления устроим им сладкий стол. Попросите мам, бабушек, чтобы они испекли что-нибудь вкусного.

— А у меня бабушка в деревне, а мама не умеет стряпать. Папа говорит, что у нее руки не оттуда растут, — чуть не плача, сказала Ирка Стеганова.

— Тогда пусть купят что-нибудь.

— А у них денег вечно нет.

— Никто ваших мам не заставляет покупать или стряпать, конечно, все по желанию. Но будет лучше, если мы порадуем наших солдатиков. Так, сладости — это задание для ваших мам. А вы, ребята, тоже постарайтесь и приготовьте им подар-

ки. Только не лишь бы что. Пусть это будет сделано вашими руками — или что-то, что дорого вам, вашему сердцу. Подумайте, время есть. А сейчас репетируем! Для начала разминаем мышцы лица.

И ребята вслед за Надеждой Алексеевной принялись гримасничать.

Насчет пирожных Славик с мамой договорился, а вот насчет подарка... М-да, здесь дело потруднее. Что он может подарить? Славик ходил по дому и заглядывал во все ящики.

— Мама, что? — вопрошал он у Елены Валерьевны.

— Рисунок подари.

Славик попытался нарисовать. Сначала рисовал танки, пушки, но мама сразу же пресекла:

— Они и так на войну идут. Нарисуй солнышко, лес, домики, напиши, пусть всегда будет мир.

Эту идею Славик отверг. Хотелось более мужественной темы.

Своими руками... Табурет он вместе с отцом делал. Но табурет отец отдавать отказался.

— Не потому, что жалко! — убеждал он Славика. — Мы с тобой их еще тыщу наделаем. Но солдату-то он зачем? Побежит в атаку, а у него что, вместо автомата табурет? Чем он стрелять будет, голова твоя садовая?

Совенок, может, подойдет? Он его сплел из макраме. Своими руками сделано, к тому же совенок очень симпатичный получился. Но как нарочно, почти все девчонки собрались дарить этих совят, и даже Колька Бушминский. Значит, совенок отпадает.

Растение тоже не подойдет. Славик еще в прошлом году, когда съел персик, воткнул в землю косточку, было лень вставать с дивана и идти выкидывать, он и засунул ее в горшок с фикусом. Так эта косточка проросла, мама ее пересадила, и теперь это приличное растеньице.

Ну что, что? Или сделанное своими руками, или дорогое сердцу. Славик знал, что его сердцу дорого. Нет, только не это. Он подошел к письменному столу. Посмотрел на своего любимца и отошел. Ни за что. Но чем ближе подступала суббота, тем больше ныло его сердечко. Надежда Алексеевна сказала не жадничать и подарить, что дорого сердцу. А в Надежду Алексеевну он влюблен. Как ослушаться?

В пятницу вечером мама, гладя его костюм, спросила, что он все-таки надумал подарить. Славик ничего не ответил, сходил в свою комнату и принес подарок для солдата.

— Зачем ему это? — изумилась мама. — Она еще и обкусанная в пятках.

— Нам сказали подарить самое дорогое, — грустно ответил сын.

На следующий день ребятишки что было сил старались петь для военных.

— Осенью в дождливый серый день проскакал по городу олень, — старательно вытягивал Славик.

Солдаты и смеялись, и грустили, смотря какое настроение было у песен, и, конечно же, хлопали так громко, что у Славика потом еще долго шумело в ушах.

Когда подошло время раздавать подарки, все кинулись к солдатам, сметая друг друга. Славик немного стеснялся своего подарка, ведь когда он показал ребятам, они рассмеялись, обозвав его «бедняком». Подарки у некоторых были покруче. А говорили — совят, совят...

И вот они кинулись раздаривать свои крутые подарки. Славик представлял себе, что ему достанется такой мужественный солдат, который непременно станет героем войны, и Славик потом всем будет рассказывать, что он был знаком с этим героем. Но вместо славного богатыря ему достался маленький щупленький и вовсе не герой, на вид нерусский человек. Он один остался без подарка. И Надежда Алексеевна подтолкнула к нему Славика.

— Батыр, — протянул руку солдат.

— Славик, — пролепетал мальчик, тоже протягивая руку и разглядывая щуплого воина.

— Хорошо поешь! — похвалил его солдат. — Большой певец будешь.

— Это вам. — Славик смущенно протянул Батыру пакетик с подарком.

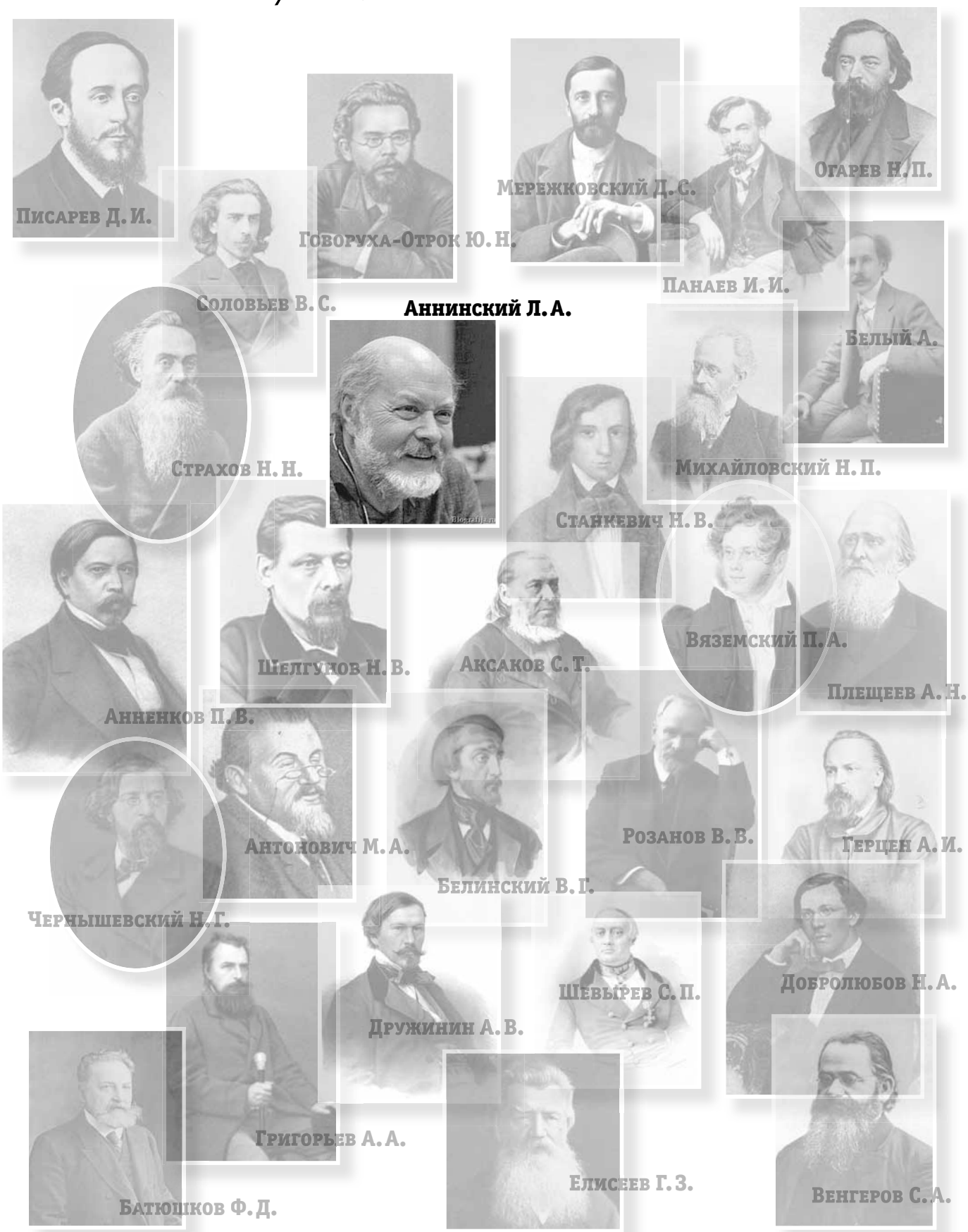
Батыр заглянул в пакет, перевел недоуменный взгляд с пакета на Славика, а потом достал подарок и рассмеялся.

— Сиреневый собака? Бывает?

— Бывает, бывает! — закивал мальчик. — Еще как бывает! Это непростая собака. Особенная. Вам! Чтобы вы не погибнули. Вы ведь не погибнете?

— Не погибну, не погибну, — пообещал солдат.

— Это и взаправду непростая собака. Спасительная! Она меня спасла, когда я болел, лежал в больнице. Говорили, я умру. Один мальчик мне ее передал, когда выздоровел. А потом я выздоровел и не умер. Вы тоже не умрете. А потом, когда не умрете, подарите ее другому человеку. И он тоже не умрет.


Писарев Д. И.
Говоруха-Отрок Ю. Н.
Мережковский Д. С.
Огарев Н. П.
Соловьев В. С.
Панаев И. И.
Аннинский Л. А.
Белый А.
Страхов Н. Н.
Михайловский Н. П.
Станкевич Н. В.
Вяземский П. А.
Шелгунов Н. В.
Аксаков С. Т.
Плещеев А. Н.
Анненков П. В.
Антонович М. А.
Розанов В. В.
Герцен А. И.
Белинский В. Г.
Чернышевский Н. Г.
Шевырев С. П.
Добролюбов Н. А.
Дружинин А. В.
Григорьев А. А.
Елисеев Г. З.
Венгеров С. А.
Батюшков Ф. Д.

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 г. и в № 1–7 за 2014 г.

Из рук Макарова

А недаром судьба подманивала меня к Макарову — свела-таки. Но не в 1956 году, когда я пытался попасть к нему в «Молодую гвардию», а лет пять спустя, когда меня взяли в отдел критики журнала «Знамя», где Макаров был членом редколлегии.

Его статьи покоряли меня спокойной раздумчивостью, его полемические пассажи (в том числе в адрес моего поколения, яростно заявлявшего о себе) не убивали, а заставляли думать — дальше, глубже. Меня глубоко трогал, западал в душу цикл его статей «Серьезная жизнь», а его оценки моих статей — иногда полемичные, а иногда солидарные — приводили в настоящий «творческий восторг».

Он сделал для меня очень много. Рекомендовал в члены Союза писателей (еще до выхода первой книги). А рукопись первой книги по собственной инициативе отнес в издательство «Советский писатель» (где она после трехлетних мытарств вышла под названием «Ядро ореха»).

Один раз я не удержался от лирического монолога в его адрес. Обстановка располагала: шел прощальный фуршет всесоюзного семинара молодых критиков, коего я был участником — по рекомендации того же Макарова.

Вот я и расчувствовался — после очередного тоста.

— Александр Николаевич! Вы-то нас понимаете — даже когда с нами спорите. А будущие читатели — поймут ли? Почувствуют ли, откуда наша боль, вникнут ли в наше душевное состояние, оправдают ли нас в наших метаниях и поисках?

Он поставил бокал:

— Оправдаться есть возможность. Да не спросят — вот беда!

И посмотрел на меня веселыми, искрящимися, цыганскими глазами.

Я почувствовал, как некрасовская строка выныривает откуда-то из залежей литературоведения и врезается в мое сознание.

Врезается — на всю жизнь.

Продолжение следует.

Гордыня и любовь в веретене бытия

Спектакль «Бедность не порок» я посмотрел через семь с лишним лет после премьеры. И через полтора с лишним века после того, как со сцены того же Малого театра Александр Островский возвестил, что гордым бог противится и что любовь предавать и продавать нельзя. Я опасался, что все это уже общепризнано, но зацепила артистичная перекличка имен главных противников, ноуменальная тяжба братьев. Гордей — самоуверен до тупого самодурства. Любим — обаятелен до лукавого самоотрицания. Нам-де, дуракам, богатство не впрок, нам много денег лучше не давать, а немного — давайте: все срезу и прокутим, по-нашему, по-русскому...

В нынешней ситуации все, что «по-русскому», звучит с особенным акцентом. Боишься самодовольства, но плавится душа от ощущения единства со всеми. Любим покоряет не только потому, что его заразительно играет Александр Коршунов, но и потому, что эта роль виртуозно вписывается в тон, стиль и ритм спектакля, Коршуновым же и поставленного.

Зрелище лихое и родное. Убойны плясовые сальто-мортале. Убойны нежданные трепки. Убойны живительные затрещины. Особенно же проникновенны хоровые сцены: обрядовые и игровые песни-пляски, исполненные по записям народного ансамбля «Веретёнце», — именно они поджигают зрителей и подхватываются дружными аплодисментами зала.

И сам — туда же. Вслушиваешься, встраиваешься, втягиваешься. Знаешь ведь, сколько боли затаено в этой истории. И все-таки приемлешь ее. Потому что это — мы. Наше исконное. Наше прошлое, настоящее и, увы, будущее. Эта вечная борьба заполошной гордыни и самоуничижающейся любви. Эта веселая пляска от отчаяния. Это вечное скитанье из края в край, кувырки и кульбиты чувств, неутомимое верченье души в веретене бытия. Которое так и хочется назвать в стиле спектакля — веретёнцем.

Максим ЖУКОВ

Максим Жуков родился в 1968 году в Москве. Поэт, прозаик, журналист. Постоянно живет в Евпатории. Выбрал «провинцию у моря». Выпустил в московских издательствах три книги. Но, как ни странно, столица его не особо жаловала в плане литературных наград, а вот Санкт-Петербург — напротив; здесь он становился лауреатом конкурса Tamizdat (2007), победителем конкурса «Заблудившийся трамвай» (2012) и обладателем Григорьевской поэтической премии (2013). По логике вещей, следовало бы осесть на благосклонных к нему берегах Невы, а он верен Крыму. В интервью обычно сетует на то, что любовь к инвективной лексике препятствует публикации его лучших стихов в российских СМИ. В Крыму пишет роман о Москве и бандитских клубах, где работал в середине девяностых администратором.

Сам по себе

В большинстве случаев писателю хотят польстить, когда утверждают, что он находится в стороне от литературных течений и группировок. Это тонкий и расчетливый комплимент. Ведь с этой точки зрения можно оправдать любые неудачи. Не замечают критики? Не печатают журналы? Не воспринимают всерьез собратья по перу? Не светят крупные (да и мелкие) премии? Всему найдется логичное объяснение, если человек, как говорят, стоит особняком и не желает ни к кому примыкать. Для автора средней руки подобная характеристика будет служить утешением; первоклассный же привычно согласится с мнением о своей исключительности.

Штука в том, что течения сегодня крайне размыты и неоднозначны, а группировки сами часто прозябают вне литпроцесса. Ткните пальцем в любого серьезного средневозрастного писателя — скорее всего, попадете в одиночку. Можно говорить о тех или иных влияниях, которые он испытывал на протяжении творческого пути, об учителях, но вряд ли удастся отнести его к какой-то определенной школе.

Вот и со мной происходит такая же история. Я сам по себе. Хотя имею некоторое отношение к поэзии метареалистов и являюсь, на мой взгляд, продолжателем дела Александра Еременко, Марка Шатуновского и Нины Искренко. (Надеюсь, что взгляд этот не окажется на поверку слишком самоуверенным и субъективным.)

Между тем, как написали в одной книжной рецензии, «творчество Максима Жукова можно назвать, по аналогии с "жесткой прозой", "жесткой поэзией". Апеллируя то к самым низким пластам языка, к образам и персонажам дна, то к высотам мировой культуры, автор создает убедительную

культурную и мировоззренческую модель мышления и чувствования поздне- и постсоветского "подпольного интеллигента"».

Какое место занимает (и занимает ли вообще) эта модель в картине современной поэзии — судить не мне. Определенно. На то есть критики и журналисты, которые, кстати говоря, написали о моих стихах во много раз больше, чем составляет мое, так сказать, «полное собрание сочинений». Спасибо им. Их статьи и заметки опубликованы в таких авторитетных изданиях, как «Литературная газета», «Литературная Россия», «Независимая газета», «Знамя», «Воздух», и других. Все это можно прочесть в Интернете, куда сейчас вместе с читателем и переместилась вся серьезная русская литература (за редким исключением, таким, как журнал «Юность», например).

Максим Жуков

* * *

Когда в сознании пологом
Светильник разума угас —
Еврей, единожды став Богом,
Записан в паспорте как Спас.

И во Владимирском соборе
До Рождества, среди зимы,
За спины встав в церковном хоре,
Пою и я Ему псалмы.

На железной дороге

Чужую веру проповедую: у трех вокзалов на ветру
Стою, со шлюхами беседую, за жизнь гнилые терки тру.
Повсюду слякоть невозможная, в лучах заката витражи;
Тоска железная, дорожная; менты, носильщики, бомжи.

И воробьи вокзальной мафией, с отвагой праведной в груди
Ларьки штурмуют с порнографией на VHS и DVD.
Негоциант в кафе с бандосами лэптоп засовывает в кейс;
Не подходите к ним с вопросами — поберегите честь и фейс.

И, нагадав судьбу чудесную, попав и в тему, и в струю,
Цыганка крутится одесную. — Спляши, цыганка, жизнь мою!
И долго длится пляс пугающий на фоне меркнущих небес;
Три ярких глаза набегающих, платформа длинная, навес...

Где проводниц духи игривые заволокли туманом зал,
Таджики, люди молчаливые, метут вокзальный Тадж-Махал;
Им по ночам не снятся гурии, как мне сказал один «хайям»:
Пошли вы на хрен все, в натуре, и — пошел бы на хрен я и сам.

Над Ленинградским туча движется, и над Казанским вразнобой
По облакам на небе пишется моя история с тобой;
Она такая затрапезная, хотя сияет с высоты;
Тоска дорожная, железная; бомжи, носильщики, менты.

Баллада

Когда с отклячeнной губой, черней, чем уголь и сурьма,
С москвичкой стройной, молодой заходит негр в синема,
И покупает ей попкорн, и нежно за руку берет,
Я, как сторонник строгих норм, не одобряю... это вот.

И грусть, похожая на боль, моих касается основ,
И словно паспортный контроль (обогащающий ментов)
Меня — МЕНЯ!!! — в моем дому тоска берет за удила,
Чтоб я в дверях спросил жену: «Ты паспорт, милая, взяла?»

Да, русский корень наш ослаб; когда по улицам брожу,
Я вижу тут и там — хиджаб, лет через десять паранджу
На фоне древнего Кремля, у дорогих великих стен,
Скорей всего, увижу я. И разрыдаюсь... как нацмен.

Нас были тьмы. Осталась — тьма. В которой мы — уже не мы...
Мне хочется сойти с ума, когда домой из синемы
Шагает черный силуэт, москвичку под руку ведя;
Как говорил один поэт: «Такая вышла з а п и н д я,

что запятой не заменить!» И сокращая текст на треть:
.....
Москвичку хочется убить! А негра взять да пожалеть.

Как он намучается с ней; какого лиха хватит и
В горниле расовых страстей, бесплодных споров посреди,
Среди скинхедов и опричь, средь понуканий бесперечь
Он будет жить, как черный сыч, и слушать нашу злую речь.

К чему? Зачем? Какой ценой — преодоленного дерьма?
Мой негр с беременной женой, белей, чем русская зима,
Поставив накануне штамп в цветастом паспорте своем,
Поймет, что значит слово «вамп», но будет поздно, и потом,

Дожив до старческих седин, осилив тысячи проблем,
Не осознав первопричин, он ласты склеит, прежде чем —
Не фунт изюму в нифелях — как на духу, как по канве,
Напишет правнук на полях: «Я помню чудное мгнове...»

* * *

Все равно: что Кресты, что Лубянка, что Тауэр —
все равно, как марается мысль на устах моралиста.
Это, малоизвестный в России,
выходит на венскую сцену Брандауэр,
никакого уже не играя Мефисто.

Повстречать человека труднее, чем бога, но вымолвить
имя Бога бывает порою намного сложней,
когда видишь вокруг то, что видишь, —
твердишь о богах, что они, мол, ведь
не имеют имен и не сходят в Элизиум наших теней.

Только сцена, огни и подобие Гамлета,
не того, что в трагедии вывел когда-то Шекспир,
а того, о котором судить не приходится нам,
да и нам ли то
обсуждать, как Брандауэр образ его воплотил.

Говорят — ничего. Но на фоне тюремного задника
и у нас неплохие играются роли поднесь.
И хоть мы родились и умрем
под копытом у Медного Всадника,
но и в каждом из нас, может статься, от Гамлета
что-нибудь есть.

* * *

Степь, бесконечная, как смерть. Живи в степи!
Учись на суржике трындеть, страдай, копи:
За каждый нажитый пятак — расплаты пуд.
От Евпатории до Сак один маршрут.

В кафе, в тарелке на столе — кальмар зачах.
Ты одинок на сей земле на всех путях.
Коньяк, раздавленный, как клоп, — неконгруэнт...
Тоска — как непременный троп. И Крым — как бренд.

И по дороге в Черноморск под шорох шин
В наушниках играет Doors: то Doors, то Queen.
И если есть на свете Крым, то он — иной,
Где мне явился серафим и вырвал мой...

Море

Хочется плюнуть в море.
В то, что меня ласкало.
Не потому, что горе
Скулы свело, как скалы.
А потому, что рифма —
Кум королю и принцу.
Если грести активно,
Можно подплыть к эсминцу
Или к подводной лодке,
Если они на рейде.
Можно сказать красотке:
«Поговорим о Фрейде?» —
Если она на пляже
Ляжет к тебе поближе.
Море без шторма гаже
Лужи навозной жижи.

Шторм — это шелест пены,
Пробки, щепа, окурки,
В волнах плывут сирены,
Лезут в прибой придурки.
Мысли в мозгу нечетки,
Солнце стоит в зените,
Даже бутылку водки
В море не охладите.

Кожа в кавернах линьки.
На телеграфной феньке
По телеграммной синьке:
«**М**амочка,
Вышли
Деньги».

Между пивной направо
И шашлыком налево
Можно засечь сопрано
Глупого перепева
Или эстрадной дивы,
Или же местной леди,
Словно и впереди вы
Слышите то, что сзади.

Роясь в душевном соре,
Словно в давнишних сплетнях,
Даже когда не в ссоре
С той, что не из последних,
Сам за себя в ответе

Перед людьми и богом,
Думаешь о билете,
Поезде и о многом,
Связанном в мыслях с домом, —
Как о постельном чистом.
В горле не горе комом —
Волны встают со свистом.

Море. Простор прибоя.
В небе сиротство тучки.
Нас здесь с тобою двое.
Мне здесь с тобой не лучше.

Курортный роман(с)

Прощается с девочкой мальчик, она если любит — поймет.
Играя огнями, вокзальчик отправки курьерского ждет.
Чем ветер из Турции круче, тем толще у берега лед.
Кольцо соломоново учит, что все это — тоже пройдет.

Но евпаторийский, не свитский, под вечнозеленой звездой
Мерцает залив Каламитский холодной и темной водой.
И чтобы сродниться с эпохой, твержу, как в бреду, как во сне:
Мне по фигу, по фигу, пофиг! И все же не по фигу мне...

Не ведая, как, по-каковски я здесь говорю вкось и вкривь,
Но мне отпускает в киоске похожая на Суламифь
Скучающая продавщица — помятый стаканчик, вино...
И что еще может случиться, когда все случилось давно?..

Вполне предсказуем финальчик, и вряд ли назад прилетит
Простившийся с девочкой мальчик. Она никогда не простит —
Пойдет целоваться «со всяким», вокзал обходя стороной,
На пирс, где заржавленный бакен качает в волнах головой.

Где яхта с огнем на бушприте встречает гостей под шансон.
Над городом темным — смотрите! — наполнилось небо свинцом.
И волны блестят нержавейкой, когда забегают под лед,
И чайка печальной еврейкой по кромке прибоя бредет.

И весь в угасающих бликах, как некогда Русью Мамай,
Идет, спотыкаясь на стыках, татаро-монгольский трамвай.
Он в сварочных швах многолетних и в краске, облезшей на треть.
Он в парк убывает, последний... И мне на него не успеть.

И путь рассчитав до минуты, составив решительный план,
По «самое некуда вдутый», домой семенит наркоман;
В значении равновеликом — мы схожи, как выдох и вдох:
Я, в сеть выходящий под ником и жаждущий смены эпох (!),

И он — переполненный мукой и болью, испытанной им, —
Как я, притворяется сукой, но выбрал другой псевдоним.
И все это: девочка, мальчик, и я с наркоманом во тьме,
И пирс, и заснувший вокзальчик, и все, что не по фигу мне, —

Скользя, как по лезвию бритвы, и перемещаясь впотьмах,
Как минимум — стоит молитвы, с которою мы на устах
Тревожим порой Богоматерь под утро, когда синева
Над морем, как грязная скатерть, и в воздухе вязнут слова.

Пусть видит прибрежную сизость и морось на грешном лице.
И пусть это будет — как низость! Как страшная низость — в конце.

Елена САЗАНОВИЧ

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжаются споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем! Всем спасибо за первые отклики.

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008—2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

Михаил Васильевич Ломоносов. «Российская история»

Михайло Ломоносов. Наверное, его предки не раз ломали носы своим обидчикам. Ученый Ломоносов ломал всю закостенелую и губительную систему просвещения. Впрочем, носы он ломал тоже. Когда совсем уж было невмоготу...

Он, закаленный северным краем и ледяным океаном, имел крутой нрав. Он, сын рыбака, не раз сражавшийся с морской стихией, всю жизнь потом сражался со стихией невежества. Бедняк, выдавший себя за дворянского сына и поступивший в Московскую славяно-греко-латинскую академию, стал одним из знаменитейших ученых мира... Русский крестьянин, выучившийся на академика.

Гениев рождается мало, но таких универсальных гениев рождается единицы. «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым университетом...» Лучше, чем Пушкин, сказать нельзя. Университет со множеством факультетов, к каждому из которых Ломоносов имел отношение. Еще в школе, какой бы предмет мы ни проходили — от физики до литературы, — без Ломоносова не обходилось. Даже уроки изо! Даже за стенами школы. «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник» (А. С. Пушкин). Еще он создал великолепные мозаики, украсившие, например, стены Петропавловского собора. Приду-

мал проект переустройства Петербургской академии наук. И утвердил основания современного русского литературного языка... Он, смельчак во всем, даже многие научные работы оформлял как речи в стихотворной форме!

А еще Ломоносов знал, что образование опасно. Возможно, опаснее всего. Но он не мог знать, что оно опаснее всего до сего дня! Грамотный человек пытается осмыслить свое существование на Земле. Свое предназначение. И неизбежно проецирует это на общественную жизнь. И смысл жизни становится совсем, совсем иным. А это уже беда для тех, кто живет по принципу «государство для меня, а не я для государства». Именно это отчаянно ненавидел Ломоносов. Его, человека Вселенной, придерживающегося системы Коперника, с радостью сожгли бы на костре. Но, к радости, он все же родился в России. Которую так сильно любил, что порой почти ненавидел. В которую так сильно верил, что в конце жизни почти разуверился.

Перед смертью он сказал советнику Штелину: «Я умираю, я умираю, приятель! На смерть взираю равнодушно: сожалею о том, чего не успел довершить для пользы наук, для славы отечества и Академии нашей. К сожалению, вижу, что благие мои намерения исчезнут вместе со мною. . . » Ломоносов оказался прав. После его смерти будущий император Павел выразится за весь царский двор: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал...» Ломоносов оказался не прав. Потому что сделал для славы Отечества все, что возможно. И даже то, что невозможно вообще. Особенно нам.

Он ненавидел преклонение перед Западом — эту отталкивающую черту русских, непонятную и унизительную. И главное — неискоренимую. До потери чувства меры и собственного достоинства. До потери самой России... Похоже, его смысл жизни в итоге сводился к одному: русским в России нужно вернуться в Россию. Во времена Ломоносова это было понятно. Было понятно и после Ломоносова. Более чем понятно и теперь.

Трудно выделить какое-то главное его произведение, литературное или научное. Но все-таки особняком стоит «Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого или до 1054 года». Правда, это — лишь первая часть задуманного большого исследования «Российская история». Он начал работу над ним в 1751 году и продолжал вплоть до своей преждевременной кончины в 1764 году, когда окончательный вариант первого тома (правда, без обещанных примечаний к нему) был сдан в типографию. Работа вышла в свет через два года, уже после его смерти.

Во вступлении Ломоносов отмечает, что российская история подобна римской, и если менее известна, то только из-за бывшего у нас недостатка в искусстве, «каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности». Ломоносов как великий российский просветитель поставил задачу: «Похвальными делами праотце в наших дать примеры: государям — правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное». И это звучит как молитва... Он считал, что своими трудами сможет дать бессмертие русскому народу.

Михаил Васильевич Ломоносов сделал, пожалуй, главное: дал понять, что Россия в России есть. И русские могут не то что многое, а, возможно, все. Для России. И не только... Грамотная элитная Россия и при Ломоносове была. Правда, не русская элитная Россия. Кстати, на протяжении первых восемнадцати лет существования Российской академии наук, начиная от ее основания в 1724 году, все одиннадцать академиков были иностранцами. До прихода Ломоносова. Он стал первым русским — чужим среди своих. А «свои»

контролировали всю науку, в том числе определяли, по какой истории будут учиться русские. У них был полный доступ к документам, архивам. Они решали, что сохранить, что уничтожить. Что переписать, что утаить. Что сочинить, что исказить.

И Ломоносов вступил в неравный бой. За честь государства Российского. От имени российского народа. Сражался всякими способами. Кулаками, крепкими словами, эмоциями. По-русски... Но бой был неравным. В России побеждали иноземцы. Ломоносова называли не иначе как «русский варвар». Его несколько раз выдворяли из Академии и, наконец, вызвали «на ковер». Но Ломоносова трудно было сломить. Он тут же пообещал одному из профессоров, что «зубы ему поправит». В итоге все одиннадцать академиков подписали жалобу на Ломоносова. В результате дальнейших интриг он был осужден на семь с половиной месяцев.

Вот тогда он и решил идти другим путем. И пошел на компромисс с государством. Ради государства. Он понял, что нет смысла состязаться с бездарными людишками в подковерных боях и интригах. Людишки здесь все равно побеждают. В конце концов, что лучше: быть под властью и сделать что-то важное для державы? Бороться с властью и ничего не достигнуть?.. Поэт Ломоносов написал прекрасную оду императрице Елизавете Петровне, которая пришла в восторг от стихотворения. И он заручился поддержкой императрицы. Дипломат Ломоносов нашел себе отличных покровителей в лице канцлера М. И. Воронцова и фаворита Елизаветы Петровны И. И. Шувалова. Теперь он сражался на другом уровне. И всегда просил не за себя. Он просил за Отечество. И Отечество это понимало. Хотя и не всегда...

Первое, что он сделал — сломал систему. Он стал первым российским академиком. Ударение — на слове «российский»! Открытие Московского университета стало для него делом чести. Ломоносов был из народа. И об этом не забывал никогда. Его заветная мечта — уравнять в праве на образование всех — сбылась лишь частично. Крепостные по-прежнему не допускались к наукам. Но Ломоносов добился, чтобы в Московском университете преподавание велось не на латинском языке, а на русском. И, в отличие от европейских университетов, в нем отсутствовал факультет богословия. Университет стал крупным центром науки и культуры. Центром смелой, светлой прогрессивной мысли...

Сам Ломоносов был не из тщедушно-хлипкой интеллигенции. По-доброму злой человек. Иначе и нельзя. Добренькие интеллигентики не годятся для размашистых идей, великих исторических свершений. Здесь нужен именно смелый и отчаянный. Такой, как Ломоносов.

Только в 1940 году Московский университет стал носить имя великого ученого. На пороге войны образование по-прежнему было одним из важнейшим приоритетов. Не забыла страна и о Ломоносове — идеологе отечественного просвещения. В 1949 году состоялась торжественная церемония закладки первого камня высотного здания МГУ. А уже через четыре года начались занятия. В тяжелейшие послевоенные годы всеобщей разрухи страна выделила деньги на то, чтобы исполнить мечты Ломоносова. Чтобы образование было доступным и бесплатным абсолютно для всех.

Ломоносов ненавидел все, что губило русскую науку и культуру. Не терпел преклоненных перед иностранщиной. Если бы сегодня Ломоносов увидел, что в «иностранном» вопросе ничего не изменилось... А образование вновь не для всех... Наверное, в этой ситуации он повел бы себя недипломатично. И кое-кому попросту, по-русски врезал...

Наша страна — странная. Она и впрямь ходит под Богом. Но если не было бы Ломоносова, то куда бы она зашла? Слава богу, Ломоносов был. И мы до сих пор — в эпоху агрессивной научно-технической революции — пользуемся его знаниями. Хотя и не знаем, как жить дальше. Возможно, ответ прост: если родился бы один только Ломоносов, мы бы сумели, мы бы исправили, мы бы смогли. Один Ломоносов. Представляете, его одного было бы достаточно для погибающей страны. Хотя бы для начала... Он хотел всю страну сделать университетом. И верил, что когда-нибудь «Отечество мое молчать не будет». Как верили и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

Александра МИЛОВАНЦЕВА

Длинно про меня

Я как-то прочитала такую фразу: «Если вы достаточно безумны, чтобы заниматься любимым делом, вы обречены прожить жизнь, полную смысла».

Найти любимое дело непросто. Счастлив тот человек, который в пять лет уже знает, что он будет художником. Или орнитологом. Или еще кем-то. Так бывает, но не у всех.

Вот у меня так не было. Вообще не припомню, чтобы мне кем-то особенно хотелось становиться, балериной там или космонавтом. Ну, может, разве что-то принцессой.

Позже, когда я стала старше, я и вовсе растерялась. У меня было много разных способностей, я и хореографией занималась (мне нравилось), и в спортшколе по волейболу три года отучилась (тоже нравилось), и класс окончила физико-математический с одной четверкой. По русскому языку, кстати. Мне нравились математика и физика. И языки учить мне нравилось.

Одним словом, нравилось мне много чего, что, однако, совершенно не приближало меня к пониманию, кем же я хотела стать по профессии.

В итоге я поступила в инженерно-экономическую академию, потому что так было модно и потому что туда не надо было сдавать историю (дату Куликовской битвы невозможно посчитать по математической формуле, а зубрежка мне не нравилась).

Окончив вуз с красным дипломом, я быстренько устроилась на работу и съехала от родителей, а потом и переехала в Москву. Вот так, экономистом — финансистом — инвестиционным банкиром я и прожила следующие двенадцать лет.

Получалось у меня в целом неплохо, я славно разбиралась в финансовой отчетности и всяких бизнес-планах. У меня много приятных воспоминаний о том периоде. В конце концов все стало выглядеть для меня как рутина, я устала от неписаных правил бизнес-мира, от бесконечных корпоративов и всяких «гип-гип ура» на днях рождения ВИП-персон. Не хватало свободы и искренности в людских отношениях. К тому же быть мамой (я к тому моменту уже стала мамой) и совмещать это с режимом работы 24/7, что чаще всего требуется от сотрудников в корпоративной культуре финансового мира, мне стало сложно... Да и еще я перестала верить в пользу того, что я делала, хотелось чего-то другого.

Но вот чего?

Будучи человеком довольно авантюрным и решительным, я начала ставить эксперименты — пробовала быть предпринимателем, училась живописи, ходила на курсы массажа, ходила в горы... Много чего, искала себя.

А потом, неожиданно, я попробовала писать. И все вдруг обрело смысл. Весь мой опыт, мои переживания, все развилки, знания, которые вроде были абсолютно ни к чему, стали складываться в истории.

Истории о жизненных ситуациях, где нет правых и виноватых. Истории о решениях, которые принимают люди. Об удивительном и порой невообразимом сплетении судеб. О том, как поступки могут иметь совершенно разный смысл и как по-разному иногда люди видят одну и ту же ситуацию. О понимании и непонимании. О любви. Я не пишу о нереальных мирах или захватывающих приключениях. Я пишу о сегодняшнем дне и мире, в котором мы все живем и который мы сами создаем своими поступками.

Часто у нас нет времени подумать и увидеть ситуацию со стороны, себя со стороны. Нет времени понять друг друга.

Я думаю, многие мужчины и женщины узнают в каких-то моих рассказах себя или своих знакомых. Я видела мир с разных сторон и хочу рассказать об этом. Может быть, кому-то это чтение поможет пережить сложный момент и не потерять мечту, найти свою формулу счастья. Что-то вроде «бороться, искать, найти и не сдаваться...». А еще знать, что мы все живем в мире людей, таких разных и таких интересных, мире, в котором много счастья, нужно только научиться его видеть...

Александра Милованцева

Два рассказа

Букет

Рисунок Антонины Решетниковой

1.

Она не спеша шла по тихому дворику. Вдруг, повинуясь внутреннему голосу, замерла, инстинктивно вытянув руки вперед и защищая лицо и голову. В ту же секунду раздался короткий свист, и в ее руки плюхнулся здоровый букет.

Попади такой букет по голове, вполне могли приключиться потеря сознания, а то и сотрясение мозга. Не говоря уж о перспективе получить колючими стеблями по лицу.

Надо сказать, что, во-первых, у Нади интуиция работала как надо, а во-вторых, будучи серфером, Надя обладала отменным чувством баланса и с внезапным смещением центра тяжести справилась легко, не только не упав, но даже и букет не уронив.

Надя верила в чудеса и была готова к приключениям, поэтому она просто обрадовалась, ни на секунду не задумавшись о возможных (к счастью, не случившихся) других исходах такого прицельного разбрасывания букетов.

Надя огляделась, но так и не поняв, откуда появился букет, заспешила домой. Вообще-то она как раз и шла домой после работы. А работала Надя учительницей английского языка, давала частные уроки. Работа приносила не слишком много денег, но зато предоставляла свободу для путешествий и других любимых занятий — например, вот так, не спеша, пройтись по тихим дворикам старой Москвы.

Часто, глядя на розовые от закатного солнца стены домов, она гадала — какое же именно чудо с ней приключится? Может, она найдет клад? Или из какого-нибудь подъезда вдруг выскочит Джеймс Бонд, преследуемый врагами, а она подставит врагам подножку и тем самым спасет мир и великого агента... Или ее пригласят сниматься в кино в главной роли, потому что какой-нибудь замечательный режиссер как раз пойдет в магазин за хлебом и, увидев ее, поймет, что она-то ему и нужна...

Надя не знала, какое чудо готовят ей Бог с ангелами, но была твердо уверена, что этого чуда стоит ждать.

Поэтому когда ей в руки свалился букет, она не испугалась и подумала: «А, вот как, оказывается...» И поспешила домой рассматривать сюрприз.

2.

Луша — красивое, несколько вредноватое существо. Из известных категорий «грудастая блондинка», «ироничная брюнетка», «мышь домашняя» ей, скорее всего, подходила «ироничная брюнетка».

Лушу немного огорчало ее имя. Припудривая беличьей кисточкой чуть длинноватый тонкий нос, подводя карандашом изогнутые, слегка асимметричные брови, она смотрела на себя в зеркало и возмущалась: «Ну какая я Луша! Лукерья! Чем родители думали!» Немного исправляла положение фамилия первого мужа, которую она теперь носила, — Гольц. Гордо, жестко, холодно. Так, как должно звучать имя настоящей царицы.

Однако от мужа, кроме фамилии и квартиры, ничего другого не осталось. Как и когда испортились отношения с мужем, Луша припоминала с трудом. Сначала была большая любовь с чудаковатым парнем в очках, который называл ее царевной, носил кофе в постель и читал книги по истории. Кофе, правда, был «Нескафе» — по причине студенческой бедности. Зато были прогулки в лесу. Пешие — по причине отсутствия машины. И ужины при свечах. Картошка с солеными огурцами. А потом секс и шепот на скрипучем диване. И было, в общем-то, хорошо.

А потом захотелось машину и шубку. И перебраться из «однушки» рядом с Сокольниками куда-нибудь поближе к Патриаршим прудам. Чтобы в доме внизу была модная кофейня, а не пивной ларек.

И были вечерние споры и головная боль по ночам, и другие женские хитрости. И ушел Паша из научных сотрудников в банк. И осталась пылиться в секретере кандидатская диссертация. И появилась у царевны в шкафу шубка. И переехала шубка в новую квартиру вместе с запылившейся палаткой и рюкзаком со спальниками. Жильцы «однушки» из Сокольников тоже переехали. Луша — в Кривоарбатский переулок, а Паша — частично на работу, а частично в московские рестораны для проведения важных переговоров.

Вот тогда Луша и выяснила для себя, что все мужики козлы. Сначала были обоюдные измены, а потом развод с разделом имущества. И были новые банкиры и бизнесмены. И были новые шубки. И были все те же одинокие вечера с ракурсом «вид сбоку». Те же и Вася. Те же и Миша. Те же и Петя. Луша искала дворника, а влюблялась в банкиров.

«Ну и ладно, — решила Луша. — Пусть будут шубки вместо прогулок под луной. Все мужики козлы». Правда, она несколько усомнилась в этом, когда встретила Федора. Тихий труженик на ниве программирования не щеголял «ролексами» и водил ее в «Якиторию», а не в «Ла Мааре». В очках, в мятой рубашке, слегка всклокоченный. Не искушенный в светской жизни, Федя слегка комплексовал рядом с ней. Стал носить костюм. Даже купил рубашку под запонки, которые она ему подарила. Старался, как мог, соответствовать. Старался, одним словом.

Примерно за такими размышлениями и застал ее звонок в дверь в восемнадцать часов 14 февраля. Она открыла дверь. На пороге стоял курьер с букетом. Пятьдесят одна роза. «Кенийский нестандарт» — мелькнуло у Луши в голове. Ничто не укрывалось от ее критического взгляда. К букету прикреплен конверт. Логотип Фединой фирмы.

Луша взяла букет. Тяжело вздохнула. «Какое убожество! Прислать веник из "Кенийского нестандарта". Прислать веник. Прислать курьером. Все мужики — козлы и убогие». В сердцах она распахнула окно и выкинула цветы.

3.

Феде как-то не везло с женщинами. А ведь был он красив. Но в свои тридцать пять умудрился ни разу не жениться и при этом накопить достаточно негативного опыта. Одним девушкам он не верил, видя в них лишь только стремление к замужеству. Сногсшибательные красотки чаще всего не видели его. В таких он обычно и влюблялся. А потом тихо и безответно страдал. Рассеянность его порой, по мнению некоторых, граничила с неполноценностью. Свитер, заправленный в штаны... Ключи от квартиры, дважды за неделю падавшие в шахту лифта... Носки разного цвета...

На работе его ценили. Программистом он был почти гениальным. Сидя перед четырьмя экранами, он чувствовал себя дома. Экранам было все равно, какого цвета его носки.

С Лушей он познакомился тоже, естественно, на работе. Ему поручили руководство разработкой корпоративного портала для компании, в которой она работала директором по коммуникациям. Он отвечал за технику, она — за контент.

Проект длился и длился. Длился достаточно долго, чтобы Федя наконец набрался смелости и как-то пригласил ее на кофе. Она казалась ему недосягаемой принцессой. Она разбиралась в сортах кофе и знала все виды макарон — от лингвини до фарфалле. Он же привык к макаронам по-флотски. Она ловко орудовала китайскими палочками, а он суши никогда не пробовал. Она... Одним словом — царевна. Он старался соответствовать. Ему очень хотелось ее радовать и не выглядеть рядом с ней нечесаным дураком.

Ему хотелось удивить ее, устроить ей праздник. Однако, как уже не раз случалось, сюрпризы его не доставляли ей того удовольствия, на которое он рассчитывал.

Как-то раз он притащил к ее подъезду лаек, запряженных в санки, и предложил прокатиться по парку. Скептически скривившись, она все-таки села в санки, видимо, не желая его обидеть. Однако потом, как недовольная кошка, долго отфыркивалась от снега, который запорошил ее во время катания. Она не любила лыжи и чай из термоса. Спектакль, на который он ее пригласил, оказался не того режиссера. Рестораны были слишком шумными. Вино не того года. Духи слишком сладкими. Шкафчик, который он сделал для ее ванной (он неплохо резал по дереву), оказался неподходящего цвета и был заменен на экземпляр из «ИКЕИ». Ей не нравилось, когда он читал ей Северянина. Тем не менее они встречались уже почти полгода. Федя за это время стал более уверенным в себе и более просвещенным в светских вопросах. К ее недостаткам Федя был снисходителен и радовался тому, что есть.

Короче говоря, сегодня Федя изрядно волновался. Он придумал — как ему казалось — очень романтическую штуку ко Дню святого Валентина. Букет с доставкой. Сюрприз. В букете — конверт. А в нем — еще сюрприз... Ей должно понравиться.

4.

Выкинув букет, Луша продолжала злиться. Нет, ну это же надо! Прислать букет с курьером! Будто нельзя подождать до вечера и подарить лично. Букеты с доставкой Луше привозили много раз. Все ее бывшие кавалеры, включая и мужа, предпочитали такой способ внимания как не требующий особых заморочек. По мнению же Луши, такой знак внимания не содержал в себе ни души, ни сердца. Иногда ей казалось, что уж лучше бы прислали деньги — она тогда купила бы себе те цветы, которые ей действительно нравятся, а не эти бездарные веники.

«Сколько времени на него потратила, а ни вкуса, ни интуиции, ни понимания, — продолжала накручивать себя Луша. — И даже не позвонил».

Часам к девяти она накрутила себя достаточно, чтобы сопроводить свое возмущение эсэмэской «Больше мне не звони».

5.

Надя принесла свое сокровище домой и теперь рассматривала его с восторгом и любопытством. Розы были не ахти какие, но изобретательная Надюша разделила их на несколько букетиков, дополнила какими-то палочками, искусственными листьями, подрезала на разную длину, как-то еще помудрила и теперь наслаждалась своей уставленной розами квартиркой.

Теперь можно взяться и за конверт. Там была короткая записка. «Любимая, жду тебя в 21 час в клубе "Гала Дэнс" для индивидуального урока по танцам. Твой Волшебник». На обороте карточки был указан адрес.

Надя отложила записку и задумалась. С одной стороны, записка была адресована не ей. С другой — та, кому этот букет был адресован, выкинула его. Букет попал к ней, к Наде. Случайности не случайны. Значит, теперь эта записка адресована ей...

Раздумывала она не очень долго. Уже через час она спешила с рюкзачком к метро...

6.

Федя стоял у стойки регистрации как на иголках. Он то предвкушал радостную встречу — Луша подбегает к нему, обнимает, говорит: «Милый, как здорово ты придумал!», то вдруг начинал волноваться: «Танцы? Почему танцы? Вдруг она решит, что я думаю, что она плохо танцует...» Того, что Луша не придет вообще, Федя не ожидал. Стрелка часов почти коснулась девяти, когда пришла эсэмэска от Луши: «Больше мне не звони». Федя растерялся. Опешил. Набрал ее номер и получил отбой. Как во сне, он побрел в раздевалку, не особенно понимая, зачем ему теперь идти на урок танцев...

7.

Администратор проводила Надю в женскую раздевалку, где Надя переоделась в туфли с каблучками и летнюю летучую юбочку с топом. Юбочка была невообразимого оранжевого цвета в «огурцах». Она сшила ее когда-то, еще в школе, ей очень хотелось юбку солнце-клеш. Выкидывать созданный собственными руками «шедевр» было жалко, вот и ждала юбка своего часа. И — надо же! — пригодилась. Желтый пляжный топ и экстравагантные зеленые туфли дополняли портрет. Выбрав зеленые туфли, Надя уже не могла остановиться и дополнила костюм длинными зелеными гольфами. Посмотрев на себя в зеркало, она поняла, что смахивает на Пеппи Длинныйчулок. «Ну хоть не синий чулок», — весело рассудила Надя и надела рыжий парик с двумя косичками. Он остался у нее после какой-то костюмированной вечеринки.

Когда Надя вошла в зал, то увидела там двоих. Тренера она узнала сразу по горделивой осанке и выверенной пластике.

Второй, казалось, не видел ничего вокруг. То и дело поправлял очки, вдруг начинал копаться в своем рюкзаке, пытаясь уместить в нем бумажник, журнал, компьютер, какие-то пакеты. Рюкзак не слушался, выплевывая поочередно не приглянувшиеся ему предметы: то падал бумажник, то вывалилась зарядка для айпада, потом остался лежать на полу паспорт. Когда молния наконец была застегнута, обнаружился зонт.

Надя, с интересом наблюдавшая за борьбой, не выдержала: «Можно я помогу?» И с легкостью человека, привыкшего оптимизировать пространство в холодильнике, вернула рюкзаку прямоугольные формы и его содержимое.

Федор удивленно посмотрел на нее. Долго. Потом улыбнулся:

— Вы волшебница?

— У меня здесь урок по танцам...

8.

Федя не любил менять планы. Он медленно, методично переоделся. Новенькие серые джинсы и строгая футболка с воротничком — в тон, тоже серая. Немного портили дело разноцветные носки, которые оказались от разных пар, причем левый был полосатым. Но в целом парень выглядел хоть куда. Наверное, он решил, что танцы помогут ему перенести стресс. А может, и не решал ничего, просто шел на автомате.

В зале, чтобы как-то привести мысли в порядок, Федор стал наводить порядок в рюкзаке, что, впрочем, получалось не очень. Вещи не хотели помещаться и продолжали падать, нервируя Федора. Зато процесс поглотил его полностью, отвлекая от болезненных мыслей.

Наверное, он мог бы еще долго воевать с рюкзаком, но тут вдруг из ниоткуда появилась женская рука с красным маникюром: «Можно я помогу?» — и ловко справилась с непослушным скарбом.

Посмотрев на хозяйку руки, Федя испытал легкий шок. Девушка была экстравагантна. Торчащие в разные стороны рыжие косички, веснушки на носу, зеленые гольфы, рыжая юбка. Но лучше всего были синие веселые глаза. И они ему улыбались.

9.

Уже потом, позже, Федя узнает, что девушку зовут Надя. И волосы у нее не рыжие, а русые. А конопушки на носу — нарисованные. И вообще, она умеет одеваться в человеческую одежду и не все наряды у нее оранжевые и зеленые.

А Надя узнает, что Федор любит собак и группу «Ленинград». А еще поэтов Серебряного века. Что он каждый август ездит в Карелию за грибами. А когда выдаются свободные выходные, летает на параплане в Коломенском.

Но это все будет позже. А пока — только что закончился урок, и тренер смотрит через стекло зала вслед удаляющейся парочке: она в зеленых гольфах, а он в разноцветных носках...

Александра Милованцева

В ожидании жизни

1.

Часы вздохнули, и стрелка переместилась еще на одну минуту. Двадцать три ноль семь. До самолета еще тридцать восемь минут. Виктор огляделся по сторонам. Люди вокруг коротали время по-разному. Мужчина лет сорока пяти играл на телефоне в «Злых птичек». Женщина средних лет заполняла кроссворд. Еще двое мужчин в костюмах пили виски, молча, по-деловому... Рядом подросток лет шестнадцати (интересно, зачем родители оплачивают подростку бизнес-класс?) что-то постил в «Фейсбуке».

Дама с собачкой в бархатной корзинке препиралась с официантом по поводу кофе: «Будьте любезны нагреть чашку, прежде чем наливать туда кофе. Кофе совершенно холодный...»

— Рейс на Красноярск задерживается, — объявил голос по громкой связи.

Неожиданно очнулся один из мужчин с виски: «Это возмутительно! Мы рискуем опоздать на встречу! Я хочу немедленно поговорить с представителем авиакомпании!»

У Виктора не было кроссворда. В телефоне села батарея. Компьютер он неосмотрительно сдал в багаж. Журналы с рекламой яхт не были ему интересны. Пить не хотелось. «Мы совершенно не умеем ждать», — подумал он.

2.

Иногда Лине казалось, что вся ее жизнь — это сплошное ожидание. Ожидание мамы с работы. Ожидание Нового года. Летних каникул. Результатов экзамена. Звонка мальчика из параллельного класса. Ожидание, пока доварится суп, чтобы можно было пойти гулять. Ожидание, когда в поселок проведут газ. Когда закончатся подростковые прыщи. Когда в субботу будет фильм «Три мушкетера». Когда можно будет проколоть уши. Это были детские воспоминания.

Лина привыкла и полюбила ждать. Потом ожидания стали взрослыми. Ожидание первой зарплаты. Ожидание любви. Снова ожидания звонков, эсэмэсок, встреч. Потом ожидание свадьбы. Ожидание отпуска. Ожидание покупки новых туфель. Ожидание возвращения мужа из плавания. Ожидание того, как откроется дверь, и он скажет: «Привет, малыш...» Ожидание его рук и его запаха. Ожидание счастья.

Много разных ожиданий, больших и маленьких. Маленькие ожидания были как бы подчинены средним, а средние — большим. Например, сидеть и ждать, пока высохнут ногти, — это как бы часть ожидания, что он придет и скажет: «Какая ты красивая, малыш!» А ожидание его — это кусочек ожидания счастья.

Или, например, ожидание поездки в отпуск. Это вообще отдельный разговор! Обсуждать маршруты, мечтать, куда можно поехать, решать, что нужно с собой брать, и все это — вместе с любимым. Это уже совместное ОЖИДАНИЕ. Совместное ожидание совместного отдыха и совместного счастья. Само по себе уже счастье.

3.

Он тоже летел в Красноярск. Он тоже опаздывал на встречу. Правда, другую, не деловую. Его ждала в больнице сестра. Мама попала в аварию и была в тяжелом состоянии. Маша от шока совершенно растерялась и не знала, что делать. Маме предстояла тяжелая операция, которую лучше бы делать в Германии или Израиле. Не в Красноярске. Но о переезде не могло быть и речи.

Весь сегодняшний день был какой-то нелепый. Виктор был сам не свой. Время текло по-другому сегодня. Операцию назначили на завтра на десять утра. До этого нужно было успеть поговорить с врачом и привезти Павла Викторовича, на компетентность которого можно было положиться.

Время уползало медленно, как змея. Пустое, напрасное... В ожидании люди убивают время, заполняя его бессмысленными нелепыми занятиями. А может, найдя себе наконец достойное оправдание, чтобы заняться пустыми занятиями... Ведь когда ждешь, ты уже как бы занят... Можно читать желтую прессу и не объяснять жене, почему не идешь выносить мусор. Можно сидеть в Интернете и не объяснять родителям, почему не учишь уроки.

Сегодня время для Виктора имело особую ценность. Так, наверное, всегда бывает, когда случается несчастье. Он сидел, смотрел по сторонам и спрашивал себя, на что он тратил свое время последние несколько лет. Он смотрел на мужчин с виски и видел себя. Он смотрел на даму

с собачкой и тоже видел себя. Он еще видел себя листающим какие-то контракты... Говорящим по телефону... На даче у важного клиента... Обсуждающим с архитектором модель унитаза в новом доме... Не поехавшим в Красноярск к маме и сестре. Не починившим крышу в старом дачном домике. «Я купил под Ялтой отличный дом, приезжайте на лето туда. Хватит возиться с помидорами! Что за абсурд — помидоры на огороде в Красноярске...»

Все, что можно сделать сейчас для мамы, уже сделано. Найден врач. Лучшая клиника, отдельная палата, персональные сиделки... Сейчас больше ничего нельзя сделать, только ждать, ждать самолета. И ждать, что мама доживет до утра и до операции.

4.

Через полчаса объявили, что рейс задерживается еще на час. Виктору надоело рассматривать лица, которые за последние несколько часов стали ему если не родными, то, по крайней мере, излишне знакомыми.

Блондинка с собачкой больше не пила кофе, а заигрывала с некогда (до третьего виски) молчаливыми мужчинами. Мужчины заигрывали с блондинкой. У дамы средних лет закончился кроссворд, и она переключила свое внимание на детектив. Подросток вышел из «Фейсбука» и теперь смотрел на телефоне фильм.

Виктор пошел прогуляться по аэровокзалу.

Он нашел в зале место около окна, из которого было видно, как взлетают самолеты.

Ее он увидел не сразу. Он вообще не обратил на нее внимания. Он смотрел сначала на самолеты. Потом увидел справа от себя фотографию человека с бубном. Заинтересовался. Фотография была из статьи про Чукотку в журнале «Берингия». А журнал лежал на джинсовых коленях. На левом колене была дырка, правое закрывал журнал. Над коленями и журналом он увидел ее.

Она смотрела на самолеты. Она существовала как бы в параллельном измерении, в котором было абсолютно тихо. Там не было шумного аэропорта, торопящихся людей с чемоданами на колесиках, проталкивающихся куда-то без очереди, не было запаха пончиков, жаренных на масле, и дешевого кофе, не было голубоватого искусственного ночного освещения. Ее как бы тоже не было в этом измерении. Если бы не журнал, который, как мост, случайным образом связал два мира, ее бы вообще невозможно было увидеть.

5.

Виктор не любил ждать. Он любил говорить: «Время не ждет». Или: «Нужно жить здесь и сейчас», «Слабый ждет, сильный берет», «Не стоит ждать у моря погоды», «В ожидании хорошей погоды проходят счастливые дни», «Мне некогда ждать».

Виктор, и правда, не ждал у моря погоды. Он, казалось, всегда знал, чего хочет. В школе он не ждал, когда вызовут к доске. Он четко чувствовал, когда пора выучить урок назубок и вызваться отвечать. В институте всегда шел сдавать экзамен первым, что, как правило, гарантировало дополнительный бал. Так же и в бизнесе: никогда не ждал, когда на него прольется манна небесная, в войнах с конкурентами действовал первым.

Он заслужил репутацию жесткого человека. «Рассусоливать не будем». «Выигрывает сильнейший». «Отстающих не ждать!»

Женился по такому же принципу. Быстро, энергично, на лучшей амбициозной студентке параллельного курса. На третьем курсе поженились, через пять лет развелись, так же быстро и энергично удалившись друг от друга, как в море корабли. Сейчас сын уже большой...

Когда юношеский романтизм, которого и так было немного, прошел, решил больше не жениться, так как в браке вечно приходится чего-то ждать. «Несвобода мешает движению».

Нет, он не вел монашеский образ жизни, так же как и не вел разгульный. Он уже почти три года встречался с женщиной чуть младше его. Главным условием отношений было — никаких ожиданий. Они встречались по выходным и вместе ездили отдыхать. У нее был ключ от его квартиры, и иногда она делала ему сюрпризы и среди недели, что, впрочем, было редко, так как она, как и он, много работала и много ездила по командировкам.

6.

— Доброй ночи. Вы давно тут сидите? Ждете вылета? — спросил и подумал тут же, что вряд ли можно было задать более дурацкий вопрос.

— А? Здравствуйте... Да, задержали вылет. Стараюсь не ждать...

— Куда вы летите?

— В Анадырь. Туда часто задерживают рейсы. Лучшее место учиться не ждать — это Чукотка. Я еду туда третий раз.

— Учиться не ждать? Как это?

Женщина отвела взгляд от самолетов, отложила журнал и посмотрела на Виктора сфокусированно.

— Учиться не ждать? Ну, понимаете... Мы все в жизни ждем чего-то. Все время. Я всегда чего-то ждала, а когда я потеряла то, чего ждала, я как будто потеряла целую жизнь, весь смысл. Вот я и решила научиться не ждать. Чтобы найти больше смысла. Время за ожиданием уходит. Как сказал кто-то, «жизнь коротка и безотрадна. Она вся уходит на ожидание». А евреи говорят, что ожидания и надежды превращают мудрецов в идиотов.

— Как странно. У меня все наоборот. Я никогда ничего не ждал и старался выжать сто процентов из текущего момента. Я не слишком много размышлял над будущим. Цели понятны, чего рассуждать? А теперь пришел к таким же выводам, как и вы. Я бы мог сказать так: жизнь коротка и безотрадна, она вся уходит на суету. Я бы хотел научиться ждать. Мне кажется теперь, что если бы я когда-то остановился и подождал чуть-чуть, я бы успел понять что-то важное. Я хочу научиться ждать.

— В таком случае вам тоже надо на Чукотку. Там все ждут. Ждут погоды. Ждут солнца. Ждут вертолета, который может прилететь по расписанию, а может через неделю...

— Но вы, кажется, собирались учиться там не ждать...

— Ну конечно. Ведь легче всего научиться не ждать, когда ты ВСЕГДА вынужден ждать. В условиях абсолютной неопределенности ожидание теряет смысл.

— А зачем вы хотите научиться не ждать?

— Наверное, тогда я научусь видеть то, что вокруг меня. Быть внимательной к мелочам. Радоваться мелочам. Быть счастливой — прямо сейчас и незамедлительно. Я не умею этого.

— Я ничего не понимаю, здесь какое-то противоречие. Я тоже хочу быть внимательным к мелочам. Ценить каждый момент, а не бежать. Чтобы моменты были наполнены не суетой, а смыслом. Но я хочу научиться ждать. Так как же на самом деле?

— В целом вы правы. Надо как-то так ждать, чтобы не ждать. Не ждать, но надеяться — так, может быть? Я и сама не знаю. Говорят, что если ждать чего-то слишком сильно, то это не сбудется, потому что ты как бы уже прожил это событие. В то же время, если не ждать совсем, то тоже не сбудется, так как мысль материальна. И как может сбыться что-то хорошее, если этого совсем не ждать и не хотеть. Путано все это. Просто про себя я знаю, что ждать я умею, а не ждать — нет. Поэтому я и учусь не ждать. Про вас — не знаю.

Подумав немного, она добавила:

— По-моему вы ищете больше смысла... Больше смысла в проживаемом моменте, или просто больше смысла. Как и я. Я ищу новый смысл. Если слишком фокусируешься на какой-то задаче, как бы двигаешься из точки А в точку Б, ничего не видишь по сторонам. Если перестать двигаться куда-то, то можно увидеть еще что-то, какие-то задачи, которые не было видно раньше. Никуда не двигаться. Ничего не ждать. Чтобы увидеть, куда двигаться и чего ждать. Наверное, обретя смысл, все равно надо периодически останавливаться и не двигаться никуда, чтобы понять, куда на самом деле стоит идти... Не ждать — чтобы обрести смысл. И чтобы в итоге понять, чего ждать. Или чего не ждать, но на что надеться.

Она снова погрузилась в созерцание самолетов.

Виктор и так чувствовал себя неважно, теперь же в голове у него стоял полный туман. Ждать.. Не ждать... Смысл... Надеяться... Но не ждать... Он протянул женщине свою визитку и попросил:

— Можете позвонить мне, когда вернетесь в Москву? Я ничего не понял, но я бы хотел еще поговорить с вами об этом... Я буду ждать, когда вы позвоните. Может, это будет моим первым уроком ожидания?

Ничего не ответив, женщина спрятала визитку и улыбнулась. Улыбка у нее оказалась неожиданно теплая. Она преобразила ее сомнамбулическую внешность, и на миг «рваные джинсы» превратилась в веселую девушку... Виктор побрел обратно в бизнес-зал — ждать рейс на Красноярск.

7.

Годы шли, семейная жизнь складывалась удачно, жизнь катилась тихо и размеренно. Постепенно ожидания, связанные с семьей, стали для Лины не только центральным, но, в общем-то, и единственным лейтмотивом. С мужем и на работе было ладно, она знала, чего ждать, и ждала охотно и с удовольствием...

А потом он утонул. Никто так толком и не понял, что случилось. Просто однажды рыбацкое судно, на котором он был капитаном, не вернулось. Вот и все.

Детей они ждали, но не сложилось. И вот Лина неожиданно осталась совершенно одна в Севастополе, куда приехала пять лет назад вслед за мужем.

Все ожидания Лины — и большие, и маленькие, и средние, — развалились, рассыпались и потеряли смысл. Больше ожидания не радовали ее. Ни ожидание отпуска, ни новые туфли, ни сваренный

суп, ни солнечный день... Осталось только одно ожидание, и оно ей не приносило никакой радости, разве что временное облегчение. Ожидание, когда закончится день и можно будет выпить снотворное и уснуть.

Лина работала экскурсоводом. Ей вдруг стало совершенно невыносимо смотреть на лица туристов, такие вдохновленные и полные ожиданий. Она перестала ходить на работу. Объем жизненного пространства сократился до одного квадратного метра обоев на стене спальни, который она видела, когда лежала на боку.

8.

В три часа ночи объявили, что все рейсы на Красноярск задерживаются на неопределенное время из-за штормового предупреждения...

Виктор нашел у кого-то из пассажиров зарядку к айфону. Он не решался уехать домой, хотя ожидание стало практически бессмысленным.

В восемь утра по красноярскому времени Виктор позвонил сестре и Павлу Викторовичу и сказал, чтобы не ждали, оперировали без него. Еще через час ему перезвонили, сказали, что мама умерла.

Виктор не уехал домой, он брел по аэровокзалу словно оглушенный, он не чувствовал ничего. Невосполнимая потеря... Опоздал... Опоздал не на час и не на два. На целую жизнь. На целого человека. На целую любовь... Все достижения последних лет стали казаться нелепыми и незначительными. Дом под Ялтой. Особняк в Подмосковье... Работа вдруг представилась ему планетой, населенной роботами. К каждому роботу тоже прилагались квартира и особняк. Любовница — робот. Бывшая жена — робот. Она сейчас вице-президент крупного банка. Даже сын стал все больше походить на робота — все чаще в его устах слышатся слова «эффективно», «неэффективно», «доходность на капитал»...

«Когда я последний раз говорил кому-нибудь о любви? Все некогда было. Жене говорил... Но это было больше двадцати лет назад. Сыну говорил, пока он не вырос. Маме говорил, когда был у нее последний раз. Два года назад... Последний раз... Прости, мама, я не успел...»

9.

С этого дня Виктор стал много думать о времени, смерти, жизни, смысле. Ожидании.

Похороны он помнил смутно. Непогода в конце концов закончилась, и он добрался до Красноярска. Но это уже не имело значения, смысл был утерян. В аэропорту в ожидании самолета? Или когда-то и где-то раньше? Когда?

Похороны были организованы качественно, на уровне. Разговор с сестрой не клеился ни на похоронах, ни после. Казалось, она тяготилась его присутствием. Еще, кажется, винила себя. Не уберегла...

Смерть матери сломала какую-то невидимую защитную стену, за которой все было хорошо и все сомнения и печали можно было отложить на потом. Мама своей жизнью как бы отгораживала момент смерти самого Виктора. А теперь она ушла — внезапно, незапланированно, без предупреждения.

Виктор много думал о матери и об отношениях с ней. Он не мог вспомнить время, когда он ее любил, и это не давало ему покоя. Он помнил только, как еще совсем маленьким бежал маме навстречу, когда та по пятницам приезжала после работы на дачу и привозила мороженое. Ему было тогда чуть больше пяти. Потом появилась сестра, и он стал взрослым. Другом его всегда была бабушка, ей он доверял свои тайны, она всегда была для него источником тепла. А мама... Всегда все откладывалось на потом...

Он ждал ее с работы, чтобы показать кораблик, который собрал сам, ждал и ждал, а когда она приходила, то начинала возиться с сестрой, и было это вечное «подожди, потом»... Как-то постепенно он перестал ждать. Виктор понимал, что, наверное, в душе его засела детская обида, что его недолюбили. «И вот я теперь отплатил маме той же монетой». Это мучило.

Еще страшнее были мысли об уже взрослом сыне. «Ведь и его я недолюбил. Он ведь тоже ждал меня с работы, а я приходил поздно, а потом и вообще виделись не каждые выходные. Недолюбил... И ничего не исправить».

Виктор, будучи человеком упорным и сильным, не хотел неумолимо надвигающейся депрессии. Он решил исправить то, что можно исправить. А именно наладить отношения с сыном, с сестрой, а также добавить тепла в отношения с Зоей (с который он встречался по выходным).

10.

Сыном Виктор гордился. Тот вырос дельным, не разгильдяем. Сразу после университета начал свой бизнес и занимался теперь продвижением рекламных продуктов в социальных сетях. Сути бизнеса Виктор до конца не понимал и в глубине души считал все эти технологии баловством, но самостоятельность уважал и поддерживал. Сам же

Виктор занимался поставками оборудования для пищевой промышленности.

Для налаживания отцовско-сыновних отношений Виктор выбрал выходные и пригласил сына порыбачить, заняться, то есть, настоящим мужским занятием. Он тщательно подошел к подготовке встречи. Разведал места, где клюет, обновил запас удочек. Подготовил баню. Отменил встречу с Зоей. Перенес деловую встречу с субботы на понедельник.

Неделя пролетела незаметно, и в пятницу вечером, прорвавшись сквозь московские пробки, Виктор сидел на веранде дачи и ждал сына.

Вспомнилась «рваные джинсы» со своими размышлениями об ожидании. Виктор потягивал пиво, ждал сына и с удовлетворением отмечал, что все сделал правильно. Воображение рисовало картину, как скоро приедет сын, и они вдвоем, по-мужски, сходят в баньку, посидят за пивком и разговорами, как потеплеет на душе... А по ранней зорьке — на рыбалку, на щуку или что там еще поймается...

В десять часов сын позвонил и сказал, что завис на работе. Что он обязательно приедет, как обещал, только поздно. «Ничего, — решил Виктор, — поговорим на рыбалке».

Сын действительно приехал, около трех ночи. Усталый, сказал «привет» и лег спать.

Рыбалка тоже не особенно задалась. Покидали спиннинг часок, поймали пару рыбешек, после чего сын счел свой долг выполненным, обнял Виктора — «ну, пока, отец, у меня еще дела сегодня». Уехал. Виктор стоял на большущей веранде с двумя щурятами в руках и чувствовал себя круглым идиотом. Событие, к которому он готовился чуть ли не неделю, для сына было простым соблюдением приличий...

11.

Зоя, одетая для загородной поездки, стояла в дверном проеме своей квартиры. «Это вообще чудо, что ты меня застал, я уезжаю к друзьям... Я тебя не ждала...»

Снова вспомнилась «рваные джинсы». Она бы ждала.

Виктор вручил Зое щук — «приготовь уху, что ли...». Хотел сначала настоять на чае, но передумал. И правда, зачем? У нее другие планы. Она его не ждала. Не ждала... А чего он ждал? Они живут по давно установленным правилам. Он их нарушил.

Проводив Виктора, Зоя какое-то время пребывала в сомнениях — может, все-таки стоило пригласить его с собой? Какой-то он был потерянный. Впрочем, в их отношениях не принято было разбираться с душевными тревогами. «В конце концов, у меня свои планы».

12.

И ведь не сказать, что Зоя была как-то особенно ему дорога. Он с ней почти три года. Пару раз в месяц, по выходным. Значит, около пятидесяти дней в году. Да еще пару недель отпуска. Таким образом, всего около полугода. Это много или мало? Смог бы он ее видеть сто восемьдесят дней подряд, каждый день? Была бы она всегда такая же наманикюренная и причесанная? О чем бы они говорили? Что делали? Два дня бурного секса — это понятно. Но сто восемьдесят... «Она меня не ждала...» «Ну так и я ее никогда не ждал, все честно».

«Я хочу научиться ждать. Я хочу, чтобы меня ждали, — с новой остротой понял Виктор. — Интересно, позвонит ли "рваные и джинсы"».

«Рваные джинсы» была для него абсолютное «никто». Он даже не знал ее имени. И внешне она понравилась ему не слишком. Просто теперь ему вдруг казалось, что она является носителем какого-то сокровенного знания, которое ему, Виктору, было очень нужно. Она умела ждать. «Только бы она не разучилась ждать, до того как вернется со своей Чукотки, скорее бы она позвонила».

13.

Виктор ждал «рваные джинсы», сам того не замечая. Ее образ обрастал в его мыслях домыслами и легендами. А правда, кто она? Он ведь не знал о ней ничего. Читала статью про шаманов. Учится быть колдуньей? Что она делает на Чукотке? По виду она русская, обычная русоволосая сероглазая девица лет тридцати. Может быть, она журналистка? Или медик? Или волонтер Красного Креста? Он почему-то не мог представить ее в какой-нибудь неромантичной роли, например кассира в магазине. А может, она любит животных? Ветеринар? Ухаживает теперь за оленями?

Размышления Виктора были как беспочвенны, так и бесполезны. А может, он был просто уже староват, чтобы влюбиться в киноактрису, поэтому подсознание выбрало виртуальный объект, а поскольку было неизвестно, идеален ли предмет его интереса, то он просто дорисовал недостающие штрихи к портрету. В конце концов, нужно же было о ком-то мечтать вечерами, не о Зое же.

Иногда он начинал фантазировать, как едет разыскивать ее на Чукотку, вместе с местными охотниками отправляется на поиски пропавшей экспе-

диции, членом которой была ветеринар-«рваные джинсы», как он находит ее среди снегов, а она говорит ему: «Я знала, что ты придешь, я тебя ждала, хоть и старалась не ждать». А потом он, наконец, покупает ей новые джинсы и узнает ее имя.

Конечно, он ни при каких обстоятельствах, никому и никогда не признался бы в таких романтических, неуместных для делового человека фантазиях, но фантазии — они на то и фантазии, чтобы оставаться личным секретом. Виктор иногда смеялся над собой. Иногда, особенно когда немножко выпивал, фантазировал на полном серьезе. Честно говоря, ему просто хотелось нормального человеческого тепла и счастья. Ему хотелось сказать кому-то искренне и открыто: «Я тебя ждал».

14.

Размышления Виктора об ожидании и смысле проявились в еще одной интересной особенности. Ему стало любопытно, а чего ждут — и ждут ли? — другие. И как это узнать? Он стал внимательно слушать людей и наблюдать за ними. Оказалось, что сотрудники ждут похвалы, а не только премии. Секретарша Лерочка прямо расплылась в улыбке, когда он похвалил ее за удачно спланированную командировку.

Он узнал, что сосед по даче увлекается кулинарией и вот уже третий год мечтает приготовить блюда из сморчков. Собирать сморчки сложно, а еще сложнее не пропустить тот короткий момент, когда эти самые сморчки раз в год бывают. В этом году они вместе сходили за сморчками.

Он узнал многое и про сына. Оказывается, сын терпеть не может рыбалку, зато увлекается скалолазанием. Виктор не решился пока составить сыну компанию, но стал активно интересоваться этим спортом и даже сходил на пару тренировок.

Потеплели и отношения с сестрой. Он помог ей отремонтировать домик под Красноярском. Построил теплицу под помидоры.

С Зоей, правда, не сложилось. При ближайшем рассмотрении оказалось, что у обоих абсолютно прагматичные ожидания от отношений, тепла не получилось, но расстались спокойно и без вражды.

15.

Он встретил ее снова — тогда, когда уже не ждал. Когда в его забытых фантазиях она уже практически мутировала в рыжую скалолазку на вулканах Камчатки. Когда вопрос «ждать или не ждать?» уже перестал мучить его. Когда ему уже приснилась мама, которая была довольна урожаем помидоров. Когда тучи беспросветного одиночества уже развеялись, оставив лишь легкую грусть.

Он встретил ее на выставке, посвященной народам Севера, где она проводила экскурсию как приглашенный специалист. Она и правда перекрасилась и из бесцветно-русой мыши превратилась в рыжую улыбающуюся экскурсоводшу.

Он, наверное, и не узнал бы ее, если бы не услышал краем уха фразу: «Выставка стала результатом этнической экспедиции по селениям Чукотки. Подробно экспедиция описана в журнале "Берингия". Мы долго ждали возможности привезти экспозицию в Москву...»

«Значит, была все-таки экспедиция», — подумал Виктор. Встреча неожиданно взволновала его. Постояв немного в растерянности за колонной, он наконец выработал план действий, который начинался с покупки цветов.

* * *

— Вы меня помните? Мы встречались пару лет назад в аэропорту. Я хотел научиться ждать, помните?

— Ну и как успехи? Научились?

— Пожалуй, — сказал Виктор, протягивая цветы. — А вы научились не ждать?

— И да, и нет. Я научилась не ждать слишком сильно чего-то конкретного, но радоваться мелочам. Появились новые цели, маленькие, большие... Можно сказать, Чукотка дала мне новый смысл...

— Вы мне так и не позвонили. А я ждал, представьте себе...

— Знаете, я не ждала нашей встречи, но я рада.

— Знаете, я много думал о нашем разговоре тогда. Мне кажется, вы изменили мою жизнь.

— Видно, это были слова, предназначенные вам... Я даже не помню, что я вам говорила, слова просто пришли, и все. Может, это ангелы мне нашептали? Если ваша жизнь изменилась, значит, вы ее сами изменили.

— Вы согласитесь со мной поужинать?

Лина улыбнулась, а про себя подумала: «Пожалуй, я могла бы его ждать...»

Марианна ТАРАСЕНКО

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Тартуского университета (специальность «филолог-русист, преподаватель»). Работала учителем в школе, затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После ликвидации кафедры еще пять лет проработала в школе. В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

Один из них утоп: падеж, которого нет

Порядок шести русских падежей дети легко запоминают при помощи стихотворения «Иван родил девчонку, велел тащить пеленку». Есть и другие стихи, по ряду причин прижившиеся в качестве «запоминалки» в гораздо меньшей степени, но в каждом из них ровно шесть слов — по числу наших падежей. А ведь когда-то их было семь...

Седьмым падежом, теперь де-юре несуществующим, был звательный, он же вокатив. И хотя говорить о мертвых плохо вроде бы считается дурным тоном, многие продолжают обижать покойника: дескать, по сути это и не падеж вовсе, а особая форма имени существительного. Что, впрочем, не мешает этой «форме» успешно здравствовать в статусе падежа в ряде языков: как в славянских (например, в украинском, польском, сербском, или в других индоевропейских — румынском, литовском, латышском), так и в не родственных нам грузинском, арабском, корейском и многих других.

Звательный падеж используется для обращения, и нам проще всего отследить его в украинском языке: «мамо», «Галю» — при обращении к маме или Гале, не говоря уже об академическом гоголевском «Поворотись-ка, сынку!». В русском же языке вокатив начал отмирать, а точнее, смешиваться с именительным еще в XI веке. В XIV–XVI веках формы звательного падежа еще сохранялись в качестве обращения к лицам, имеющим более высокий социальный статус (например, «княже» по отношению к князю), а к середине XVI века из живой речи ушли, оставшись только для обращения к священнослужителям («отче», «владыко»), и, разумеется, в церковном языке вообще.

Что, впрочем, в веке XVIII ничуть не помешало Антиоху Кантемиру начать его знаменитую сатиру словами «Уме недозрелый, плод недолгой науки!» («уме» — это как раз форма звательного падежа для слова «ум»), а Пушкину вложить в уста золотой рыбки вопрос «чего тебе надобно, старче?». Да и в русских грамматиках звательный падеж числился вплоть до реформы 1918 года.

И в современном нашем языке формы звательного падежа сохранились — и в виде архаизмов (друже, человече), и в составе фразеологических оборотов (врачу, исцелися сам), и в виде перешедших в разряд междометий обращений к высшим силам (господи, боже и т. д.). Кстати,

утрата представления о вокативе в наши дни иногда приводит к тому, что не слишком образованные люди, стремясь продемонстрировать свою «культурность», начинают использовать формы звательного падежа как формы именительного и изрекают нечто вроде «владыко подошел к амвону».

Забавно, что при этом некоторые лингвисты вместо того, чтобы разъяснять, почему это нехорошо, призывают изгнать из речи уцелевшие архаические формы. А они-то, бедные, в чем виноваты? Но на помощь им, помимо официального языка богослужения, церковнославянского, приходят новые религиозные тексты, которые влияют на речь православных верующих, так что в наше время звательная форма даже слегка активизируется. При этом в ней употребляют не только одушевленные существительные, но и неодушевленные, например столпе, лампадо, реко и другие. Так что слухи о кончине звательного падежа оказались явно преувеличенными.

Почему в свое время вокатив оказался невостребованным и утратил свое значение, это вопрос вопросов: нужда в нем не исчезла. И именно благодаря ей возник так называемый новозвательный, или современный звательный падеж. Под ним часть ученых понимает усечение окончаний у существительных первого склонения: «мам» вместо «мама», «Лен» вместо «Лена» и так далее. А поскольку подавляющее количество русских имен относится как раз к первому склонению (даже мужские, преимущественно второго склонения, в сокращенной форме — все равно первого: Константин — Костя, Александр — Саша и т. д.), то это серьезная заявка. Мало того: там, где окончание усечь невозможно по причине того, что оно и так нулевое, его наращивают. «Сына», «сыночка» — вместо «сын» и «сынок», «Дениса» вместо «Денис»... Правда, до «Андрея» вместо «Андрей» дело пока не дошло, но тенденция намечена, и уже, пусть и редко, возникает новозвательная форма у существительных во множественном числе — «ребят» как обращение к ребятам и «девчат» — как обращение к девочкам.

Правда, о возвращении звательному падежу официального статуса еще говорить рано. Пока что ученые спорят на тему, выделять эту форму в отдельную грамматическую категорию или нет. Но, кажется, это тот редкий случай, когда жизнь прекрасно разберется и без ученых. А мы в следующем выпуске поговорим о других странных падежах: тех, которых в русском языке вроде бы никогда и не было, но тем не менее они есть.

«Пришел невод с одной рыбкой...» Иллюстрация И. Я. Билибина к «Сказке о рыбаке и рыбке». 1908. Государственный Русский музей, СПб.

Ильдар АБУЗЯРОВ

Продолжение. Начало в № 2—7 за 2014 г.

Финское солнце

Роман в девяти историях

Рисунок Елизаветы Горяченковой

ИСТОРИЯ 7

КИСЛОТА КЛЮКВЫ, ЧЕРНОТА ЧЕРНИКИ

1.

— С этим домом вечно какая-нибудь катавасия выходит, — раздражался Эса, усаживаясь за рабочий стол и засучивая рукава, — и все здесь чрезвычайно запутанно.

Череда странных и загадочных смертей, что случились в Доме-башне Нижнего Хутора, волновала не только культового журналиста Эсу. Но именно Эсе поручили провести журналистское расследование и выяснить, почему сначала у Тарьи отказало сердце, а спустя несколько дней в Доме получил ножевое ранение известный музыкант Рокси, почему захлебнулась в своей ванне Ванни и почему то ли сгорел от выпитого, то ли почернел от удара током, после чего вылетели все пробки в доме, электрик Искри. А вот совсем недавно, наконец, заснул и не проснулся муж Сирки Пертти...

Гибель двух старшеклассниц Уллики и Аллиби, выбросившихся из окна квартиры в этом самом Доме, стала последней каплей в то засушливое дождливое лето. Если уж дети в Нижнем Хуторе кончают жизнь самоубийством, значит, дела у взрослых совсем плохи.

По городу поползли слухи, что Дом проклят, что несколькими жертвами дело не ограничится и смертей будет гораздо больше. Тем более учились девочки хорошо, росли в более или менее, по финским меркам, благополучных семьях, а причины, по которым решили свести счеты с жизнью, оставались для большинства мутными.

Охваченные страхом и предрассудками горожане наотрез отказывались арендовать квартиры и покупать жилье в доходном Доме-башне, что всерьез сказывалось на репутации и прибыли местных олигархов Хаппоненов.

Стремясь избежать кривотолков и пересудов, Хаппонены переселили на освободившиеся площади несколько своих контор, в том числе и редакцию местной газеты «Нижний Хутор Индепендент».

Эса как раз работал в этом влиятельном таблоиде братьев Хаппоненов, и ему, как самому авторитетному корреспонденту, было поручено провести журналистское расследование. В поставленную Хаппоненами задачу входило рассказать обо всех трагических случаях и прийти к ненавязчивому выводу, что это всего лишь совпадения и каждый случай уникален, и потому каждый случай нужно рассматривать отдельно, а не валить все в кучу.

2.

Вот Эса и не валял дурака и не валил глаза в кучу, стараясь подойти к заданию со всей ответственностью.

Но то ли место и правда было заколдованное, то ли Эса перепил накануне в баре «Спасательная шлюпка», но статья-расследование шла ни шатко ни валко. Разъяснить хуторянам, почему сначала посинела в своей ванне с шампанским Ванни, а затем почернел на рабочем месте Искри так, будто это он выпил ванну шампанского, сразу не получалось. В глазах от недосыпа стоял туман, чресла поразила вялость, а голова со свинцовым лбом была онемевшей и тяжелой. Вот хоть поддерживай ее стропилами рук.

— Взять, к примеру, первую историю со смертью всеми любимого музыканта Рокси, — подпер Эса голову руками. — Почему, если ножевое ранение он получил, допустим, в «Спасательной шлюпке», тело его обнаружили на матрасе в квартире Синники? Как он продержался с ножевым ранением еще несколько часов и смог спокойно добраться до квартиры?..

Однако историю с Рокси Эса решил отложить на потом, а сейчас лучше начать свою заказную статью-расследование с самого простого и очевидного — со случая с сантехником Каакко, который этой зимой спас Доминанту от катастрофы. В ту суровую непогодицу в знаменитом Доме прорвало трубу, и весь Дом мог взлететь на воздух, если бы воды утекло много и она вся бы замерзла и разорвала основание Дома. Но тут сантехник Каакко бросился под кипяток и смог голыми руками поставить заглушку, чтобы остановить затопление подвала.

В результате сантехник на шестьдесят процентов обварился в кипятке. А затем в больнице его всего мазали каким-то молочком, и в результате Каакко вышел из больницы даже помолодевшим и посвежевшим.

Вывод из этого случая напрашивался очевидный: если Дом действительно проклят, то давно мог бы сгореть или замерзнуть и взлететь на воздух целиком. Ан нет, и Дом стоит, и жильцы его в большинстве своем здоровы и невредимы. И даже Каакко остался жив, хотя всем хорошо известно, что сантехники и врачи берут на себя грехи всех жильцов. И потому долго не живут.

3.

Напомнив читателям про геройство Каакко, Эса вытер горячую испарину со лба. С каждой минутой ему становилось все труднее сидеть в шумной суетливой редакции. Температура внутри тела подскочила, а вместе с ней появились и какие-то голоса в голове. Будто это он сам бросился под кипяток, а ему кричат, чтобы он не дурил.

— Эса, — спросила Стринка у коллеги, — ты кто по знаку зодиака?

— Я Телец, — ответил Эса, — телюсь, телюсь, а родить никак не могу.

— А, отлично, Телец. Что ты хочешь, чтобы у тебя хорошего случилось на этой неделе?

Эса промолчал, потому что его каждую минуту бросало то в жар, то в холод.

— Ну, чего ты молчишь, Эса? — обиделась Стринка.

— Не могу сосредоточиться, — честно признался Эса.

— Я спрашиваю, чего бы тебе больше всего хотелось?

— Горячего чая с лимоном, — признался Эса, — и чтобы меня оставили в покое, потому что я боюсь простыть и заболеть от сквозняка.

— Отлично! — крутанулась на стуле Стринка.

«Тельцы, следующая неделя готовит вам горячий сюрприз, вас может ожидать хорошая прибавка к пенсии или кругленькое наследство. Однако будьте осторожными и следите за своим здоровьем. А иначе вы можете уйти на покой преждевременно, так и не дождавшись своего "лимонного" счастья».

Стринка устроилась работать в газету «Нижний Хутор Индепендент» как стрингер, потому

что на стипендию не проживешь. Пухлощекая, с короткой стрижкой и челкой над очками, она сразу умилила всю редакцию своей наивной деловитостью. Директор и главный редактор Хаппонен-старший дал ей задание составлять гороскопы на неделю. А поскольку Стринка ничего не понимала в астрологии, то она полагалась исключительно на других, опрашивала всех в редакции, «кто бы чего хотел».

— Фотти, — обратилась она к зашедшему на минуточку и уже пятившемуся в нору своей лаборатории штатному фотографу, — ты ведь у нас Рак, сидишь в своей мастерской безвылазно. Скажи, у тебя есть какие-нибудь мечтания?

— Хочу, чтобы финское солнце всегда оставалось блеклым и не мешало мне снимать, — заметил маленький плюгавенький Фотти, и Стринка тут же принялась сочинять гороскоп для Раков. От Раков она перешла ко Львам и стала вспоминать, кто Лев. Львом, разумеется, был местный писатель Оверьмне. Согнувшись над клавиатурой, Стринка застрочила о литературных Львах Нижнего Хутора.

4.

Однако Эсе до Стринки и Оверьмне было далеко, и свои колонки он из пальца высасывать не мог. Так уж привык писать Эса свои тексты, что ему вся статья представлялась целиком, и он писал ее с самого начала до конца по порядку и не мог, не написав один абзац, приступать к следующему.

Смерти выбросившихся из окна сначала Аллиби, а потом и Уллики были очень странными. Они будоражили, беспокоили и не давали Эсе целостного представления о случившемся.

В предсмертной записке девочки абсолютно никого не винили, а лишь просили прощения у родных. Винить-то не винили, но и причин своего ухода тоже не объяснили.

— Пойду побеседую с отцом одной из погибших, — нашел Эса выход из положения. — Благо все находимся в одном доме.

Когда-то Эса брал интервью у местного гонщика грузовиков и по совместительству дальнобойщика Райли, но потом Райли попал в аварию и пересел с КамАЗа в инвалидную коляску. Родные отвернулись от Райли после получения им инвалидности. Из-за диабета у него возникли серьезные проблемы с лишним весом и дыханием.

— Не знаю я ничего, — огрызнулся молчаливый Райли, когда Эса пытался расспросить его, — дочь со мной общалась постольку-поскольку: «привет», «пока», «я пошла», «я вернулась». Мы все вместе жили, потому что так сложились обстоятельства. Если бы была возможность, мы бы разъехались.

— А в тот роковой вечер... Что она сказала? — спросил осторожно Эса.

— Она вернулась из школы в подавленном настроении, подошла ко мне и неожиданно сказала: «Пап, прости, обещаю: последний раз дверью сильно хлопаю». А я даже не понял ничего. Порой, уходя гулять или в школу, Алли дверью сильно хлопала, и я сделал ей замечание, мол, не шуми так, соседей на уши поднимешь.

— Понятно, — потянулся к сигарете Эса, но вовремя взял себя в руки. Неизвестно, как на диабетиков влияет табачный дым.

— Я думал, может, она из-за этого прощение просила. Я как-то не придал значения, потому что собирался на улицу... в гараж — повозиться с машиной. Сейчас понимаю, что видел ее живой в последний раз. Может, поговорить с ней нужно было по душам. Может, тогда я мог бы изменить что-нибудь, изменить ее решение...

— Может быть, — пожал плечами Эса.

— Да вряд ли. Все она правильно сделала. Будь у меня такая сила воли, я бы так же поступил. Когда вернулся в комнату за кепкой, она уже на подоконнике стояла у раскрытого окна. А между мной и подоконником еще и тумба была. А я с коляски не могу встать и руку протянуть, хотя она в двух шагах от меня.

— Почему вы бы так же поступили?

— Тяжело жить одному. Жена спуталась с этим бравым летчиком Аэро. Ей уже мало казалось моего тягача. Ей летать и парить захотелось. Одна Алли у меня оставалась. Но я не смог дотянуться до нее. Только крикнул: «Алли, ты что?» — когда она уже ногу занесла над пропастью. Но она даже не обернулась.

5.

Больше Эса отца Аллиби ни о чем не спрашивал. Выйдя из квартиры, он задумался о соседях Аллиби. Которых она потревожила, хлопнув дверью. Может, они что-то видели или слышали, раз они были столь чувствительны к шуму.

Знаменитый Дом Нижнего Хутора вроде бы добротно построен, но слышимость здесь хорошая — это Эса понял сразу, как только редакция переехала в новое помещение и он постоянно стал слышать некие голоса. И непонятно откуда эти голоса шли — то ли изнутри, то ли из вентиляционной шахты.

Стены-то в Доме толстые, их специально вроде бы делали, чтобы разделить всех жителей по хуторам-квартирам. Чтобы каждая семья жила своей обособленной жизнью, как будто она не в большом городе и большом доме, а на отдаленных выселках.

Это все потому, что финны Поволжья замкнуты и самодостаточны. Они не любят общаться друг с другом и ходить друг к другу в гости. Все больше сидят перед телевизором в полном молчании. Могут так сутками просидеть.

Эса и сам бы с удовольствием сейчас развалился с сигареткой на диване перед телевизором.

Поскольку дело не шло, Эса решил выкурить еще сигаретку с ментолом. Он вышел в редакционную курилку, которую из-за концентрации вредных веществ давно считал радиационной. А там дым стоит коромыслом, и сквозь этот дым Эса, будто в сауне, услышал девичьи голоса.

— Ну, ты купила тот лифчик? — спросила Хилья.

— Нет, не купила, — отвечала Вилья, — у него форма странная, потому что он спереди застегивается. Зачем мне такой лифчик?

— А я те трусики назад отнесла в бутик «Детский мир и рыбки».

— Почему?

— Да ну, надоело. Да и не понравились они мне. Жмут сильно.

Хилья и Вилья пришли в редакцию «Нижний Хутор Индепендент» наверняка для того, чтобы участвовать в конкурсе «Мисс газеты». Сначала их фото размещали на последней полосе, а потом устраивалось всенародное голосование.

Несмотря на то, что Хилья и Вилья говорили об одежде, было такое впечатление, что на них ничего не надето, и у Эсы из-за дыма возникло ощущение, что он с ними в финской сауне.

— Нет, — решил Эса, — пойду лучше на улицу от греха подальше.

Эса еще помнил тот день, когда они с Урко и Упсо ходили в сауну, и он подцепил там целый венерический букет, хотя сначала думал подарить по нежному цветочку девушкам, а не забирать домой чужое «добро». Теперь Эса за версту старался обходить и сауну, и Хилью с Вильей...

А еще он вспомнил, как писатель Оверьмне, забредя к ним в редакцию и оказавшись в курилке, вдруг приметил Хилью и Вилью, которые вновь обсуждали нижнее белье, которого, возможно, не было под короткими юбками и топиками, которое они, возможно, сдали назад в магазин, и тогда у писателя Оверьмне от дыма случилось помутнение рассудка, и ему показалось, что он отдыхает в сауне, а ему туда подослали проституток!

«Меня, великого финского писателя, проститутками потчевать!» — завопил на всю редакцию и лестничную площадку Оверьмне так, что девочки с визгом вылетели из курилки.

6.

Не знаю, может, у культового журналиста Эсы в тот день была горячка, потому что Эса перемерз на улице и простудился, а может, наоборот, на него напало северное равнодушие и уныние, но Эса никак не мог разобраться, что же побудило двух девчушек выброситься из окна.

— А может, они обе были влюблены в кого-то, — пришла догадка Эсе, — и, не получив ответа, решили на пике своей несчастной любви покончить жизнь самоубийством?

Весь потный от раздумий и воспоминаний, Эса спустился по лестнице на первый этаж подъезда. Заслышав гулкие шаги изнеможенного Эсы — вся жидкость в опухших ушах и пятках, — консьержка Вахтти отодвинула краешек занавески и посмотрела на Эсу из своей каморки таким изучающим взглядом, словно он только что из сауны.

Эса выбегал курить десятки раз на дню, потому что плохо себя чувствовал в редакционно-радиационной курилке. А курил Эса по две-три пачки в день, в зависимости от того, как спорилась работа. Сегодня он уже в который раз сбегал по лестнице подымить, и каждый раз нос к носу сталкивался с консьержкой.

Вахтти будто жила на своем посту круглосуточно и слышала каждый шорох. С тех пор, как подрезали Рокси и весь подъезд был измазан кровью, жители Дома решили нанять консьержку, в обязанности которой входило следить за теми, кто входит и выходит.

— Хай! — Улыбнувшись, Эса помахал Вахтти, на всякий случай прикрывая другой рукой причинное место.

Улыбнувшись, Вахтти поприветствовала Эсу в ответ, но ему показалось, что в ее улыбке было что-то от оскала крысы и собаки. Ни дать ни взять раздраженный бультерьер на цепи возле ворот.

Поспешив спрятаться от недоброжелательного взгляда, Эса выскочил на улицу, громко, как Алли, хлопнув дверью. Но это Эса не со зла, это доводчик совсем расхлябался и плохо работал. Да и нервишки порядком разболтались.

— Черт! — выругался Эса. От быстро захлопнувшейся двери сигарета потухла.

А может, она потухла, пока Эса сбегал по лестнице. Ощупав карманы, Эса вспомнил, что

забыл зажигалку наверху. Пришлось вернуться, и опять консьержка недовольно выглянула в окошко своей будки.

Взяв зажигалку и извинившись, Эса снова поспешил из предбанника на свежий воздух. Он уже пересек вестибюль и стал открывать скрипучую железную дверь, когда, не удержавшись, еще раз взглянул на консьержку. Шторка быстро задернулась. На этот раз Эса не хлопал, а осторожно-протяжно скрипел. Отведя взгляд от бдительной Вахтти, Эса увидел почтовые ящики и понял, что забыл газетку. Он любил, покуривая, просматривать номера левой «Утро красного хуторянина» и буржуазной «Вечера на хуторе», чтобы понять, кто из его коллег чем дышит и чем отличился.

Пришлось снова вернуться в редакцию. Ничего не поделаешь. Традиция есть традиция, и не в правилах педантичного Эсы было ее нарушать, пусть даже ради нее придется вновь проскочить мимо злющей консьержки.

Снова пронзительно скрипнув дверью — или это консьержка скрипнула зубами, — Эса в который раз кивнул в приоткрытую занавеску. Консьержка только зыркнула глазом в щель между шторками. Точнее даже, стрельнула, как конвоир из будки охранника.

Возвращаясь, он уже пытался бегом проскочить мимо, но Вахтти стремительно успела открыть и задернуть занавеску прежде, чем его нога соскочила с последней ступеньки лестницы. Будто шторки ветром от беготни Эсы колыхнуло.

7.

И тут Эса, уже шагнув на порог, вспомнил, что забыл на столе леденцы, которые сосал после сигарет, чтобы горло не першило.

Поднявшись опять и затем спустившись с газетой и коробочкой леденцов, Эса остановился в нерешительности у будки конвоира.

«Как ни крути зажигалку в руках, — подумал Эса, нервно тиская пачку сигарет и коробочку с леденцами, — а возвращаться мне все равно придется мимо консьержки. Не ровен час, она тоже скоро покончит жизнь самоубийством...»

— Кхе, кхе, — закашлялся-разволновался Эса, словно перед исповедью местному священнику Ряссанену. — Вот забыл, — извиняясь, промямлил Эса, — забыл сосачки от кашля после курения.

— Я вас понимаю, — кисло улыбнулась Вахтти, — без лекарства тут совсем никак. Я вот тоже пью успокоительное целый день. С этой работой лекарство приходится пить тоннами.

«Надо будет сделать ей подарок, — решил Эса, приближаясь к двери, — чтобы она не смотрела на меня с такой злобой, а принимала за своего».

Выбежав на улицу, обессиленный Эса свалился на скамейку и стал обмахиваться «Красным хуторянином».

Он еще не успел сделать и пары затяжек, как нос к носу столкнулся с философом Аско, который нес свой очередной философский опус в газету. Это была статья об ускользающей литературоцентричности. Большей мути без фактов и выводов трудно было себе вообразить.

— Блин, — схватился за голову Эса, — сегодня же четверг!

А по четвергам Эса на полставки вел литературную рубрику «Проба пера», и сегодня у него как раз приемный день. И все борзописцы и графоманы города уже движутся к нему, словно косяки рыбы весной на нерест.

Вон уже из-за поворота показался писатель Оверьмне. Идет, сурово сдвинув брови и натянув кепку до самых глаз. Боится, видимо, застудить на ветру лобные доли и начать писать всякую херню.

8.

Эса взялся вести и редактировать рубрики «Проба пера» и «Мы ищем таланты», чтобы больше поржать и отвлечься от написания статей. Обычно эти осенне-весенние встречи и проводы протекали так.

Придет писатель Оверьмне. Расскажет парутройку гадостей про мешающих ему писать горожан Нижнего Хутора, пожалуется на жену Онерву, выпьет чаю и отчалит.

За ним придет мэтр Гуафа Йоханович, расскажет три-четыре гадости про писателя Оверьмне, один скабрезный анекдот про Папайю. Похвастается несуществующими удачами и поделится горькой историей про больную жену, больную собаку и любовницу собаки... суку такую... Улыбнется, выпьет чаю, попросит сигарету и отчалит.

Затем придет сама Папайя, улыбнется очаровательной улыбкой, подсовывая свои стихи. Расскажет один несмешной анекдот про поэта Авокадо и одну правдивую грустную историю про писателя Гуафу Йохановича, который сулил ей золотые горы, гладил по голове, просовывал язык, обещал опубликовать, а сам, соблазнив, не поставил ее стихи даже в городской сборник «Ласточка». Выпьет кофе с шоколадом, выкурит две сигаретки, попросит красивую зажигалку на память и еще две сигаретки. Отчалит.

Затем придет сам поэт Авокадо. Принесет опять же стихи Папайи. Улыбнется блаженно. Скажет, что она талантище. Что она — богиня поэзии. Расскажет пять-шесть гадостей про Гуафу Йохановича, мол, какой он подлец и графоман.

— Ну а ты-то куда, Авокадо?! — не выдержал и взорвался Эса на сей раз. — Ты-то что копаешься в этом дерьме?

— А я-то что? — попытался оправдываться Авокадо.

— Вот именно! Ты-то что? Ну зачем ты в таком молодом возрасте всех поносишь? Ты же знаешь, что слова магичны. Что литература магия, заклинание. Что плохие слова притягивают к нам все плохое. Что когда ты желаешь своим коллегам плохого, ты то же самое притягиваешь и к себе. Ты что, тоже хочешь быть графоманом и мерзавцем, как Гуафа Йоханович? Ты зачем в литературу пришел, чтобы девок тискать или чтобы великий текст написать? Вот сиди и пиши. Это же простая финская магия. Начинаешь писать стихотворение — благодари небеса. А как закончишь — бухайся на колени и целуй землю.

Вон, смотри, у нас в редакции работает Стринка. Молодая совсем девчонка, а уже ведет целую колонку. Пусть астрологическую, но свою. Пришла год назад в одних стрингах, а сейчас уже машину в кредит взяла. Пусть крошку-малолитражку мини-купер, но свою.

Это потому, что она каждый день желает нам всем только самого лучшего. Каждый день начинает с таких пожеланий всей редакции. А ты так и ходишь голодранец голодранцем. Злой и недовольный.

Вот что у тебя в кармане? Пустой листок бумаги. А ты напиши на нем имя той, которую ты любишь, и за что ты ее любишь, и как ты благодарен небу, что в твоей душе поселилась эта любовь. Глядишь, вот тебе и стих новый...

9.

Дальше учить молодых литераторов уму-разуму и обычной финской магии Эсе не дал Кистти.

— Ты идешь на обед? — заглянул за перегородку Кистти.

— Что, уже обед? — удивился Эса.

— Да. Пойдем, пока есть выбор супа и второго.

Эса молчал и смотрел в одну точку.

— Ну, так ты идешь? — переспросил Кистти, подгоняя рассеянного Эсу.

— Иду, — тянул Эса, недовольный тем, что уже обед, а он почти ничего не написал. Он медленно встал и вяло поплелся на бизнес-ланч в «Спасательную шлюпку».

Хаппонен договорился с Артти Шуллером, что всех его работников будут кормить бизнес-ланчами. За счет работников, конечно, но по приемлемым ценам. Такое сотрудничество было выгодно и Хаппонену как владельцу большинства офисов, и Артти Шуллеру как арендатору.

Увидев свободное место у окна, Эса и Кистти поспешили его занять в ожидании официанта Барри, который минут через десять принес им меню.

Сегодня в рыбный день в кафе «Спасательная шлюпка» и бизнес-ланч был рыбный. Салат из рыбных консервов «Мимоза». Уха с большими кусками окуня. Щука, тушенная с морковкой и рисом. На десерт — пирожное «картошка». Фиш энд чип, так сказать.

Рыбу для рыбного дня в кафе «Спасательная шлюпка» сдавал рыбак Вялле.

— А ты знаешь, что рыбы не так просты, как мы о них думаем? — сказал башковитый Кистти, разжевывая тощего окуня. — Знаешь, что киты обладают самым большим мозгом? Что они могут не спать три месяца и «поститься» восемь месяцев...

— Очень интересно, — обсасывая косточку, прочмокал Эса.

— А ты знаешь, — перешел Кистти сразу от супа к десерту, — что арахис — это не орех вовсе, а бобовые. И кешью тоже не орех. А арбуз, например, такая же ягода, как и черника или клюква?

— Круто-круто, — попытался вяло изобразить заинтересованность Эса, — от тебя, Кистти, я смотрю, ничего не скроется. Тебя не так просто обмануть торговым монополистам Хаппоненам, как я погляжу?

— Да ничего крутого. Пока рисунки к статьям подгоняешь, всю газету прочтешь. А ваш брат журналист чего только не понапишет, — отмахнулся Кистти. — Так, я на днях прочитал, что за последние тридцать лет количество синих китов уменьшилось в сто раз.

— Значит, синие киты и поволжские финны — родственники, попавшие под финский крест, — печально улыбнулся Эса.

— Финский крест — это чернота черники и кислота клюквы, — отхлебнул Кистти клюквенно-черничный морс, отчего на губах остались черно-красные разводы.

10.

Кистти устроился на подработку в «Нижний Хутор Индепендент», когда еще не было компьютерных редакторов.

Задачей Кистти стало графическое оформление новостей. И здесь он выступал в некотором смысле пионером. Если где-нибудь в Индонезии разбивался самолет, Кистти должен был нарисовать дымящиеся обломки или самолет, идущий на вираж и врезающийся в гору. Также Кистти воспроизводил карту местности с отметкой в точке катастрофы.

Рисовал художник графические схемы и диаграммы, рост и падение ВВП, динамику валют и безработицы. А сейчас как раз рисовал финский крест. Это когда количество смертей на тысячу жителей давно стало превышать количество рождений, и две кривые пересеклись, как ноги откинувшегося Алко Залпоннена.

В общем, Кистти поднаторел и набил руку в этом деле.

Такие схемы Кистти рисовал до появления программ «Иллюстратор» и «Фотошоп». Сейчас он уже подбирал картинки и обрабатывал их на компьютере. Но иногда Хаакки что-нибудь химичил с компом, и тогда вновь приходилось браться за карандаш.

— Слушай, Кистти, — спросил Эса, глядя на оставшиеся от горячих тарелок круглые влажные следы на столешницах и мокрые компотные следы кружек на салфетках, — ты вроде как раз сейчас рисуешь финский крест?

— И что? — Впервые за весь обед Кистти взглянул на Эсу с любопытством как на человека, интересующегося его творчеством.

— А ты никогда, как Гоген, не хотел бросить этот проклятый серый Нижний Хутор с его финскими крестами и укатить в Полинезию, рисовать яркие тропические цветы и смуглых аборигенок?

— Поздно, уже нарисовал я финский крест, — мрачно заметил Кистти, мол, наше от нас никуда не уйдет, — а сейчас новое задание. Ты, кстати, об этой трагической смерти писать будешь?

— О какой смерти? — не понял Эса.

— Как, ты не слушал? Совсем заработался, старик. Ведь сегодня утром разбился Аэро.

— Как разбился? — От неожиданности Эса отхлебнул слишком много кислого морса из клюквы и черники и поперхнулся. — Где разбился?

— Говорят, решил прокатить туристов над самой красивой горой в Полинезии, а в это время туман был, и он задел гору.

— Вот дурак, — одновременно сокрушался и радовался Эса. Сокрушался о смерти земляка и радовался тому, что Аэро погиб, не вывалившись из окна Дома, а летая где-то там, в Полинезии. Значит, об Аэро писать будет не он. А еще Эса подумал, что тот вираж, в который пошел Аэро, пытаясь уклониться от неминуемого столкновения с прекрасной горой, и есть финский крест.

11.

После столь печальной новости Эса и Кистти не удержались и взяли по сто грамм беленькой. Водка хорошо идет в желудок к ушице. Заодно можно помянуть Аэро. А вот от пирожного почувствовавший тошноту в животе Эса решил воздержаться и занес несъеденную «картошку» консьержке Вахтти.

— Это вам, — протянул в окошко бумажную тарелочку с десертом Эса.

— Спасибо большое, — расплылась в благодарной улыбке старушка, — вы так любезны. А я как раз поставила чайник. Не хотите попить вместе чайку?

— Нет, — отказался Эса, — я только что попил. Я вас хотел кое о чем спросить. Тут на днях девочка выбросилась из окна. Скажите, вы ведь дежурили в тот вечер, когда погибла Уллики?

— Да, дежурила, — напряглась Вахтти.

— Вы ничего подозрительного не заметили?

— Как же не заметила? Я обо всем уже следователям рассказала. Сначала в подъезде с верхних этажей послышался какой-то шум. Я не стала подниматься. Потому что там молодежь частенько собирается. Или чей-то день рождения отмечают и, пьяные, выходят покурить на лестничную площадку.

— Да, бывает, они и мне мешают работать этими посиделками, — пытался втереться в доверие к консьержке Эса.

— За ними глаз да глаз нужен. Кто, куда, к кому идет? Потом раздался хлопок, бряк такой. Будто кто бутылку выкинул. А это, оказывается, выбросилась с семнадцатого этажа Уллики. Ударилась о козырек подъезда и свалилась на асфальт.

Как только она упала, мимо меня стремглав пролетела Аллиби и еще несколько подростков. Антти и Ахтти. Аллиби бросилась к Уллики, стала трясти ее за плечи и кричать: «Уллики, прости меня, слышишь, прости!»

— А потом? — сглотнул слюну Эса.

— А потом Аллиби оставила тело подруги и набросилась с кулаками на парня в белых штанах и белой кофточке с коротким рукавом. Еще темные очки у него были. Может, это был Антти, а может, и Ахтти. Я их путаю.

Она кричала: «Это ты во всем виноват, ты во всем виноват»! А парень только стоял, скрестив руки, пока второй не оттащил от него девушку.

— И все?

— И все. Они втроем быстро куда-то растворились. Один увел Аллиби в аптеку. А другой пошел в сторону парка «Дубки». Потому что с работы как раз возвращалась мать Уллики с пакетами. Она и обнаружила свою дочь у подъезда.

Тут уже я, закрыв уши от ее воплей, стала вызывать полицию и скорую помощь...

12.

Слушая Вахтти, Эса то и дело поднимал глаза и смотрел на окно, из которого выпрыгнула Уллики. Серая многоэтажка плавно переходила в белесо-серое в преддождевых разводах небо, а окна квартир сверкали, словно идущий на нерест косяк рыб.

В лучах призрачного, выглядывавшего из-за облачной пелены финского солнца этот косяк рыб еще походил на слезы или дождевые капли, которые вот-вот готовы были поползти сверху вниз, разрезая, словно острый финский нож, плоскость дома на две части.

И тогда Эса понял, что крепость Дома не устоит и все покатится в тартарары. Стены, в которых он скрывался от реальности, вот-вот готовы были рассыпаться на мелкие капли и осколки.

Но прежде чем случится непоправимое, еще в его, Эсы, силах успеть раскрыть странную и загадочную гибель двух девочек и предотвратить надвигающуюся катастрофу. И чтобы не терять понапрасну времени на ненужные сейчас рефлексию и переживания, Эса решил зайти с другой стороны и узнать, а где Уллики и Аллиби хранят свои секреты.

Наверняка Уллики и Аллиби где-то прячут свои девичьи секреты. И если их найти, то можно будет узнать что-нибудь стоящее.

— Стринка, — обратился Эса, — а где обычно девочки прячут свои секретики?

— Вы имеете в виду те знаменитые девчачьи секретики-сокровища? — отвечала Стринка. — Обычно их закапывают в саду или в парке «Дубки» под любимым или родовым деревом.

— В парке «Дубки»? — скорее машинально переспросил Эса. И тут его осенило, что, возможно, любимым садом девушек является сад или ферма в какой-нибудь социальной сети.

Чтобы как-то подтвердить свои догадки, Эса пошел к местному хакеру Хаакки, который тоже был очень странным типом и, как все программисты, немного летящим. Хаакки готов был ночевать за своими системными блоками и есть вместе с ними.

— Привет, Хаакки! — поздоровался Эса, на что Хаакки даже не отреагировал.

Эса собирался поставить горячую кружку на стол, но споткнулся о провода на полу и пролил немного кофейного напитка на корпус системного блока.

— Хаакки, у меня к тебе вопрос как к профессионалу. Ты можешь вскрыть социальные странички Уллики и Аллиби?

— Вскрывал уже, — огрызнулся Хаакки, — по просьбе следователя Криминале.

— И что?

— Ничего там нет. Одни женские стихи и песенки Рокси Аутти. Уллики ставила песни Рокси и лайки Аллиби, и наоборот. Писала «Ты моя милая». « Я тебя обожаю». «Сюси-пуси».

— Понятно, — отпил большой глоток Эса, — как и у всех маленьких девочек с их девичьими альбомами.

— Маленькие — это мягко сказано. У меня такое чувство, что современные подростки напрочь отказываются взрослеть и вступать в мир взрослых. То ли от суперэгоизма своего, то ли по убеждениям особым. Вот Уллики, например, считала, что мир взрослых погряз во лжи, и она отказывалась иметь с ним дело. Очень недовольна была Уллики всеми — учителями, близкими, родней. Она просила от окружающих одного: чтобы они отстали, чтобы оставили ее в покое. За день до трагедии Уллики поменяла статус на личной странице на «влюблена». И одновременно она поставила трек Рокси Аутти «Меня скоро не станет», который очень часто слушала.

— А Аллиби что на это? — спросил Эса.

— А Аллиби — позитив была во всем. Один позитив. Она будто старалась всех оправдать. Весь мир. Накануне прыжка в окно она написала: «Даже если мне предложат пойти на три буквы любимый и подруга, я, пожалуй, отправлюсь в рай».

— В какой рай? — не понял Эса.

— Не знаю никакого рая, — все более раздражался Хаакки, — слушай, мне некогда. Мне еще систему надо переустанавливать. Давай пообщаемся после, если хочешь.

13.

— Ну, соберись, — требовал от себя журналист Эса после задушевной беседы с сисадмином. — Вон Хаакки постоянно что-то делает и что-то обновляет, а ты одну статью написать не можешь.

— Нижний Хутор такой скучный и серый город, — подстегивал себя Эса, — что даже вертолет в небе является предметом недельного обсуждения горожан. Все журналисты жалуются, что нет информационных поводов. А тут сразу несколько смертей в одном доме, а ты не можешь ничего из себя толкового выдавить.

Так, пребывая в нерешительном бездействии, Эса заваривал уже четвертую или пятую кружку кофе.

У Эсы была странная привычка пить по много чашек кофе и выкуривать по три пачки сигарет в день. Но чем больше сегодня было выпито и выкурено, тем больше Эсу тянуло в сон.

В какой-то момент он не выдержал и опустил свою кудрявую голову на стол. Всего на несколько минут, за которые он успел увидеть, что Дом, этот достопочтенный Дом, все же взлетел на воздух. А виноват в этом, по мнению сыщика Калле Криминале, был вроде как Антти. Потому что именно он под предлогом ремонта квартира разгружал из машины мешки с селитрой. Однако во сне Антти почему-то носил селитру в квартиру Кайсы.

Оторвавшись от страшного сна, а заодно оторвав голову от столешницы, Эса увидел перед собой сыщика Калле Криминале. Только вот одет был сыщик как-то странно, будто не на службе, а на состязании трубадуров. В длинном плаще и широкополой шляпе.

— Я к вам, — сказал сыщик.

— Сон в руку, — подумал Эса, стараясь скорее привести себя в чувство и пододвинуть стул гостю, — присаживайтесь.

— Спасибо, — сыщик неуверенно сел на краешек стула, — вот захотел с вами поговорить.

— Поговорить? — удивился Эса. — По какому вопросу?

Было несколько раз так, что Эса печатал втайне от начальства джинсу — левые статьи за деньги. И вот теперь забеспокоился, что час расплаты пришел.

— Это ведь вы, Эса Колумненен, ведете рубрику «Алло, мы ищем таланты»?

— Да, я. А вы что-нибудь написали? — выдохнул Эса с облегчением. — Интересно было бы взглянуть. С вашим-то профессиональным опытом!

— У меня есть сенсационный материал о манипуляциях, которые проводит с городом мэр Мерви. Магические приемы, что он совершает через свои битумные и мусоросжигательные заводы, через эти гигантские печи. Можно напечатать в газете этот материал под видом какого-нибудь рассказа? Ну, чтобы никто кроме вас и меня не знал о подоплеке.

— Нет, невозможно, — ответил Эса сразу.

— Это совершенно исключено, — добавил он, немного подумав.

— Абсолютно невозможно, — добавил он, зачем-то еще немного подумав.

— Но почему? — удивился Калле.

— Потому что все материалы, даже моей рубрики, проходят личную ревизию Хаппонена. А я где-то слышал, что эти мусоросжигательные заводы частично принадлежат и Хаппоненам. Боюсь, что Хаппонены в доле с мэром.

— И потом, — помолчав, добавил Эса, — все это только подозрения, на самом деле пока доказательств нет. А презумпцию невиновности еще никто не отменял. А что если мэр подаст в суд на газету и разорит нас?

— Поэтому я и хотел его пустить как художественное произведение. Чтобы донести до всех основную идею.

— Да и ничего не изменит эта литературная мистификация. Потому что «литературку» сейчас никто не читает и писателям, тем более начинающим, никто не верит. Только вы и я потеряем работу и средства к существованию. А общественное мнение мы не разбудим. И потом, как вы будете в суде доказывать магические приемы?

— Понятно, — встал со стула Калле, — ну, раз это невозможно, тогда я пойду.

14.

— У меня к вам встречный вопрос! — спохватившись, тоже вскочил со стула Эса. — Я сейчас пишу статью о самоубийстве этих двух старшеклассниц. И я знаю, вы ведете это дело. Как раз хотел поинтересоваться: как вы думаете, почему погибли Уллики и Аллиби?

— Сложно сказать, — почесал голову Калле, — скорее всего, это тоже как-то связано с магией. Но не контагиозной, как у мэра, а имитативной или симиальной, когда подобное производит подобное. Плюс неразделенная любовь. Я теперь вообще все дела склонен рассматривать через магию.

— Фотографии или куклы, — ухватился за идею Эса, — вы нашли фотографии?

— Нашел, — сказа Криминале, — сейчас у всех девиц есть фотографии в полураздетом виде. Но Улли и Алли делали это не из умысла, а из моды. Они не подозревали, что уже повзрослели. А когда к ним стали приходить предложения непристойного рода и сальные комментарии, то их это шокировало. Они были, в сущности, еще маленькими девочками. Они хотели чистой непорочной любви. Верной искренней дружбы. А те манипуляции, которые совершали с их фото одинокие мужчины, их сильно травмировали. Мир взрослых им представлялся вероломным и лживым. Поэтому они не хотели взрослеть и поспешили остановить время.

— А к кому неразделенная любовь? — спешил получить информацию Эса. — К Антти и Ахтти?

— У Алли к Антти. А Улли Ахтти, этот толстый увалень, совсем не нравился. Она любила кого-то другого. Кто ей не отвечал. Остается найти этого другого. Думаю, это кто-то из ее преподавателей или врачей. Впрочем, вы не можете об этом писать, — подумав, подколол Эсу сыщик Калле, — презумпцию невиновности еще никто не отменял. И как вы будете писать о магии?

— А что их связывало с Антти и Ахтти? — спросил Эса, пропуская выпад Калле мимо ушей. — Они переписывались?

В этот момент Эса уже думал, что надо бы поговорить со штатным фотографом «Нижний Хутор Индепендент» Фотти. Может, он в своей студии фотографировал Улли и Алли?

— Да, немного переписывались и обсуждали друг с другом планы на будущее. Девочки вроде не хотели взрослеть. И спрашивали совета у Антти. Потом они это обсуждали друг с другом. Такая вот максималистская любовь и дружба.

— А правда, что Антти и Ахтти создали группу экотеррористов «Зеленые санитары»? Может, смерть девушек как-то с этим связана?

— Этого я не могу сказать, — поспешил ретироваться Калле, — это закрытая информация. Не для широкого распространения. И потом, нельзя писать об экотеррористах прежде, чем вина не доказана. Есть презумпция невиновности, — еще раз напоследок уколол Эсу Калле с ехидной улыбкой на лице: мол, оставь ребят в покое, если у самого нет смелости и сам ни на что не способен.

15.

Долго после ухода сыщика Калле Эса не мог успокоиться. А правильно ли он поступил, отказавшись взять эксклюзивный материал Калле, направленный против правящей верхушки? Не стал ли он коллаборационистом и конформистом в этот момент? То есть законченным подлецом и предателем своего финского народа. А мог бы, идя против всесильных Хаппоненов и обрекая себя на самоубийство, стать героем финского времени. От этих мыслей пальцы Эсы задрожали. Ни о каком написании статьи речи уже не шло.

Думая о тайном предложении инспектора, Эса и не заметил, как пролетела вторая половина дня. Возьми и выкинь из окна. Начало смеркаться, и офис один за другим стали покидать его обитатели. Первым упорхнула стажер Стринка, следом свой пост покинула восседавшая, словно попугай на рейке, секретарша Рийкка, фотограф Фотти давно погасил так похожую на закатное финское солнце красную лампочку в своей фотомастерской. Обычно зависавший до самого позднего вечера Хаакки — и тот поспешил на свидание с сы-

ном. А вот Веннике, наоборот, пришла убираться. Ей после трагической гибели мужа Тарьи приходилось браться за любую работу и уборку.

Она громыхала ведром и шваброй, доставая из шкафчика средство для мытья пола и посуды.

— Ох, ох, ох, — ходила она с недовольным лицом, — ну и варвары эти жильцы.

— Что случилось? — спросил Эса, думая, что недовольство Веннике связано с тем, что он задержался или оставил разводы кофе на столе.

— Да опять собрались всем подъездом, чтобы проделать очередной ритуал. А мне от этих ритуалов лишняя головная боль. В прошлом месяце они уже вызывали священника Ряссанена.

— Зачем Ряссанена?

— Да он окропил все святой водой, чтобы больше никто не умирал, а потом жители натоптали и развезли грязь по всему подъезду, — заметила Веннике. — Но вода была все же лучше, чем кровь.

— Какая кровь? — вздрогнул Эса, у которого уже развилась аллергия на кровь в подъезде.

— Они не могут успокоиться и вызвали колдунью Рухью. Теперь она чего-то ворожит с кровью. А мне потом отмывай все эти двери. Я ведь нанялась убирать подъезд.

Эса понял, что должен это видеть, и поспешно собрался, чтобы не пропустить что-нибудь важное. К тому же Эса понимал, что Веннике неудобно при нем убираться и она предпочла бы, чтобы он убрался восвояси как можно скорее.

16.

Выйдя из светлого офиса, Эса окунулся во мрак подъезда, словно провалился в подземную пещеру. Только привыкнув к темноте, он разглядел жителей дома. Некоторые из них держали в руках зажженные свечки. Были здесь Конди с Нерой, Кастро с Люлли, Холди с Никки, Пиркка с Илкки. Вышла на лестничную площадку и Толстула, отчего, казалось, весь дом перекосился и стал кривым, как и весь Нижний Хутор.

А Рухья уже, согнувшись над медным тазом, оторвала курице голову и теперь, надрезая палец каждому жильцу, капала-собирала кровь в общую чашу.

— Мертвому мертвое, живому живое! — повторяла вновь и вновь свое заклинание Рухья.

— Что тут происходит? — подошел Эса к Конди с Нерой.

— Рухья искала и нашла причину проклятия этого дома, — шепнула Нера. — Когда его строили, в основании было кладбище, или в кладку дома заложили души умерших. В общем, дом как-то связан с местом захоронения, и теперь он ближе к городу мертвых.

— Неужели? — усмехнулся Эса.

— Рухья утверждает, что этот дом является вратами в потусторонний мир, что клапан, вентиль между миром живых и миром мертвых открыт, шлюзы и каналы свободны для перехода и переноса, — пояснил сантехник Каакко, — и что чем больше мертвых будет в этом доме, тем больше они будут тянуть к себе живых. Потому что кто-то из Нижнего мира перестал запирать двери и следить за ключами.

— Почему из Нижнего? — удивился Эса, приняв Нижний мир за Нижний Хутор.

— Слишком много покойников, и они тянут дом в свою сторону, — заметил Кастро, от которого успокаивающе пахло валерьянкой и касторкой. — Их души ходят неудовлетворенными.

— А кто снял эти клапаны? — задал риторический вопрос Эса.

— И что же теперь с нами будет? — прижалась от страха Нера к Конди, так она переживала за своих детей. Но у собравшихся не было ответов.

Лишь Рухья твердила, что надо помазать жертвенной кровью курицы каждую квартиру. А иначе жертв и самоубийц будет еще больше. Она объясняла это чувством протеста и оскорбленного достоинства. Раньше поволжские финны вешались в сараях соседей, если хотели насолить и отомстить им. А сейчас они погибают в кондоминиуме, чтобы забрать весь дом.

— Вот варварство, — сплюнул Эса, выходя из дома, — на дворе двадцать первый век, а они такой ерундой занимаются. И даже лучший сыщик Нижнего Хутора сбрендил на магии. Принес какой-то бредовый материал про мусоросжигательные заводы. Этак скоро все помешаются на магии. Одни вешаются назло другим в их сарае. А Уллики и Аллиби решили не взрослеть назло взрослым. Человечество скатывается в первобытную дикость. И куда уходит век рационализма? Время прогресса и великих научных открытий и достижений...

17.

Из зловещей темноты подъезда Эса вышел в полную непроглядность ночной улицы. Финское холодное солнце давно зашло за горизонт, а ради

экономии электроэнергии мэр отдал распоряжение после двенадцати выключать даже уличные фонари.

Но ночь без освещения, как женщина в полумраке комнаты, была прекрасна и таинственна. Многоэтажка бледнела в полных сумерках как белесое лицо северной красавицы, которая с равнодушием и спокойствием взирала на крушение всех надежд и планов жителей Нижнего Хутора. Лишь редкие окна светились приглушенным занавесками светом. Будто эти окна смазали кровью жертвоприношений.

Разогревая застоявшееся авто, Эса думал о языческом обряде. О том, что жители пытаются по-своему, по-варварски решить проблему смертей, обезопасить себя и своих близких. Кровь к крови, убийца к жертве.

Смерть Уллики и Аллиби была и правда плохим предзнаменованием. Если в глазах у четырнадцатилетних детей один вопрос — как покончить жизнь самоубийством, потому что жизнь пуста, ничтожна, бессмысленна, скучна, — значит, дела взрослых совсем плохи. Будто у оставшихся за старших закончились слова оправдания этому миру.

И тут Эса вдруг осознал, что он тоже остался за старшего и что от его статьи, которую он не написал, но еще напишет, зависит настроение многих и многих. И что если он скажет, что ничего страшного с домом не происходит, то его жильцов немного отпустит. Они решат, что раз Аэро не умер в доме, подпирающем шпилем небо, а разбился где-то там над Полинезией, значит, мир схлопывается не над их головами, а где-то в Полинезии. А потом они вспомнят, что Каппо утонул в подводной лодке «Пусть», а не в «Спасательной шлюпке», и еще немного успокоятся. Они подумают, что где-то далеко от Нижнего Хутора, в Норвегии, беда, а здесь, в Нижнем Хуторе, мир будто еще кто-то держит на своих плечах. Может, Кайса и Ювенале, а может, Антти или Ахтти...

Люди поверят, что колдовской обряд Рухьи подействовал. А еще — что их проблемы и раны ненастоящие. Точнее, настоящие, но не так болят.

Впервые в своей жизни Эса подумал, что он из журналиста превратился в демиурга. Он стал как местный писатель Оверьмне, и в его руках вдруг появились магические ключи от мира. Эса почувствовал их в одно мгновение вспотевшими ладошками. А в пересохшем занемевшем рту уловил металлический и солоноватый привкус слов и крови, будто он слюнявил зубцы ключей. Он просто физически ощутил, что его слова могут повлиять на мир, изменить его. Почувствовал, как важны его мысли и какая большая ответственность лежит на его плечах.

В следующую минуту Эса поспешил успокоить свои руки, вытерев о рычаг коробки передач влажные ладони, и вцепился в руль. Машина тихо тронулась и поехала мимо Дома и его жителей, мимо фонарных столбов, похожих на виселицы, мимо неосвещенных витрин и склонившихся к гильотине мостовой придорожных кустов. Впереди была долгая дорога по ночному Нижнему Хутору, где каждый дом-кондоминиум строился так, чтобы привыкшие ходить в гости люди жили отдельно, словно на отдаленных хуторах, но все же находили в себе силы любить, и ждать, и надеяться.

Продолжение следует.

Андрей РОМАНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ушел в мир иной наш давний автор поэт Андрей Романов. Гостеприимный, веселый, внимательный человек. Коренной петербуржец! Со всеми вытекающими отсюда превратностями судьбы. Игорь Михайлов и Валерий Дударев неоднократно пользовались романовским кровом в северной столице. По их воспоминаниям, Андрей мог целую ночь читать чужие стихи, например Бориса Корнилова, горячо спорить о поэтике Рубцова или декламировать полупоэмы Бродского на английском...

А однажды январским морозным утром Андрей Романов вежливо постучал в комнату гостей. Ничего не успевшие понять, едва проснувшись, Дударев и Михайлов были удивлены: в руках Андрея Романова сиял поднос с яствами: арбуз и водка! Москвичи вопросили:

— С чего это вдруг с утра пораньше?

Ответ был по-петербуржски корректным:

— Так ведь москвичи всегда с утра требуют арбуз и водку! Тем более в январе!..

Да, как же все мимолетно!

Ушел последователь Михаила Дудина

«Прощай весны нежданная утрата» — так неожиданно была названа последняя прижизненная книга стихов Андрея Владимировича Романова, которая скоро обязательно должна выйти. Андрея Романова не стало 29 мая 2014 года, как раз на Вознесение Господне. Мы уверенны, что автора строк *«Выхожу из парадной один на один / С Ленинградом, в котором родился и рос»* не скоро забудут.

Стихи Андрея Романова дерзки, энергичны и авангардным напором своим не уступают порой стихам самых прославленных авторов.

Поэзия петербуржца Андрея Романова при всей ее сложности создана по классическим канонам русского силлабо-тонического стихосложения. Так что в отношении формы все, можно сказать, по старинке. Добавьте к этому точную рифму — и у вас получится вроде бы стандартная модель. Современной и сложной она становится благодаря содержанию, индивидуальной авторской концепции...

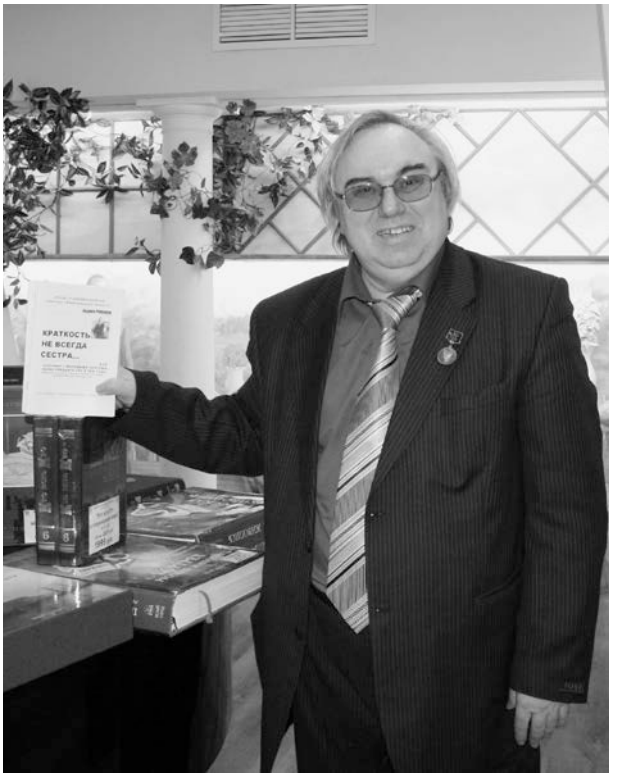
Поэт Андрей Романов, родившийся в победном 1945 году, был замечен еще Михаилом Дудиным. Обращенная к памяти павших, восстановлению русских городов, непростой послевоенной жизни, поэзия Андрея Романова имеет сильную энергетику, почти космическое звучание и причудливые для неподготовленного читателя формы.

Андрей Романов создает в лирике «мужской архетип», который, соответственно, ведет «мужской разговор» со временем (одна из книг поэта так и называлась — «Мужской разговор»). Этот разговор сложен и неоднозначен. К примеру, в поэме «25-й час» Андрей Романов лихо заявляет, что ему нужен *«особый, новый час»* — а если Время не согласится с его доводами, то он этот час создаст сам.

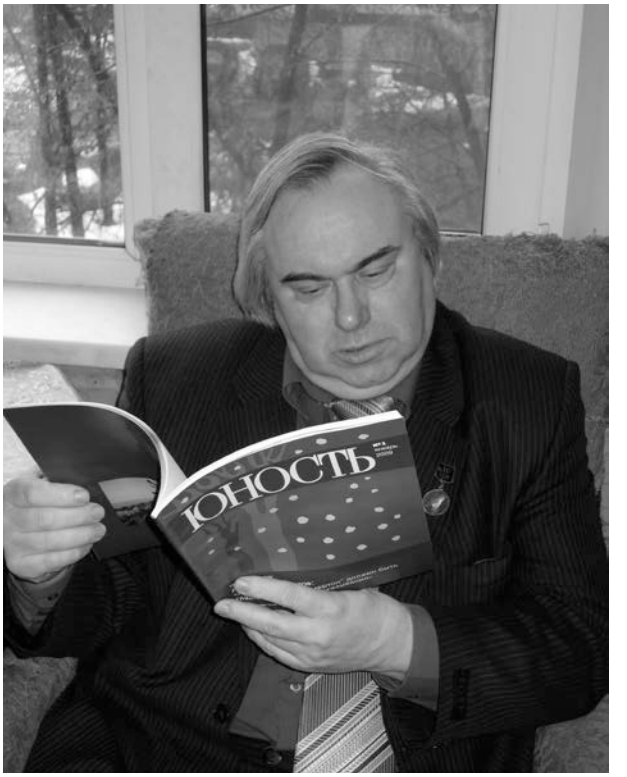
Романов скрещивает поиски классической поэзии с авангардными экспериментами. «Славянка-возлюбленная» танцует в скафандре и побеждает время, войны, смерть. Здесь же встречается и трогательное самопожертвование лирического героя (*«Хочешь, я подарю тебе розы, чтоб от голода вновь умереть?»*), и его же первозданное восхищение (*«Где свету навстречу плывешь ты в студенческой блузе»*), а иногда и бескомпромиссная расстановка акцентов (*«Не желаю встречаться с тобой»*).

Подавляющее большинство стихов Андрея Романова адресовано женщине. Он понимает, что в современной жизни, когда процветают сомнительные ценности, предательство, презрение

Андрей Романов, Владимир Костров, Андрей Шацков за чаем у Лермонтова



Андрей Романов: «Арбуз и водка — день чудесный!»



Андрей Романов: «Сколько живу — такого не читал!»

ко всему отечественному, *нужно уметь любить*. Любить женщину. Любить жизнь. Любить и этим спасаться.

При этом хулиганская и задиристая, даже языческая поэзия Андрея Романова несет в себе христианскую основу, поэт чувствует необходимость веры.

Прекрасно и умение поэта любить жизнь во всех ее проявлениях. И когда Андрей Романов легко и непринужденно вспоминает о том, как «коммунальный кот по кличке Барсик гонит крыс в подпольную дыру», вдруг невольно осознается — вот же она, наша неповторимая русская жизнь, где смех всегда сквозь слезы, блеск и нищета, «миллион контрастов и затей»...

Андрей Владимирович Романов много сделал для отечественной литературы: воспитывал учеников, выпускал журналы и альманахи, вел передачи на ленинградском радио, курировал литературную премию имени Бориса Корнилова, а в 2007 году удостоился чести быть главным редактором уникального альманаха «День поэзии "Санкт-Петербург — Россия"». Благодарность, полученная им от министра культуры и массовых коммуникаций России, была вполне заслуженна. К его семидесятилетию готовилась почетная грамота Министерства, но он не дожил до него ровно семь месяцев...

Андрей Романов упокоился под Петербургом в любимой Суйде, недалеко от могилы великой русской няни Арины Родионовны.

А мы грустно повторим «Прощай весны нежданная утрата»...

Л. А. Аннинский, лауреат премии
Правительства России в области культуры;

А. В. Шацков, лауреат премии
Правительства России в области культуры;

К. С. Козлов, лауреат независимой литературной премии
им. Бориса Корнилова «На встречу дня!»

* * *

Когда разбитная столица
Со мной разведется навек,
Не плачь, не спеши повториться,
Поверив, что ты — человек.

И пусть ты вовек не посмеешь
Уйти от внеклассных утех,
Ты школьницей стать не сумеешь,
С кометы Галлея слетев.

Ветла, раскошелившись в полночь,
Гусей по селу разогнав,
К тебе не приходит на помощь,
Сморкаясь в зеленый рукав.

Но скромностью счастье не купишь
Венчаясь на средней волне,
И время покажет нам кукиш,
Заслуженный нами вполне.

Галактика мчится по кругу,
Сквозь Млечный расхристанный Путь,
Где мы посылаем друг другу
Компьютером мыльную муть.

Но кто мы? Скрываться не будем,
На третью планету спеша
К воскресшим от радости людям,
Что ждут нас, почти не дыша.

* * *

Пусть нитраты шастают по краю
Невской обесточенной воды,
Я тебя на Стрелке не ругаю
За твои внеклассные труды.

И, забыв минутные печали
В том краю, где бронза и гранит,
Вспомни, как мы Господа встречали,
Растерзав на капельки ринит.

— Дурачок, — ты скажешь мне с опаской, —
Отряхнись от вечной маеты,
Ведь звезду отправить с башни Спасской
В Млечный Путь едва ль сумеешь ты,

Но пока я в загсе хорошею
Перед кипой свадебных бумаг,
Ты звезду не вешай мне на шею,
А беги со мной в универмаг.

— Ой, родная, граммофон играет,
В прошлом веке, в сумраке двора,
И припев блокадный повторяет,
Осознав, что в школу нам пора.

Где волна двусмысленной Фонтанки,
Распахнув осколочную дверь,
Остановит вражеские танки
И вчера, и завтра, и теперь.

* * *

Не ищи, Нева, в моем ответе
Путь к венцу — и в сказку не зови:
Нам с любимой жить на этом свете,
Вопреки трагической любви.
Ночью на вокзале всю планету
Можно встретить, звездам на беду...
С нею нам бродить по белу свету
В этот високосный день в году.

Никаким космическим снарядом
Не вернуть нам сказочный сафьян...
Я иду, Фонтанка бродит рядом...
Это — ты! И я от счастья пьян.
Питер, сдайся тополям на милость,
И проспекты пухом застели,
Чтоб Фонтанке веселей ходилось
По гранитом вскормленной пыли.

Кто нам сдаст Вселенную в аренду
На садово-парковой скамье?
Кто рискнет сложить про нас легенду,
Кроме звезд, прикованных к семье?
Дескать, новый век и третье лето,
Я Фонтанки обнимаю стан,
Словно мы — Ромео и Джульетта,
Словно мы — Изольда и Тристан.

Чтобы ветер, стан ее лаская,
След от каравеллы целовал,
Чтобы зяблик, нотный стан листая,
Гимн любви для нас лишь напевал.
Нам едва ль вернуться в жизнь иную,
Ту, в которой, смерти вопреки,
Мы вдвоем... Но я тебя ревную,
Даже к пальцам собственной руки.

Мы — вдвоем; ни внука, ни ребенка
Не видать нам даже в смертный час.
Пусть в районном загсе фотопленка
Сохранит предание про нас...
Ведь пока сто лет свиданье длится
На секретной паперти аллей —
Нам продаст культурная столица,
Тайный сбор военных кораблей.

* * *

Был вторым лишь, не первым, не третьим;
И не прятал восторженных глаз
Пред тобою, которую встретил
За кормой предварительных касс.

В одноактной постели балета,
Где не спето ни это, ни то,
Я просил: «Не давай мне билета
Ни в Москву и ни в цирк шапито».

А когда ни стыда не осталось,
Ни моста, что осанну споет,
Ты как птица, со мной рассчиталась
За внезапную веру в полет,

Рассчиталась по высшему счету,
Не спросясь, оплатила долги,
Не к порядку призвала, к почету,
За глаза приказала: «Не лги!»

Я не лгал ни тебе, ни отчизне,
Ни с похмелья, ни даже с утра,
Вопреки разбитной укоризне
Шантрапы с проходного двора.

Я стерег тебя в тщетных усильях —
Чуя струи воздушной реки,
Воспарить на подрезанных крыльях,
Тайной злобе подруг вопреки.

* * *

Когда береза ползает, скрипя,
Вдоль сумрачного Волкова кладби́ща,
Зови трамвай! В нем юность ждет тебя,
Припомнив о блокадном пепелище.

И пусть в трамвае нет свободных мест,
Как будто бы на празднике Победы,
Нам вслед хохочет якорный зюйд-вест,
Послав на смерть космические беды.

Добраться б нам до школьного крыльца,
Взглянуть в глаза напудренной Фонтанки —
У ней столетья катятся с лица,
Как будто ворошиловские танки;

Где, вдохновляясь подвигом отцов
И снисходя в окопную орбиту,
Мы воскресили звездных молодцов,
Доверившихся млечному сорбиту.

Погладь мой лик, прощаясь на ходу,
Застыв в объятьях стоптанных профессий,
И я тебя в граните украду
Из цепких лап индустриальных сессий,

Где целиной гордится сельский волк,
Поскольку заяц городской попался,
Где солнечная вечность знает толк
Автобусно-космического вальса.

* * *

Прощай весны нежданная утрата:
На Лиговку пробрался майский снег.
И в этом не гадалка виновата,
А со двора обрушившийся смех,

Который не согласен с нашим счастьем,
Но приказал разграбить Летний сад,
Где мы горды скульптурным соучастьем
Тех, кто красив, надменен и усат.

Тревожный жребий выпал из портфеля,
Рассыпав годы по земле сырой,
Давай сбежим из царства Куршевеля,
Преодолев границу в мир иной.

И если Рим грозит нам Колизеем,
А взять нам Трою выпадет едва ль,
Давай рискнем представить мир — музеем
И воскресить московский фестиваль.

Сливай бензин — трамвай в метро не ходит,
Гостиный двор навеки выключай...
На перекрестке глобус колобродит,
Маршрутка денег требует на чай,

Но снег, отведав, что же есть блокада,
Победно тает, вечность распознав,
Где вдоль кинотеатра «Баррикада»
Летит в зенит подорванный состав.

* * *

Слева навалился южный полдень,
Справа — полночь северных чудес,
Позади расщедрившийся холдинг,
Впереди ощерившийся лес.

Се ля ви... От счастья нет спасенья,
Так что на Голгофу не спеши,
Потому что в это воскресенье
Предстоит точить карандаши.

Нам пора, на Стрелке мирозданья,
Прямо в лоб учителя спросить:
Можно ль на уроках рисованья
Будущее счастье воскресить?

Ведь со свадьбы сколько лет промчалось,
И хотя завхоз припас котлет,
Наша юность с классом распрощалась,
Завещав потомкам школьный след.

Пусть нам вкатят выговор в райкоме,
Пусть Пилат желает нас распнуть,
Мы — вдвоем... И что нам нужно, кроме
Синевы, познавшей жизни суть?

Мы уйдем навеки в поднебесье,
Растоптав подкупленный Зенит,
И однажды Питера предместье
Наши души бронзой осенит.

Хелью РЕБАНЕ

Продолжение. Начало в № 7 за 2014 г.

Публичное сокровище

Повесть

Рисунок Эдуарда Дудина

7.

В рижской гостинице «Балтия» я останавливалась на протяжении целых восьми лет. Без преувеличения — я любила ее. Несмотря на затрапезный вид, на *упадок*, сквозь который лишь угадывалась былая роскошь. Красивое старинное здание, прямо напротив железнодорожного вокзала, требовало ремонта. Но — центр города, а за сутки в одноместном номере брали там всего-навсего три с половиной лата.

Латвия после обретения *brivibas* (уверена, *сладкое слово* понятно и без перевода) поменяла советские рубли на латы. Точнее, сначала появились *репшики*, прозванные так народом в сомнительную *честь* Эйнарса Репше[1]. Репшики выглядели несерьезно. Казалось, каждый может напечатать их себе сам на принтере. Подобно *хрущобам*, они и жили недолго. Далеко не каждый правитель — Хеопс...

Латы, напротив, отличались и интересным дизайном — тяжелые монетки с отчеканенными на них рыбкой (в Латвии ловят рыбу) и коровой (Латвия славилась животноводством), а главное, номиналом — один лат стоил целых два доллара. Поэтому цены в латышских магазинах выглядели иллюзорно невысокими. В Эстонии сто крон, а в Латвии за то же самое *всего лишь* три с половиной лата. *Надо брать.* А если вдуматься — все те же семь долларов.

...Кому-то покажется странным, но я всегда мечтала пожить в гостинице. Начиталась в юности Ремарка. Его герой — вечный скиталец по гостиницам, пьющий кальвадос. Попробовать кальвадос я тоже всегда мечтала. Сбылась мечта в Коктебеле. Оказалось — такая гадость: крепленое яблочное вино.

Одноместные номера «Балтии» я знала наперечет. Из некоторых открывался вид на привокзальную площадь с высокой прямоугольной башней с часами в центре. Удобно: подходишь к окну и смотришь, который час. Видишь фигурки людей, выходящих из здания вокзала и спешащих по своим делам. Мчатся машины, то и дело к остановке подъезжают и отъезжают от нее троллейбусы, тащится трамвай... Эти номера я обожала.

А в других — за окном мрачный двор-колодец. Постояльца донимает непрерывный шум вентиляции, доносящийся со двора. Разница в цене смешная — сорок сантимов в сутки. Но когда хорошие номера заняты, приходится терпеть пытку шумом, размышляя о том, как важно место, которое за-

[1] Эйнарс Репше — один из основателей движения за независимость Латвии. С 1991 по 2001 год занимал пост президента Банка Латвии.

нимаешь в жизни. Одно и то же здание, а какие разные впечатления. Один скажет перед *отъездом*, что жизнь — свет и радость, другой — тьма и сплошное страдание.

Гостиница эта была пронизана моими мечтами о новой встрече со Стасом. Приехав сюда, я неизменно начинала ему по вечерам звонить. Во-первых, одиночество. Во-вторых, хотела знать, как он там, но не хотела с ним видеться, начинать снова встречаться. Он охотно рассказывал о себе, о взрослых детях, о падении курса акций... Я — о себе. Ни слова о чувствах. Нет, все-таки однажды я задала ему один из глупейших вопросов, которые может задать женщина мужчине: «Ты вспоминаешь меня?» «Sometimes», — ответил он. Почему-то по-английски. После небольшой паузы. *Временами*.

Но два года назад я вот так же позвонила... Сначала он решил, что звоню из Москвы, и предложил заехать к нему на капучино-эспрессо. Мне тогда почудилось, что он как-то особенно подчеркнул это «эспрессо». *Мастер намека*. Я мысленно возмутилась: он, что же, считает возможным, что после десяти лет, что мы не виделись, я заскочу к нему на полчасика, и мы выпьем «эспрессо» — на бегу? Или... что означает это *эспрессо*?

Десять лет я мечтала о новой встрече, и она должна была произойти в *торжественной обстановке*. Я даже знала, где. В «Патио паста» на Тверской. Туда мы часто ездили с сыном. Я влюбилась в это уютное кафе. День встречи тоже должен быть особенным. Например, мой или его день рождения. Я так долго выбирала этот день, что в итоге мы хоть и встретились в «Патио» (в полном соответствии с моим *сценарием*, если пользоваться излюбленным выражением Стаса), но, по иронии судьбы, 17 августа 98-го года. В день *дефолта*... В день, когда *все обесценилось*. Тогда вместе с рублем рухнул и мой «бизнес»... Жалкие остатки распродавались медленно, по сей день.

Я приняла душ, покрутилась, одеваясь, перед зеркалом, взяла сумку с сувенирами и пошла пешком на Valnu iela. Я люблю Ригу, этот *маленький Париж*. Рига тоже *стоит мессы*. Я шла, наслаждаясь ею, вдыхая ее, любуясь красивыми домами, старинным парком у канала, вековой ивой, нависшей над водой, доверчивыми прикормленными уточками, плавающими в тени ивы, и в который уже раз отметила про себя, что стоило мне перестать влюбляться в людей, как я стала влюбляться в города.

* * *

В художественном салоне было безлюдно. Пожилая продавщица Раса, в недавнем прошлом физик, сидела за столом, разбирая квитанции. Она подсчитывала, сколько продано за три месяца, прошедших с моего прошлого приезда. Молодая Вия раскладывала на полки изделия из янтаря. Мужской голос из радиоприемника громко, на весь салон исполнял какой-то бравурный латышский шлягер. В песне то и дело повторялось «Юра».

— У латышей тоже есть имя Юра? — спросила я, поздоровавшись с продавщицами и кивнув в сторону радиоприемника.

— «Юра» — по-латышски «море», — улыбнулась мне Раса, оторвавшись на секунду от бумаг.

Я прошлась по салону, разглядывая картины на стенах, сувениры на полках, украшения из самоцветов в стеклянных витринах с подсветкой. «Какое счастье работать в таком магазине. Это не на рынке мясо рубить и не в баре пьянчужкам наливать», — подумалось мне уже не в первый раз. Я села напротив Расы, ожидая, когда она закончит подсчеты, и невольно принялась ее разглядывать. Она сдала за этот год. Располнела. Перестала красить короткие седеющие волосы. Массивный перстень с яшмой впился в мясистый палец...

Время тихо текло сквозь этих лишь поверхностно знакомых мне, но ставших почти близкими за последние годы людей. Так, тихо, незаметно, крошится штукатурка с домов. Растут деревья. Струится песок в дюнах. Висят, словно держась усиками за поверхность воды, хитрые черные рыбки в аквариуме привокзального рижского кафе.

Сердце мое сжалось от щемящего чувства. «Ничего не поделаешь, — подумала я. — *Если железо используют в работе, оно стирается. Если не используют, его съедает ржавчина*. Остановиться невозможно. Наверное, нирвана — недостижимый идеал. И время пройдет, и времени не будет...»

Позже, покончив в салоне с делами, ожидая на привокзальной площади маршрутку, я читала на подъезжающих маршрутных автобусах: «Юрмала», «Майори», «Булдури»... Внезапно я поняла, что означает «Юрмала». *Взморье*! Я была в этом полностью уверена. Так, каким-то неведомым озарением, к нам приходят многие знания. «А "Юрас перле", должно быть, — "жемчужина моря"». Наверное, так приходит понимание слов к детям. И... к иностранцам.

В Майори я приехала в полдень. Небо заволокло сплошной голубовато-серой дымкой, чистый светло-бежевый песок был в редких темных крапинках только что опрыскавшего немногочисленных отдыхающих дождя. На длинном, уходящем к виднеющемуся вдали мысу песчаном пляже было всего около двадцати человек.

Сбросив с себя пестрое летнее платье и оставшись в одном купальнике, я села на скамейку у карликовой сосны, поодаль от кромки спокойного, покрытого легкой рябью моря, достала из сумки книжку и стала читать.

Неподалеку от меня на песок с жалобным покрякиванием села молодая чайка. Совсем еще детеныш, худенький, элегантный, с белоснежной грудкой, весь словно из прачечной, где его отутюжили и накрахмалили.

Чаенок битых полчаса покачивался на длинных худеньких темно-красных ножках на одном и том же месте и в вящем недоумении крутил темно-коричневой гладкой головкой по сторонам, временами кося на меня влажным блестящим глазом, обрамленным украшением, напоминающим павлинье перо.

«Как правильно: "чаеныш" или "чаенок"?» — размышляла я, поглядывая на это первозданное чистое существо. Я призывно поцокала ему язы-

ком. А птенец лишь слегка покачивался и издавал жалобные скрипучие звуки.

На песке поблизости стоял водный велосипед, похожий на сани с педалями. На его сиденье развалился седой, до черноты загорелый мужчина в голубых плавках. Он потягивал пиво из темной стеклянной бутылки. Поблизости загорал стоя второй шоколадно-коричневый седовласый мужчина. Очевидно, для них загар был чем-то вроде спортивного достижения. Такая шоколадность вполне тянула на Книгу рекордов Гиннесса.

Чаенок улетел, взамен прилетели три вороны и начали разгуливать вокруг полозьев водного велосипеда, откуда уже ушел, допив пиво, любитель оригинальных решений и удобств.

Вдоль кромки воды медленно шла стройная женщина в белых брючках, белой маечке, легкой белой распахнутой курточке и белых кроссовках. Отсюда лица ее не было видно. Волосы ее развевались на ветру.

Я долго провожала ее взглядом. В этом было что-то... Пустынный пляж, освещенный неярким солнцем... Чистый бежевато-серый песок и *женщина в белом*, идущая по кромке серого моря.

Я мысленно вздохнула — вот какой должна быть женщина. Чтобы понравиться *ему*. Мы все всю жизнь стараемся понравиться своим родителям, потом любимым...

Местный «негр» — рекордсмен загара, с короткими ногами и длинным туловищем — прошел прямо мимо меня, и я подумала: хочет быть *сексапильным*. Седые волосы покрасил бы...

На скамейку рядом со мной тяжело плюхнулись две грузные женщины. Одна — помоложе. Вторая, очень пожилая, часто и тяжело дышала. Они переговаривались между собой по-русски.

— Раньше придешь на пляж... В любое время, в любой день — полно народу. Ну и что они поимели с этого, эти латыши? С независимости этой? Заводы позакрывались. А квартплата...

— Мама! Хватит! Надоело, — пыталась остановить ее дочь.

— Раньше яблоку негде было упасть. А теперь... видишь — какую гостиницу досками заколотили. А телефон? Теперь за местные разговоры — плати. Где это видано?

— Мама!..

Я посмотрела на говорившую — обрюзгшая, расплывшаяся. Недовольное морщинистое лицо...

А ведь дело не в квартплате, подумалось мне. Не *только* в ней. Конечно, пожилым людям трудно, почти невозможно перестроиться. Есть китайское проклятие (похоже, китайцы то и дело кого-то проклинают): «Чтоб вам жить во время перемен...» Просто *новое время* уже — не *ее* время... Сидит же она здесь в теплый пригожий денек и ноет, ничего не делая. Значит, может себе позволить. А то время — ушло безвозвратно... Я, в отличие от нее, не оплакивала его. Но чувствовала, что меня было словно два человека — та, что *до*, и та, что *после*. Та, что *до*, тоже исчезла, как канула в небытие и огромная страна, в которой *та* родилась, училась, работала, *повстречалась со Стасом*... в прошлом теперь веке. Но об этом лучше не думать.

Я поднялась со скамейки, переоделась в кабинке и медленно пошла сквозь тихий дачный поселок под словно замершими под солнцем вековыми соснами в сторону остановки пригородной электрички.

Выйдя на главную улочку, я попутно заходила почти в каждую лавчонку, которые плотным строем облегали эту чистую мощеную пешеходную улицу, без устали переодевалась в примерочных и нашла все, что искала.

Я купила белые брючки, белую маечку и белую легкую курточку.

В следующий раз, когда я приеду сюда... или к какому-нибудь другому морю, кто-то другой будет сидеть на скамейке и смотреть, как вдоль кромки моря одиноко, отрешенно идет *женщина в белом*. Волосы ее развеваются на ветру...

* * *

Вернувшись в гостиницу, я сразу рухнула в узкую, с ископаемым пружинным матрасом кровать и включила телевизор. Надо было выспаться до отъезда. Транзитный автобус из Вильнюса через Ригу в Таллин отправлялся в час ночи, а телевизор мне спать не мешает. В запущенном старинном здании в унылой комнате с белыми стенами и высокими потолками чувствуешь себя в одиночестве особенно неуютно, а *зомбоящик* — безотказный компаньон.

На экране появились курчавый брюнет Круз и длинноволосая блондинка Иден[1]. В Эстонии для показа этого американского сериала ограничились субтитрами, а латыши не поленились, продублировали фильм. Смешно было видеть Иден, произносящую «ludzu»[2] и «paldies»[3]...

---

[1] Круз и Иден — главные герои американского сериала «Санта-Барбара».

[2] Ludzu — пожалуйста (латышск.).

[3] Paldies — спасибо (латышск.).

Вдруг телефон на тумбочке рядом с кроватью зазвонил. Подняв трубку, я услышала голос Лены. Что-то стряслось, была моя первая мысль. Как она меня нашла? — вторая.

— Сильвичка! Мне срочно нужна твоя помощь. Поможешь?

— Постараюсь. А в чем дело?

— Уезжаю на полгода.

— Куда?!

— В Америку. На заработки. Тут две фирмы работу предлагают.

Вот как... в Америку. Впрочем, все пути из Эстонии ведут теперь не в Рим, и уж, конечно, не в Печоры. А именно в Америку.

— И кем же?

— В гостиницу. Горничной... Не одобряешь?

— Ну, не знаю. Я завтра вернусь, тогда поговорим.

— Сильвичка! — Голос кузины стал умоляющим. — Ну пожалуйста! Я тебя очень прошу! Мне нужно *немедленно* дать подруге ответ! Она завтра рано утром идет в очередь, подавать заявление. Желающих — вагон и маленькая тележка! Сильвичка, ты... ты возьмешь Полинку на это время к себе?

Час от часу не легче... Но Лене надо помочь выкарабкаться из бара. Добром эта работа для нее не кончится. А я... ведь все равно дома сижу, сувенирные яйца расписываю. Полиночку рисовать научу...

— А ты в Америке не застрянешь?

— Нет! Я и сама не хочу надолго! И не могу. Полине же в будущем году в школу!

— Ладно. Возьму. Но ровно на полгода. Слышишь? Имей в виду.

Я сразу оговорила срок. От Лены можно ожидать непредсказуемых поступков. Я хоть и бесхарактерная, но дальновидная. Да, бесхарактерная... А как еще назвать неумение говорить «нет»?

Я освободила номер уже в одиннадцать вечера и, как всегда перед возвращением из Риги домой, пошла в «Макдоналдс», коротать время до отправления автобуса. Это заведение нового, постсоветского времени, находится в пяти минутах ходьбы от автовокзала, работает круглосуточно, там *чисто, светло*...

Получив в руки поднос с заказом, я села за столик и почувствовала, что безумно устала. Я приехала в Ригу в три часа ночи. И вот снова ночь. Невероятно длинный день. Казалось, прошла неделя. Все-таки время было бы правильнее измерять количеством событий, а не тем, сколько кругов сделала стрелка часов... Быстрее бы в автобус. А там — спать, спать...

Кроме меня в пустынном ночном бистро сидел только один посетитель, молодой парень, который нахально на меня уставился.

Не обращая на него внимания, я неторопливо пила горячий чай, ела гамбургер и думала о том, что когда-то ровно на этом месте было кафе Luna, где подавали пылающее мороженое. В мисочку с мороженым ставилась емкость со спиртом. Спирт поджигался. На первом курсе университета мы ездили в Ригу на экскурсию, и это *горящее мороженое* впечатлило меня так, что я до сих пор помню его. Мы тогда вызубрили слово «saldejums»[1] и, веселясь, без устали повторяли его. Еще мне вспомнился суп из бычьих хвостов, который мы с подругами-однокурсницами тогда заказали в каком-то рижском ресторане...

Парень вдруг совсем обнаглел и, не испросив разрешения, пересел за мой столик.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответила я. Жалко, что ли? Нахал, конечно, но как-то неловко, даже смешно вскакивать, как будто на меня *уже* напали.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

Круглые серые глаза его смотрели на меня с неподдельным интересом.

— Тоскую по родине, — ответила я, подумав. Ведь так оно и было.

Знать бы, где она, моя родина...

— Вы американка? — удивился он.

— Нет. Эстонка, — ответила я. И добавила, уже поднимаясь из-за стола, окончательно сбив его с толку: — Из Москвы.

* * *

На следующий день, когда я проснулась уже в маминой квартире, выяснилось, что карты Лены легли не так, как предполагалось, и Америка ей пока что не светит. Ее подруга получила отказ: все оказалось далеко не так просто.

— Не судьба, — вздохнула Лена в телефонную трубку.

— Как жаль, такой был шанс! — огорчилась я. — Не расстраивайся. Поверь, у тебя еще все впереди, — попыталась я утешить ее.

Я заново пересмотрела свой гардероб, который запланировала взять с собой во Францию, но ничего из чемодана не выбросила. Я иногда читаю дамские журналы, бывает, прислушиваюсь к советам, которые там дают. Один такой совет: не брать в поездку лишней одежды. Но... при одном лишь слове «Париж» теряю голову.

[1] Saldejums — мороженое (латышск.).

— Мне из Москвы никто не звонил? — спросила я маму.

— Нет, — ответила она удивленно. — А кто должен был?

— Да нет, никто *не должен...*

8.

Самолет приземлился около семи вечера. Перед почти безлюдным зданием уже знакомого мне с прошлого раза аэропорта Шарль де Голль на пустынном пандусе стояло несколько такси. За рулем — одни только *негры*. Я еще не повстречала Фредерика и не знала, что здесь это слово под запретом.

Я объяснила водителю, что мне нужна улица Лористон, 97. А что в этом сложного? Просто сказала: «Бонжур! Рю Лористон», а «97» написала на бумажке, которую с заднего сиденья протянула ему. Таксист все понял без всяких «отвезите меня», чего я по-французски не знаю.

«Же не компран па»[1] — вот коронная фраза, которую вам следует выучить, когда едете во Францию. Все остальные три тысячи слов минимального словарного запаса вам заменит, поверьте, словосочетание «у э»[2]. Ну, еще потребуется «эскьюзе муа»[3], после чего можно гримасничать, демонстрируя растерянность, размахивать руками и спрашивать «у э» (гостиница, музей, станция метро, все, что вам необходимо).

Через минуту я уже мчалась на встречу с мечтой. «Париж, Париж...» — пело мое сердце, невзирая на пасмурный вечер, темные туннели и такие же унылые серые окраины большого города, как в Москве и Таллине. Рю Лористон... А в Тарту[4] есть улица Лауристини... По-русски — «улица», по-французски — «*рю*»... Мысли хаотично толпились в голове.

Но вот, наконец, древний город в серой дымке предстал передо мной. Вдали над ним, казалось, парила в воздухе сказочная гора с белым куполом базилики Сакре-Кер. Теперь стало очевидно, что это он, неповторимый и *единственный, Париж*.

И вот! — рю Лористон и моя *резида-аанс*.

На *ресепшен*[5] стоял коротко, почти под ноль остриженный молодой человек весьма своеобразной внешности: прилизанные волосики желтенькие, как у цыпленка, а бородка черная, клиновидная. Как у Ленина, подумалось мне. Беджик с цветной фотографией на лацкане его униформы сообщал, что имя его — Людовик.

Людовик, похожий на Ленина, дал мне комнату на последнем, мансардном этаже. Зачастую в гостиницах дают сначала самый что ни на есть плохой номер. Постоялец попросит потом его поменять и, возможно, даст за эту услугу чаевые.

Но в мою комнату я влюбилась сразу, как только вошла и включила свет. Бледно-розовые обои с мелким серебристым рисунком осветила бронзовая потолочная люстра. Чисто. Мебель новая. На широкой двуспальной кровати шелковое, тоже бледно-розовое, покрывало. Бронзовые светильники на тумбочках. В углу на стене телевизор Philips на вращающейся подставке. Ванная комната выложена кремовой плиткой, а в нее встроено декоративное панно — одинокая задумчивая цапля в камышах.

А какой открывался вид из окна! Крыши, *крыши Парижа*, а вдали над старинными домами возвышался стройный современный параллелепипед. Башня Монпарнас, как я узнала позже у портье. Вблизи — кусочек темно-серой жестяной крыши соседнего крыла отеля.

Когда я распаковала чемодан и повесила одежду в узкий зеркальный шкаф при входе, был уже восьмой час вечера. В конце августа в это время в Париже уже наступают сумерки.

Мне не терпелось побыстрее снова увидеть Эйфелеву башню, поблизости от которой по моей просьбе в турбюро и выбрали эту гостиницу. Я спустилась на лифте на первый этаж и узнала у блондина Людовика дорогу. Я спросила «У э Трокадеро?», а он что-то быстро ответил мне по-французски. Я улыбнулась: «Же не компран па». Тогда он, сопровождая свои слова жестами, повторил, что сначала надо идти «а гош», затем «друа, друа, друа» и потом снова «а гош». Налево, прямо и снова налево, сообразила я.

Я вышла на улицу. Приятная вечерняя прохлада и тишина. Повернула *а гош*, некоторое время шла *друа* и снова повернула *а гош*.

На Трокадеро[6] было неожиданно пустынно, безлюдно, неуютно. Лишь двое рослых негров неподалеку друг от друга выложили на подстилке, расстеленной прямо на мостовой, свои сувениры.

---

[1] Je ne comprend pas (фр.) — я не понимаю.

[2] Ou est (фр.) — где находится.

[3] Excusez mo i (фр.) — извините.

[4] Университетский город в Эстонии.

[5] Стойка регистрации (варваризм).

[6] Площадь Трокадеро и одноименный парковый комплекс в Париже. На самой высокой точке парка находится площадь Трокадеро (прямо напротив Эйфелевой башни), получившая свое название от холма, на котором расположена. Холм назван в честь победы французских войск в осаде испанского форта Трокадеро в 1823 году.

Маленькие копии Эйфелевой башни, веера, платки и футболки с видами Парижа.

Впереди, прямо передо мной, возвышался по-вечернему темный огромный силуэт башни Эйфеля, где почти на самом верху горела цифра 2000. *Конец света*, который пророчила, пытаясь всех застращать, в конце прошлого года — конце тысячелетия моя соседка Лиза, не наступил. В новогоднюю ночь не произошло и всемирного сбоя компьютеров, который предвещали средства массовой информации. Права оказалась не Лиза, а ее сестра, родившая второго ребенка незадолго до *миллениума*. Конец света, неоднократно ожидавшийся в течение последних двух тысяч лет, в очередной раз *отложили*. Зря Лиза так осуждала свою сестру за второго ребенка. Детей все еще стоило рожать. Впрочем, Лиза *крейзи*[1], теперь еще и на религиозной почве.

Глядя на гигантскую Эйфелеву башню, на которой в сгустившихся сумерках как-то особенно ярко пылала цифра 2000, я испытывала почему-то не восторг, как тогда, ярким солнечным летним днем, впервые увидев творение Жана Эйфеля, а странное отвращение. К башне. К Парижу. К жизни вообще. Вот она, сбывшаяся мечта. Одна в Париже. И что?

Ветер крутил обрывки бумаги по асфальту, на котором припозднившиеся негры разложили товар. Становилось прохладно. Я пошла обратно к гостинице, попутно читая на вывесках угловых домов названия улиц. То и дело повторялось General. Улицы были названы в честь каких-то генералов. Чем отличились эти вояки, я не знала. Единственный генерал, чье имя мне что-то говорило, был Шарль де Голль. Странно. Париж всегда казался мне городом трех мушкетеров, фиалок Монмартра, миледи и кардиналов Ришелье, но не генералов. Впрочем, даже генералы не поколебали моей готовности любить его. Ведь любовь сидит не в том, кого любят.

У себя в номере я сделала приятное открытие — мини-бар со множеством маленьких бутылочек сока, вина и даже маленькая бутылочка шампанского, которую я и открыла в надежде перебить охватившее меня непонятное отвращение. Налив себе бокал, я набрала номер мамы.

— Мама! Я в Париже! Долетела отлично! В номере даже бесплатный мини-бар есть.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Извини, я сейчас смотрю «Санта-Барбару». Спокойной тебе ночи.

И повесила трубку.

«Интересно, если бы меня пригрохнуло взрывом на "Пушкинской", она заметила бы?» — подумала я. Но в одном я была уверена — если бы убили Круза или Иден, это была бы трагедия.

И тут я, вопреки твердому решению не звонить Стасу, на автопилоте набрала его номер. Есть ум? Но чего стоит ум, если отсутствуют тормоза.

— Да, — ответил безмятежный голос, каким могла бы разговаривать каменная глыба.

— Это я, — счастливым голоском пролепетала я. — Я в Париже.

— Ну и как? — спросил он, почему-то ничуть не удивившись.

— Что — как?

— Как твои поклонники?

— Какие поклонники?! Кругом одни генералы, — ответила я с несвойственной мне игривостью, граничащей с идиотизмом.

— Выйди на Пиккадилли, — посоветовал он.

«Пиккадилли... — призадумалась я. — Разве это в Париже?»

— Непременно, — пообещала я на всякий случай.

Только повесив трубку, мне удалось выскочить из Бермудского треугольника, парализующего мои временами вполне дееспособные мозги. В них наступила ясность. Я поняла, что он перепутал пляс Пигаль с Пиккадилли.

Продолжение следует.

[1] Крейзи — от «Крэйзи» (англ. Havoc) — американо-германская криминальная драма 2005 года, рассказывающая о случайном столкновении редко соприкасающихся частей американского общества. Тогда подростки из богатых семей в поисках развлечений отправлялись в бедные мексиканские кварталы Лос-Анджелеса.

РУБРИКА ИМЕНИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА[1]

Николай ТАРАСОВ

Николай Тарасов родился в Одессе в 1947 году в семье военнослужащего.

Детство проходило в Новосибирске, Новограде-Волынском, Хабаровске, Уссурийске. Юность — в Ташкенте. В 1970 году приехал на Сахалин, в город Горнозаводск. Заочно окончил филологический факультет Южно-Сахалинского пединститута. В 1979 году переехал в Южно-Сахалинск. С 1988 года по настоящее время избирается ответственным секретарем Сахалинской писательской организации (Сахалинского регионального отделения Союза писателей России). В 1974 году был участником Иркутского зонального семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, в 1975-м — VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве.

За книгу стихов «Обновление», вышедшую в издательстве «Современник» в 1980 году, ему присуждена премия Сахалинского комсомола. Публиковался в различных журналах, в коллективных сборниках «Сахалин», «Бухта Лазурная», «Каменный пояс», в альманахах «Поэзия» и других изданиях. Автор стихов к песням в нескольких художественных фильмах, снятых на киностудии имени М. Горького и «Мосфильме». Автор девяти поэтических книг и трех книг прозы. Был делегатом последнего съезда Союза писателей СССР, учредительного съезда Международного сообщества писательских союзов, шести съездов Союза писателей России. Член правления Союза писателей России. Руководитель областного литературного объединения «Лира». Лауреат премии Сахалинского фонда культуры, премии губернатора Сахалинской области. Член Союза писателей СССР (России) с 1981 года.

За вклад в культуру награжден медалью Пушкина.

---

[1] Анатолий Шамардин (1938–2014) — певец, композитор, солист оркестра Утесова, обладатель уникального бельканто. Его дар высоко ценила Людмила Зыкина. Долгие годы Анатолий Викторович сотрудничал с «Юностью».

Секретарь по оргвопросам

Мифолемма

— Подмени меня, пожалуйста, на спектакле в четверг, — попросил Артур. — Очень надо. Хочу в Оху слетать на пару дней, маму проведать. Должен успеть к середине первого акта, но мало ли что...

— А спектакль-то какой? — интересуюсь я для приличия, поскольку мысленно уже дал себе команду — «не соглашаться»...

— Да «Аида»! У меня же там, ты знаешь, партия Амонасро. Но тебе-то не всю партию, а только подстраховать, пока не выбегу на сцену...

— Как Амонасро? Ведь это баритоновые дела, а у меня тенор драматический. Если бы Радамес...

— Ну что делать-то, я ведь Амонасро там исполняю, а не Радамеса...

— Да к тому же я в Большом и не пел никогда...

Я зажмурился и представил огромный зал, залитый золотом и пурпурным бархатом, с персиподобной хрустальной люстрой. Но главное — софиты и юпитеры, невыносимо бьющие в глаза. Представил, ужаснулся и... согласился.

— Ладно, Артур. Но учти: только до середины первого акта. Дальше я просто не вытяну. Причем петь буду на итальянском, как на пластинках слышал...

До выхода на сцену дело не дошло — проснулся. «Надо же, опять...» — соображал я, приходя в себя.

Цветных снов было в жизни у меня не очень много, и некоторые из них запомнил еще с детства. Так, однажды я был пленен мышами, которые утащили меня, связанного, как Гулливера, под пол. Там они меня сфотографировали и, нацепив мои портреты на шесты — получилось что-то вроде хоругвей, — двинулись войной на крысиное войско. Крысы были гораздо крупнее, но мышей — намного больше, и победа досталась им.

В другом сне, уже отроческом, был я негритянкой, бегущей через болото по хлюпающим дощечкам, устилавшим тропу... От ветра и скорости, с которой бежал, белый чепчик и платье с рюшечками развевались на мне, как флаги.

Слышались лай собак и крики моих преследователей, но они поздно хватились и меня не догоняли, несмотря на то, что я был грузной негритянкой и каблуки моих туфель все время цеплялись за дощечки болотных мостков.

Совсем недалеко, на берегу залива Мэн, в укромном шпионском месте, ждали меня акваланг и гидрокостюм. Нужно было только на бегу сбросить с себя обличье негритянки, чтобы как можно быстрее в него влезть. Я успевал и прыгал, уже просыпаясь, в атлантическую волну...

Артур Дорошенко — певец и мой приятель. Мы часто включаем его в творческие группы для выступлений по линии Бюро пропаганды художественной литературы. У него от природы баритон красивейшего тембра, еще и школу он где-то зацепил итальянскую, обучаясь пению на одном курсе с Валентиной Толкуновой. Композитор Павел Аедоницкий даже песни написал в расчете на его исполнение.

На Сахалин он вернулся, чтобы быть поближе к маме, которая проживает на самом севере острова. Поработав в филармонии, ушел оттуда на вольные хлеба. Объяснил: «Надоели песни советских композиторов...»

С нами Артур выступает как автор-исполнитель песен на стихи сахалинских авторов. «Наш Баттистини» — иногда представляю его.

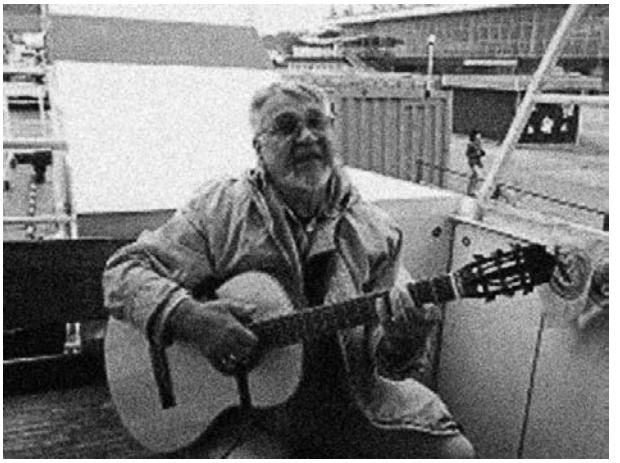
Родом он из северного сахалинского городка, о котором даже песню сочинил:

Говорят, когда-то охнули снега, охнули снега,
И на этом месте выросла Оха, и родился город наш Оха...

Так и видишь прорастающую сквозь снега гигантскую сосульку под названием «Оха».

Прадед Артура, Кирилл Васильевич Калевский, был женат на айнке, которую, по семейному преданию, выкрал с острова Хоккайдо. В их дом в селении Большое Такоэ заходил Чехов. В книге «Остров Сахалин» он писал: «...в Большом Такоэ крестьянин из ссыльных Калевский сожительствует с айнкой». Дед Артура по матери — японец...

— На кого, по-твоему, я похож? — спрашивает он иногда.



Артур Дорошенко напевает о Сахалине

— На индейца, Артур, — неизменно отвечаю я. — Вылитый индеец Луженая Глотка из книжек Фенимора Купера.

И это истинная правда. Ведь многие ученые так и считают: айны — какая-то ветвь индейцев, отплывших от американского континента в незапамятные времена. Или не приплывших к нему... Хотя про себя думаю, что иногда он бывает похож и на эфиопа Амонасро из «Аиды».

В наших компаниях Артур — козырный туз. И если мы засиживались на каком-то празднике, то вдруг, встрепенувшись, оглядывались: а где же Артур? Почему нет Артура? Звонили ему домой. И он, добрая душа, появлялся с гармонью под мышкой и гитарой за спиной.

Трудно представить себе баритон роскошнее и теплей по тембру, чем у него. Голос, не искаженный микрофоном, живой и мощный...

В девяностом году на Сахалин приехала группа писателей во главе с Вячеславом Шугаевым. В первый же вечер мы засиделись у него в полулюксе гостиницы «Лада». По кругу читали стихи, обсуждали литературные сплетни и новости...

— А теперь послушайте нашего замечательного певца, — в завершение вечера возвестил я.

Артур оторвался от ужина, взял гитару в руки и запел чуть приглушеннее, чем обычно: «Гори, гори, моя звезда...»

По окончании гости покивали, похлопали...

— Вот такой у нас на острове японо-айнский вокал с итальянским отливом, — состроумничал я.

— Ну-ка, Митя, спой и ты, — обратился Шугаев к скромно сидевшему в уголке своему товарищу, представленному накануне секретарем по оргвопросам Московской писательской организации.

Тот без всякой заминки поднялся и запел. Сначала это была украинская песня, потом неаполитанская, затем Каварадосси из третьего акта «Тоски», плач Федерико... Было похоже, что наш туз побит заезжим джокером. Удивителен был не столько репертуар, сколько то, что голос...

— Ну все, хватит, Митя, — остановил его Шугаев. — А то соседи небось у дверей подслушивают...

— Ну как, — это уже мне, — наш-то соловей позвончее вашего будет?

— Оперный голос высшей пробы, — подтвердил Артур.

— Но почему... — заикнулся я.

— Насчет «почему» давай завтра поговорим. Поздно уже, и мы все-таки с самолета... — подытожил Шугаев.

Только через день удалось подкатиться с вопросом к Шугаеву: почему ваш секретарь по оргвопросам — здесь, а не в Большом или не в Киевском, скажем, театре оперы и балета? И главное, как это может быть, что голос у вашего певца — один в один — всесоюзно известного Анатолия Соловьяненко. Как это может быть, что Дмитрий Павлович поет его голосом?

Лет десять назад попалась мне информация в «Труде» из разряда «их капиталистические нравы». В ней говорилось, что в Америке объявился престарелый человек, который вдруг запел на итальянском языке голосом граммофонного Карузо. Оказалось, что он всю жизнь слушал Карузо с пластинок, и у него развился небный свод — резонатор — главный певческий орган вокалиста.

В сочетании с абсолютным слухом и возник такой небывалый феномен. Ничего другого, кроме того, что слышал на пластинках, он петь не мог. Однако в той же заметке говорилось, что человек тот, фармацевт по образованию, несколько лет трудился на секретном военном предприятии, изучавшем возможности клонирования уникальных способностей людей...

И дальше намекалось, что клонирование в недалеком будущем сделает реальностью создание чего-нибудь вроде терракотовых армий.

Когда, уже находясь на пенсии, бывший фармацевт захотел официально выступать, ему везде отказали: кому нужен второй «граммофонный» Карузо, когда и первого на пластинках хватает? Разве что в цирке показывать свое искусство как замечательный фокус...

Не так давно, гастролируя по Дальнему Востоку, Соловьяненко заезжал на Сахалин. Я тогда достал пару билетов на концерт в Доме офицеров через знакомого в Совете ветеранов. Мы с сыном сидели на балконе. Артист пел в основном неаполитанские, а затем и несколько украинских песен.

Пел он замечательно, а в самом конце явил так называемое голосовое чудо: послал голос вдаль, под самый свод зала, туда, где сидели мы. Словно струна с невероятной силой завибрировала вокруг нас.

Притихшие после концерта, не замечая дождика, шли мы домой.

—Теперь-то я понял, — сказал мне сын, — что такое настоящее, великое пение...

— Хорошо, — продолжил Шугаев, когда мы с ним закончили подбивать на бумаге планы ближайших дней. — Давай не будем беспокоить нашего секретаря по оргвопросам, ведь не для того я просил его спеть, чтобы потом его же и пытали про его феномен. Природа одарила Дмитрия Павловича необыкновенным голосом, но точь-в-точь таким же, как голос Анатолия Соловьяненко. Сам он родом из украинского Вольногорска. От тамошних «секретов» или нет, но когда учился вокалу в институте имени Гнесиных, педагоги не знали, что с ним поделать. И внимание после выпуска обратили на него сразу же. В оперном театре, куда поступил на работу, почти сразу же поручили готовить партию Радамеса в «Аиде».

Но вскоре пригласили к себе для разговора компетентные органы.

— Есть мнение, что вам не стоит петь в опере, да и вообще желательно подумать о том, чтобы закончить вокальную карьеру. Посудите сами: зачем и кому нужен второй Соловьяненко? Государство большие деньги затратило на его обучение в Италии. Этой школе бельканто учат, между прочим, за валюту. А тут являетесь вы со своим уникальным даром, доставшимся вам даром, извините за рифму. Мы что, клонировать певцов научились, спросят нас? А может, еще и дальше пошли в производстве двойников? Словом, есть у нас в некоторых организациях зарезервированные ставки, и мы можем помочь вам устроиться...

Так что из Львовской оперы ему пришлось уйти. Потыкался в филармонии областные — нигде не берут. С таким-то голосом! А жить надо. Вот и позвонил он товарищам компетентным, сказал: «Согласен...»

Когда к нам в Московскую писательскую организацию назначили на вакантное место оргсекретаря — не генерала КГБ в отставке, как обычно, а человека с «высшим вокальным» образованием, не только я был удивлен. Пока не поведал он свою историю. Теперь только для друзей, неофициально «спивает» Дмитрий Палыч...

— Но нельзя же такой голос закапывать в землю.

— А кто говорит, что закапывать? Посмотри, какие перемены в стране. Берлинскую стену разрушили. Ходят слухи, что Горбачев вот-вот «железный занавес» откроет. Сейчас-то его не выпустят. Но если откроется граница — никто ему не указ. И тогда мир услышит нашего Митю. Пусть даже где-нибудь в Англии, Мексике или в Бразилии — главное, что услышит...

Вскоре писательская группа улетела. Больше таких теплых посиделок, как при первой встрече, у нас не случилось, и петь своего оргсекретаря Шугаев не просил.

Через несколько лет прочитал я в «Литгазете» некролог в связи с гибелью Дмитрия Павловича в автокатастрофе.

С тех пор снится мне этот странный сон, в котором я панически боюсь, что Артур не успеет к середине первого акта и мне придется петь в «Аиде». Драматическому тенору — баритоновую партию в Большом театре. Но он, слава богу, всегда успевает, и я просыпаюсь уже за кулисами, а не на сцене.

Лера ТИХОНОВА

Окончание. Начало в № 1–7 за 2014 г.

Хотел

Роман-пунктир

Рисунок Юлии Спасовской

«Критянин Эпименид утверждает, что все критяне лжецы, — бормотал Алекс, глядя в окно такси и судорожно сжимая ручку сумку. — То есть, если Эпименид прав, что все критяне лжецы, то он тоже лжец. Если же Эпименид лжет, что все критяне лжецы, тогда он прав... Что со мной происходит? Я схожу с ума. И логические задачи не помогают...»

Пограничник долго разглядывал изжеванный паспорт, глядя на Алекса подозрительными глазами, и даже вызвал старшего смены. Проведя двадцать мучительных минут, Алекс наконец пересек границу и выдохнул с облегчением. Ему хотелось как можно быстрее покинуть этот город.

«Те двое голландцев... Они говорили про погибшую горничную... Все сходится... Именно ее я и видел. — Дрожащей рукой Алекс достал из сумки бутылку воды и сделал глоток. — Только не паниковать. Все нормально».

Сидящая на соседнем кресле женщина покосилась на него с подозрением. Алекс повернулся к ней и заговорил взволнованно:

— Помните, у Сартра в его «Бытие и ничто» есть такой эпизод... Два приятеля договорились встретиться в кафе. Тот приятель, что опоздал, заглянул внутрь и увидел, что другого уже нет. Так вот Сартр утверждает, что человек способен видеть то, чего нет. Он способен видеть Ничто...

Женщина встала и пересела на другое кресло. Но Алекс этого даже не заметил. Он пробормотал себе под нос: «Горничная умерла, но я могу ее видеть. И это нормально. Я здоров. Я абсолютно здоров!»

Зазвонил телефон, и Алекс принялся шарить по всем карманам, держа в другой руке сумку, куртку и бутылку воды. В брюках телефона не было, он полез в куртку, уронив при этом бутылку воды, которая грохнулась на пол, как водородная бомба, и с шипением разлилась. Телефон по необъяснимой причине нашелся в сумке. Вытащив изо рта паспорт, Алекс приложил трубку к уху:

— Алло. — Подняв левой рукой сумку, он уронил куртку, и как назло та упала прямиком в лужу. — Черт!

— Алекс!

— Тася! — Он поднял и отряхнул куртку.

— Алекс, послушай...

— Тася, знаешь, я сегодня утром переместился из области физики в область метафизики.

— Что?!

— Выслушай меня. — Он встал и принялся ходить взад-вперед по залу ожидания. — Только не перебивай, пожалуйста. Я должен сейчас передвигаться от простого к сложному и делить все на части, анализируя каждую из них. Я видел призрака...

— Призрака?!

— Анализ частей — это дедуктивный метод Декарта. Его довольно сложно понять. Во-первых,

нельзя принимать за истинное то, что не является очевидным...

— Подожди! Где ты его видел?!

— В отеле. Коридор вытянулся до бесконечности, лифт исчез, и на всех дверях был один и тот же номер. И потом появился призрак с тележкой и ушел в стену... Но все, что я видел, необязательно истинно, во всем этом вполне можно усомниться. Во-вторых, по Декарту...

— Подожди, при чем тут Декарт?!

— Просто если мою задачу разделить на простейшие составляющие...

— Да постой! Как этот призрак выглядел? Это была женщина?!

— Да, горничная... Но я ничего не пил и никаких наркотиков, поверь мне... И я абсолютно здоров. Это как раз одно из моих исходных утверждений.

— Горничная?! — Голос Таси вдруг сел.

— А знаешь, я сейчас подумал... Истинно ли утверждение, что я здоров?

— Алекс, мы должны увидеться и поговорить!

— Но я уже в аэропорту!

— Сколько до вылета?

— Час с небольшим.

— Я успею!

— Тася, скажи, — усталым голосом спросил Алекс, — а матрешки подошли?

Она словно налетела на бетонное ограждение на полном ходу.

— Так это ты?!

Положив трубку, Алекс с грустью пробормотал: «А ведь действительно то, что я здоров, — это не обязательно истинное утверждение...» Потрогал лоб. Температура была нормальной. Посмотрел на табло, не объявили ли посадку. «Может, она не успеет?» — шмыгнула в голове трусливая мысль. Встреча с Тасей пугала его даже больше, чем с призраком.

Матрешки он купил вчера поздно вечером на Арбате. Пришлось потратить все накопленные на машину деньги, но бросить друга в беде он не мог. «Если Лиса Алиса меня любит, то примет и без машины, — думал он, снимая доллары с карты. — Да и к черту эту тачку, я все равно никогда не научусь водить».

Сто матрешек собирали со всех прилавков. А десять недостающих пришлось ждать еще час, пока подвезли. Тот самый швейцар с опасным взглядом помог дотащить коробки до номера и, стоя в дверях, так поглядел, что Алекс отдал ему последние оставшиеся от белого автомобиля пятьдесят долларов. Алекс долго ломал голову, как передать матрешки Тасе и не встретиться, а потом вспомнил, что она ходит только по пожарной лестнице. Коробки были тяжеленные! Чуть не умер к восьмому этажу! Вот где бы пригодился ежедневный бег в Вондел-парке...

Любезный женский голос объявил о посадке, и Алекс вскочил. «К лучшему! А то она приедет, сядет напротив, будет пристально смотреть, расспрашивать. Может, даже потрогает мне лоб, не температурю ли я... Смогу я сказать хоть слово? Взрослый человек, программист, это же позор... Десять лет мы дружим, переписываемся, говорим по телефону... Десять лет! А я так и не смог преодолеть свой страх. Как же сложно вытравить то, что давно сидит и проросло корнями... »

Поглядывая на часы, Алекс встал в очередь на посадку у выхода номер девять.

* * *

Отец внезапно вышел из своей трехнедельной комы, собрался и ушел. «Наверное, на работу вызвали, — решил Викентий. — Хотят через него повлиять на меня. Но что он может сделать? В конце концов, Деллайтис не имеет права вымогать деньги. Возьму и в суд на них подам...»

Викентий вышел в коридор проверить, закрыта ли дверь, подергал ручку, поглядел в глазок. Никого не было.

«Черт, покурить нечего! Осталось только немного грибов на дне банки».

Он пошел за ложкой на кухню, но, не дойдя полметра, застыл. Он вдруг увидел сквозь стеклянную дверь, что кухня заполнена тишиной, как табачным дымом. Плотная, сизая, она висела в воздухе клубами. «Если открыть дверь, — подумал в ужасе, — она тут же просочится в остальные комнаты».

Викентий попятился. Метнувшись в свою комнату, схватил пульт и увеличил звук телевизора до максимума. Крутанул колесико радио, чтобы то распевало во все горло, перекрикивая «ящик». Достав баночку, спрятанную в обувной коробке, он лихорадочно выскреб пальцем все грибы, что оставались. Перетертые с медом, они медленно таяли на языке. Откинулся на спинку дивана и с наслаждением погрузился в какофонию звуков.

Пора было признаться, хотя бы самому себе, что Гарик не просто друг. Он был воздухом, пищей, живой и мертвой водой — оживлял Викентия играючи, приходя, и умертвлял, исчезая. Непонятно, как он сумел так быстро вплестись в химический состав крови, внедриться в кишки, в мозжечок, пробуравить дырку в грудной клетке, откуда теперь отчаянно сквозило. О чем бы Викентий ни

думал, все так или иначе касалось Гарика. Удивительно, как прочно он поселился в голове, в мыслях. И теперь его не стало, и чем заполнить пустоту, непонятно...

Викентий с грустью поглядел на трубку и совсем не удивился легкому подрагиванию ее контура. «Как быстро сегодня подействовало...» Трубка, словно живая, пухла на глазах. Шевелилась и дрожала под его пальцами. Он с интересом наблюдал за метаморфозой. Вскоре она с трудом помещалась на диване. Дырочки динамика стали величиной с кулак. Викентий приблизил к ним лицо и крикнул вовнутрь: «Га-а-арик!» Голос потонул в черной бездне. «Га-а-арик!» Тишина.

Он вскочил. «И тут тишина! — пронеслось в голове. — Она выбралась из кухни!» Лихорадочно огляделся. Покосившийся телевизор молча глядел потухшим глазом. Радио едва хрипело надтреснутым голосом. Схватив пульт, Викентий принялся жать на все кнопки подряд. Но белая пластмасса только мялась под его руками, теряя форму. Отшвырнув бесполезный кусок пластилина в сторону, он бросился к музыкальному центру. Но едва до него дотронулся, как услышал звон, будто кто-то саданул железной палкой по стеклянной вазе. Трещины побежали по всему корпусу музыкального центра, и в следующую секунду его срединная часть бесшумно осыпалась прямо к ногам, выплеснув целый шквал тишины.

От неожиданности Викентий грохнулся на пол. Опираясь на руки и не отрывая взгляда от осколков, пополз к стене. Тишина, сворачиваясь змеиными кольцами и снова распрямляясь, двинулась к нему. Извивающееся тело скребло о палас. Викентий заорал и швырнул в нее стулом. Стул мягко ударился и беззвучно отскочил в сторону. Разъяренная тишина поднялась, разинула пасть и застыла на секунду перед молниеносным броском.

* * *

Сергеев вышел от генерального и заспешил по коридору. Но как бы он ни бежал, проскочить холл с лифтом было невозможно. Он старался не смотреть на стекляшки, но проклятое место притягивало взгляд. Честно говоря, плевать он хотел на то, что его отмажут, уголовное дело закроют, и даже на увольнение.

Генеральный сообщил ему об этом, брезгливо скривив рот: «Мы не допустить, чтобы страдать репутация отеля». Слово «репутация» получилось у него особенно высокомерно. «Вы должен благодарить господина Добрыйдень! Он решать проблему». Постучав ногтем по накрытому стеклом столу размером с аэродром, генеральный закончил чем-то вроде: «Мы просить вас покинуть наша команда... И ваш сын тоже...» Но Сергеев смотрел на него неосмысленно, будто наблюдал игру света и тени в дальнем углу парка, и продолжал молча сидеть, сжимая в руках куртку, пока Люсьен не пихнула его в спину.

Вздрогнув, он тут же поднялся. Забыв попрощаться, торопливо пошел к выходу, как человек, внезапно вспомнивший о срочном деле. Он уловил какой-то рокот на том краю аэродрома, но что его волновало сейчас — так это лифт, и он даже не обернулся.

Все время, пока Сергеев сидел в кабинете генерального, он чувствовал спиной диагональ, проходящую через стены, коридоры и холл по направлению к лифту. Так, наверное, золотоискатели чувствуют залежи, а саперы — мину. Лифт притягивал и отталкивал одновременно.

А насчет тюрьмы он и вовсе не думал — ни сегодня, ни вчера, ни в ту ночь... Попросту забыл, что под следствием. Последние дни Сергеев напряженно размышлял, что же Нина хочет ему сказать. Ведь и дня не проходило, чтобы он не видел ее тени и не слышал шагов. Она бы не стала зря его мучить, это не в ее характере, даже если она теперь призрак.

Ведь именно так и было двадцать четыре года назад, когда он уже принял решение с ней расстаться. Скрывался, не подходил к телефону, тихо стоял за дверью, пальцем закупоривая глазок, чтобы не было видно, что в доме кто-то есть. Нина приходила несколько раз — наверное, хотела сказать что-то важное. И этот последний год в отеле, когда он читал в ее глазах желание поговорить, но отгораживался пустыми словами, которые, словно заговоренные, сыпались из него, и она лишь принимала правила игры, бросая никчемные слова в ответ.

Сергеев остановился, повернулся лицом к лифту и пошел к нему, глядя исподлобья на стеклянный «тубус». Подойдя вплотную, тихо сказал: «Нина, давай поговорим!»

VI

Словно вырезанная из белой тонкой бумаги и обведенная серым контуром женщина в платье горничной сидела на подоконнике и рассеянно трогала вазочку с сухоцветом, таким же мертвым, как и она сама.

— Опыт пришел в мою жизнь в виде мужчины. Так часто бывает у женщин... Тяжелый опыт,

от которого я так и не оправилась. Даже сейчас больно вспоминать... Надо же, как строптива человеческая природа! Я страдала восемнадцать лет. И, лишившись тела, все еще продолжаю цепляться за свои горести. Неужели и там, куда я вскоре попаду, высвободившись из трещины между низом и верхом, я буду лишь бестелесным скопищем пережитых бед?

Тася сидела на соседнем подоконнике и слушала. Вот уже сутки, как к голосу Нины прибавилась ее бледная тень. Они синхронно перемещались по комнате, словно исполняя странный, растянутый во времени парный танец: Нина садилась на табуретку, а Тася — на диван, повернувшись лицом к стене; Нина перелетала на шкаф, а Тася усаживалась за письменный стол, и опять спиной. Она избегала глядеть на призрака. Горло перехватывало, а взгляд утягивало в воронку, белесую, как туман, бездонную, что и не выбраться. Початая бутылка вина всюду следовала за Тасей. Бокал, кажется, разбился еще вчера вечером, но другой так и не взяла... Забывшись беспокойным сном на несколько часов, она вдруг увидела Пуговичницу. Выпучив глаза, та все время повторяла: «Дар, дар, дар...» и тянула руки. И Тася жалела, что не отдала ей проклятый дар во сне.

— Звучит странно, — сказала Нина, — но лишь умерев, я многое поняла. Такая кристальная ясность в голове. Раньше страхи не давали мне мыслить. Теперь я вижу, что, когда осталась одна, беременная, без средств к существованию, у меня было столько же шансов выйти победителем, как у тех, чьи обстоятельства складываются благоприятно. И даже больше: ведь мир удивительно равновесный. Но я сама, по собственному желанию, выбрала проигрыш... Теперь я понимаю, что одни люди постоянно складывают в себя мусор и гниют заживо, другие его перерабатывают и становятся только сильнее...

Голос за спиной замолк. И Тася снова принялась мучительно думать, а ходила ли она к Носу в офис, чтобы воткнуть ему нож в живот? Или это ей тоже приснилось? В аэропорт к Алексу она ездила, это точно. Кажется, офис тоже был. По крайней мере, нож, которым она режет хлеб, валялся у двери. Она закрывала глаза и видела рукоятку, торчащую из живота Носа. Он испуганно держался за нее руками, но крови не было. И Тася с облегчением шептала: «Не ходила!» Но нож лежал у порога, завернутый в рваный пакет, и она боялась вытащить его и увидеть окровавленным.

— ...Я просто не справилась со страхами, — снова заговорила Нина. — Я отдала им зародыш своей победы на растерзание. И они его растерзали... Решив уйти из школы, я говорила всем, что делаю это ради сына, что его надо кормить, одевать. Принесла в жертву школу, которая меня по-настоящему радовала. Как часто мы прикрываемся детьми, а на самом деле просто боимся... Так пал мой последний бастион. После этого я уже ничего не решала, решали страхи. Они тащили меня изо всех сил и, наконец, привели к тому, что я умерла. Все страхи ведут к одному и тому же. Через болезни, несчастные случаи... Просто они маскируются по-разному...

На последнем слове Нина сделала легкое движение руками и переместилась на краешек стола. Тася сползла на пол и передвинулась к шкафу. Бутылка осталась на столе. Но алкоголь больше не действовал. Она пропиталась им насквозь, но разум с тягучим постоянством, с неутомимым упорством вертел мельницу мыслей и череду картинок.

Заморозка после увиденного во дворе Носа отошла только на обратном пути из аэропорта. Она ехала и плакала всю дорогу. Пришла домой и снова плакала. Целые сутки. Пока не кончились слезы и не наступило блаженное истощение. Глаза так устали, так иссушились, что, даже моргая, она чувствовала тяжесть век. Раз двадцать она хватала телефонную трубку, лихорадочно нажимала на кнопки, путаясь, задыхаясь, попадая не туда, чертыхаясь, и когда трубка наконец отвечала знакомым голосом, вдруг понимала, что не может выдавить из себя ни слова, ни звука. Она даже не могла открыть сведенный судорогой рот, и трубка медленно соскальзывала вниз из ватной руки... И последним усилием Тася нажимала онемевшим пальцем на сброс, опускалась на колени, медленно валилась на бок, прижималась пылающей щекой к холодному полу и сначала тихо, а потом громче и громче выла, как раненое животное...

— ...Нам всегда нужен другой человек, потому что в соединении с ним мы чувствуем бессмертие. Правда, это секунды, а потом страхи накидываются с новой силой... Но пока еще чувствуешь тепло и тяжесть мужского тела и не можешь разлепиться, надо впитывать, запоминать, пытаться сохранить это чувство бесстрашия... Тот, кто научился рождать его сам, наедине, никогда и ничего потом не боится... Как жаль, что я понимаю это только сейчас. Как жаль, что я не могу рассказать о многом сыну. Меня не пускают к нему...

— Подожди, Нина! Мне надо вспомнить! А вдруг я не осталась дома, а поехала к Носу в офис?! И никаких слез?! И никому не звонила?! Ведь какой смысл звонить мертвецам?!

Она закрыла глаза. Вот она берет нож из выдвижного ящика. Оборачивает пакетом и сует в сумку. Лифт слишком медленно опускается вниз. Спокойные руки, отсчитывающие таксисту четыреста рублей. После обеда Нос всегда наведывается в офис. И даже в день чемоданного переезда и начала новой жизни он туда придет... «Нет, в живот — решимости не хватит, — шепчет Тася, — в плечо, поглубже, побольнее, чтобы он еще долго не мог раскуривать сигары и подкладывать ладонь своей новой девице под зад». Нос встает ей навстречу. Она подходит и со всей силы ударяет ножом в живот.

Голос Нины снова раздался в тишине комнаты:

— ...Я могу приходить только к тем, кто причастен к моей смерти. Теперь я их опыт. Опыт, который сломает или сделает сильнее. Правда, есть такие, кто ничего не видит и ничего не извлекает. Прибираюсь в их жизнях, как горничная... Так странно, бросив тогда свое любимое дело из страха, я играю сейчас роль учителя... Предназначения, от которых мы оказываемся, живут дольше нас. Они не хотят уходить нереализованными...

— Но послушай, Нина, человек не может совсем избавиться от страхов. Это его суть. — Тася спрыгнула с подоконника и закружила по комнате, стараясь не задеть взглядом сверток у двери.

— Да. Но он может извлечь их на свет, понять и больше не давать им управлять своей жизнью. Когда будешь с мужчиной, попробуй поймать это чувство превосходства над страхами...

— Я больше не буду с ним, Нина. — Тася легла на диван лицом вниз. — Мне страшно... Мне кажется, я его убила. Я боюсь, я ужасно боюсь...

— Не позволяй страхам взять верх. Вспомни момент, когда ты чувствовала себя бессмертной...

Нос ударяет ее бедрами и рычит, вдавливаясь так, что ей больно. Боль перерастает в наслаждение. «Люблю, — шепчет Тася, выгибаясь ему навстречу, и закусывает тыльную сторону ладони, чтобы не повторять банальности, которые он не одобряет. Живот сводит судорогой. — Люблю, люблю». Но он все равно не слышит. Падает на нее и тяжело дышит. Она улыбается, пробуя на вкус соленое счастье, то ли свое, то ли его, и вытирает ему и себе щеки. Она чувствует, что они не умрут, не умрут... А если умрут, то это совсем нестрашно...

Голос Нины становится тише, истончаясь до прозрачности:

— Расскажи Сергееву, что у него есть сын. Пожалуйста. Ты одна меня можешь слышать. И не беги от своего предназначения. У тебя ведь редкий дар...

— Обещаю тебе, — сказала Тася, спокойно глядя на тающий Нинин образ.

Когда последняя черточка рассеялась в воздухе, Тася встала и, подойдя к двери, взяла сверток в руки. Развернула его с колотящимся сердцем... Нож был девственно чист.

* * *

Вольф грустил. Жалкий, обездвиженный, наряженный вместо щегольской поварской куртки в уродливую робу, он превратился в одного из сотни больничных страдальцев. Нога, схваченная железными скобками, запеленутая в саван от бедра до пятки, не давала ему подняться на подушках повыше. И он лежал, униженный горизонтальной беспомощной позой, к которой столь часто примеривался в последнее время, и вот теперь она его окончательно настигла.

Предстояла еще одна операция. Врачи удивлялись, как можно так поломаться, всего лишь поскользнувшись. И он не стал их удивлять еще больше, рассказывая про странную падучую болезнь, приключившуюся с ним в последнее время. Закормят таблетками, вообще живым не уйдешь.

Было обидно, что навестить его никто не пришел. Лишь домработница принесла вещи. Да из отдела кадров прислали открытку с фабричным текстом, желающим скорейшего выздоровления, с именем, вписанным холодной, корпоративной, нисколько не тронутой его несчастьем рукой. «Суки. Надо валить в Берлин. — Он с тоской глядел в заснеженное окно. — Открою там маленький ресторанчик. Денег заработаю». Мысль о том, что за время, которое ему предстоит провести в этом хоть и дорогом, но унылом заведении, ему заплатят лишь треть оклада, тревожила его больше, чем ноющая нога.

«Дебильные законы. Уродская страна», — ворчал он, с неприязнью глядя на тощую медсестру, обладающую при этом недюжинной силой и ворочавшей его, как мешок с картошкой. Последние несколько дней она была единственной его компанией, не считая вечно спешащего лечащего врача. Медсестра улыбалась, как было предписано в своде правил для сотрудников Немецкого медицинского центра, но Вольф видел, что ей глубоко наплевать. Повернувшись костистым задом, она возилась с ампулами. Кого-то она ему напоминала... Растянув губы в ободряющей гримаске, медсестра шлепнула его по протертому спиртом месту и всадила шприц с отрешенным видом. Вольф поморщился и вдруг понял, что это вежливое равнодушие, одетое в худое тело, по-

ходит на Тасю, на Иветту, на всех тех тощих девиц, которых он упрямо тащил в свою постель, а они поливали его холодным душем нелюбви. Как мало это напоминало широкое и теплое, что обнимало его маминими руками в детстве. Он почувствовал вдруг, как соскучился по женской душевной щедрости, как сам подсох, заострился, ожесточился в постоянном преследовании пустоты.

В ту же ночь ему приснилась Гретхен, и он долго плакал, прижимаясь к ее большой груди, и не хотел просыпаться.

Самым унизительным было писать в судно. Неловко скорчившись, Вольф опускал туда член, такой же подавленный и печальный, как он сам, а медсестра могла запросто войти в это время и, делая вид, что не глядит, молча ждать, чтобы вылить потом мочу. И от этого ледяного присутствия член съеживался еще сильнее, и вместе с хозяином они ощущали себя маленькими и ничтожными. В эти минуты он особенно остро ненавидел Тасю и всю ее безжалостную женскую братию.

Однажды за дверью палаты послышались голоса, и в низком рокочущем ему послышались интонации Гретхен. Он поднял голову в счастливом нетерпении: «Неужели она вспомнила о нем?! Прилетела?! Нашла?!»

Дверь распахнулась. На пороге стояла Гренадерша.

— Добрый день, Вольфганг. Как вы себя чувствуете? — Гренадерша подошла и села рядом на стул. Сочувственно коснувшись его руки, помолчала несколько секунд и принялась выкладывать из обширной сумки пластиковые коробочки разного размера, глядя на него и ласково улыбаясь.

«Очень интересная женщина. Как долго я ее не замечал... Надо бы спросить, — взволнованно подумал Вольф, — не живет ли у нее дома кошка».

Впервые за последние несколько дней «градус Фаренгейта» уверенно пополз вверх. Вольф привстал на локте, с аппетитом рассматривая ее декольте. Поймав его взгляд, Гренадерша отставила сумку в сторону, оглянулась на дверь, решительно встала и, подойдя к двери, закрыла ее изнутри на ключ.

* * *

Алекс шел по улице. В воздухе пахло весной. Насвистывая любимую Touch Too Much[1], он улыбался. «Самый чудесный призрак на свете! — думал он. Его переполняла благодарность к Нине. Теперь он знал, как ее зовут. Тася ему рассказала. — Если бы она не выбила меня из обыденности, я бы никогда не справился со своими страхами!»

Они сидели с Тасей в кафе в гудящем аэропорту. Ровно десять минут. Десять минут победы над собой. Но он успел ухватить и запомнить это чувство.

Впереди показались железные ворота Вондел-парка. Взглянув на светофор, Алекс перешел улицу. «В рассеянности теперь нет никакого смысла. Нет ничего, что я хотел бы забыть... Когда в душе гармония, память не стирает каждодневную жизнь».

— Алекс, — вдруг окликнул его голос, и он обернулся. К нему спешил Клаус.

— Привет, — смущенно произнес Алекс. Он не стал вчера сообщать Хуберту, что прилетел раньше времени из Москвы, и с утра не пошел в офис. Всего один день для Лисы Алисы... Надо же было столкнуться с Клаусом!

— Ты уже прилетел?!

— Э-э-э, да... Немного раньше... Так получилось...

— Вчера приехал? А почему в офис не пошел?

— Понимаешь, я немного болен...

— Болен? А что ж ты разгуливаешь, раз болен?

— А вообще-то, Клаус, знаешь, я сказал неправду. Я совершенно здоров. Просто у меня сегодня особый день. Очень счастливый. Я тебе потом расскажу, и ты все поймешь.

— Понятно.

— Послушай, я могу тебя попросить об одолжении?

— Что за одолжение?

— Пожалуйста, не говори ничего Хуберту.

Клаус молча на него посмотрел.

«Ладно, — мысленно отмахнулся Алекс от неприятной встречи и влетел в парк. — Главное, чтобы она была здесь!»

Он почти бегом рванул к центральной аллее, уже отсюда высматривая рыжие космы. Наконец вдали показалась знакомая скамеечка. Лиса Алиса сидела на привычном месте. «Ждет! — запело в душе у Алекса. — Она ждет меня! Я нужен ей!» На легких пружинистых ногах подбежал к скамейке и остановился прямо перед ней.

— Ах! — сказала Лиса Алиса, удивленно подняв глаза. — Вас так давно не было видно! Я уж и не надеялась... — Кончик ее носа слегка дрогнул.

— Я не мог. Но я все время думал о вас. — Алекс протянул ей руку.

— Постойте. Сначала прочитайте. Я тут вам написала. Вот... — Она торопливо сунула ему сложенный вдвое тетрадный листок. — Если вы со-

[1] Одна из песен AC/DC.

гласны, то идете к выходу из парка. Я буду вас там ждать.

Пока Алекс разворачивал листок, поглядывая на удаляющуюся фигуру, сердце переместилось в горло и бесновалось в тесном для него закутке. Буквы, такие же непричесанные, торчащие во все стороны, как и рыжие волосы Лисы Алисы, скакали одна за другой, торопясь рассказать сокровенное.

«Вы очень милый, и я хочу с вами дружить. Хотите, я вам загипсую левую ногу до колена, и мы сделаем ряд фотографий в гипсе и в начищенном модном ботинке на другой ноге? Игровой гипс накладывается на здоровую ногу, и сам процесс снятия и наложения безболезненный и даже очень приятный. Без всякого интима. Меня интересуют только ваши фотографии с гипсом и в красивой одежде и обуви. Надеюсь, вас моя пикантная тема заинтересовала, и вы непременно согласитесь на предложение».

Записка выпала из рук Алекса. Несколько секунд он молчал, а потом громко расхохотался.

* * *

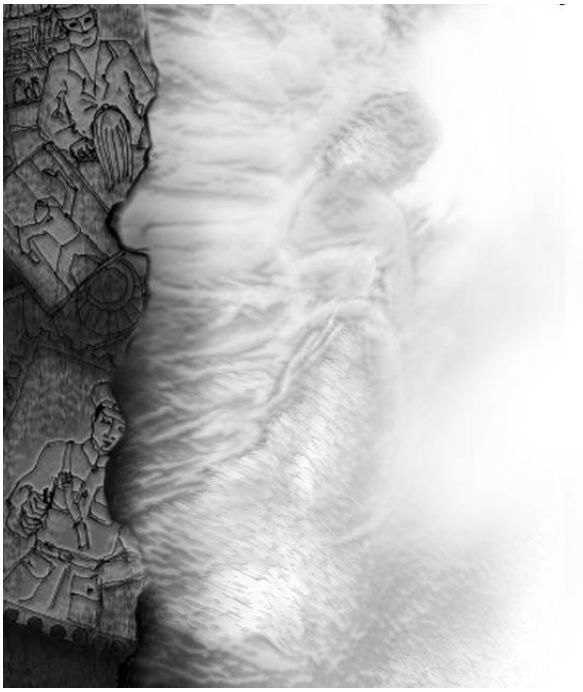
— Я сегодня приведу твоего брата, — буркнул отец. — Думаю, будет правильно уступить ему свою комнату. На первое время хотя бы. — Не глядя на Кешу, он застегнул куртку, хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой и вышел. Дверь захлопнулась, разом обрубив возражения.

Но Кеша и не возражал. Он и не понял, про какого брата идет речь. Привалился спиной к стене и стоял, не шевелясь и неосмысленно глядя в пространство. Коридор тут же принялся выделывать фокусы — вытянулся в кишку, а потом раздулся дирижаблем. Висячая лампа на потолке, подыгрывая коридору, завернулась в узел и показала кукиш.

— Кукиш, — согласился Кеша. — Денег нет. И взять негде.

Вчера вечером он уговорил Севу принести ему домой хоть что-нибудь. Выходить на улицу он по-прежнему опасался. Сева принес, но с условием, что в субботу придет за всей суммой, и больше никаких отсрочек выплаты долга. Кеша согласился, не думая о субботе. Денег у него было рублей пятьсот, не больше.

Ночью он почти не спал, положив с собой трубку и гипнотизируя ее взглядом. А утром разобрал телефон до последней косточки и разбил каждую молотком в труху. И мобильный заодно. Он не мог им простить молчание Гарика.



Отец заглянул к нему, недоумевая, что за шум. Но тут же забыл, зачем пришел. Неуверенно сказал:

— Я тут с Тасей разговаривал. Она спрашивает, как у тебя дела... Говорит, что телефон выключен. Может, ты ей позвонишь?

— Нет, — коротко ответил Кеша.

— Ей что-то срочно надо тебе рассказать.

— Нет.

Отец молча хлопнул дверью.

Викентий закрыл глаза, чтобы не видеть вихляния и выдрючивания окружающих предметов, и постарался вспомнить, у кого можно взять в долг. Перебирая клубных приятелей, не сумел даже мысленно на ком-то остановиться. Все они слабо улыбались, отрицательно качали головами и пятились задом в темноту. Устав от бесполезного перебора, сполз на пол. Ставший вдруг фиолетовым пол стремительно понесся вверх, будто Викентий уселся в тележку аттракциона. Сделав пару виражей, резко затормозил перед коридорным шкафом. Тот поклонился и услужливо распахнул дверцы, предлагая войти.

В шкафу было тихо. Вжавшись между куртками, Викентий подобрал колени и уткнулся в них подбородком. Тишина больше не подбиралась к нему. Она его уже поглотила. Он оказался внутри, как кролик в удаве, и его медленно переваривали. Тело ломило, слезились глаза, тошнило.

Непонятно, сколько прошло времени. Похоже, он спал. Когда в дверь позвонили, а потом, не дождавшись, открыли ключом, он собрался с си-

лами и выполз из шкафа наружу. Отец стоял с чемоданом в руках, он испуганно отшатнулся: «Господи, что ты делаешь в шкафу?» Но, как обычно, мгновенно забыл о своем удивлении и вопросе, неловко дернулся и повел плечом, словно выталкивая кого-то на передний план.

— Кеша, познакомься. Это твой брат. Игорь.

И в следующую секунду ему показалось, что фокусы зрения продолжаются. Перед ним стоял Гарик.

* * *

Алекс молча глядел на Хуберта. Сегодня босс кричал вслед уходящему поезду особенно яростно, будто тот и правда был последним.

— Простите, Хуберт, так сложились обстоятельства, — перебил поток негодований Алекс. — Обещаю, завтра же вылечу обратно и доделаю работу за один день.

Хуберт насупленно кивнул и сказал неожиданно спокойно:

— Чтобы в первый и последний...

— Это больше не повторится, — подытожил разговор Алекс и вышел.

Он шел по коридору. Странное дело, несмотря на неприятный осадок от того, что Клаус все-таки на него настучал начальству, он чувствовал необычайный подъем. Подхваченная волна бесстрашия по-прежнему несла его вперед. Он расправил плечи и подмигнул идущей навстречу той самой коллеге, которая носила исключительно мини. Удивленно таращась, та даже обернулась ему вслед.

Толкнув дверь, Алекс вошел в комнату.

— Привет. — Улыбающийся Клаус протянул ему стаканчик с кофе. — Это от меня. Сегодня я угощаю.

— Спасибо. — Алекс взял стаканчик левой рукой. — А это от меня. — И со всего размаху кулак правой вошел Клаусу между глаз.

Стаканчик с кофе расплескался. Алекс вытер руку и сделал глоток.

* * *

Викентий шел. Ноги знали, что делали. Упорядоченно сгибались в коленях, ступали полными стопами на землю, шагая поочередно и равномерно. Механизм расстроился где-то выше. Покореженный, он крутился вхолостую, больно ударяя в виски, затылок, лоб. Может, стало бы легче, если бы Викентий упал прямо здесь, у ограды, забился в щель между асфальтом и железной перекладиной и лежал недвижимо, уткнувшись лицом в накатанный снег. И тусклое время и могильная тишина бежали бы поверх его головы. Но ноги шли и шли, не останавливаясь.

Перед глазами стояло потрясенное лицо Гарика, словно тот тоже не ожидал его увидеть. Отец, необыкновенно оживленный, суетился между ними, неловко помогал Гарику снять куртку, потом тащил чемодан в Кешину комнату, гремел чайником на кухне, крича оттуда что-то веселое. Они же, стоя в коридоре, молча смотрели друг на друга.

— Я очень долго тебя ждал, Гарик. Теперь все зашло слишком далеко. И не выбраться.

— Я не хотел ни с кем говорить... У меня случилось... В общем, я не мог...

— А что за ерунду он нес про брата? — Викентий кивнул в сторону кухни. — И где он тебя нашел? Откуда вообще мой отец знает про тебя?

— Он и мой отец тоже. Как выяснилось... А мама... Она работала там у вас... Теперь уже не надо ее встречать у отеля...

— Игорь, сынок! — выглянул из кухни Сергеев. — Почему вы не идете? Я зову, зову! Чай стынет!

«Брат?! Сынок?!» — пораженный Викентий отступил. Ни слова не говоря, он схватил куртку и, как был в домашних тапочках, выскочил из квартиры.

Он бежал по заснеженной улице. Падал, поднимался, снова падал. Потерял тапочку и долго искал ее в сугробах. Наткнувшись на забор, перелез через него. Зацепился курткой, упал на колени, с треском вырвав кусок материи на плече. Опять потерял тапочку и долго искал ее в снегу. Стемнело, фонарь неподалеку едва светил. Нашел и двинулся дальше.

Он устал. Так сильно устал, что больше уже не мог думать о Гарике, оказавшемся его братом, об отце, долгах... Равнодушие притупило мысли. Механизм крутился все медленнее, ударяя его чем-то острым изнутри головы все реже. Сердце билось тише. Наверное, его тоже зацепило, и оно сломалось. Остановись он, и сердце бы наконец остановилось. Но ноги упрямо разгоняли кровь.

«Я знаю, в чем дело. Это не я, а они, которые живут во мне. Не я, а Кеша боится тишины. Не я, а Вики тянет к Гарику. Мне надо избавиться от них. И останусь только я. Тот, кем будет гордиться отец. Тот, кто будет хорошим братом... Вернусь на работу, отдам деньги... Все наладится...»

Впереди показались мост и черная река под ним. В голову вдруг ворвалась спасительная мысль. Он ускорил шаг. Спускаясь по отвесному

склону, поскальзываясь и снова поднимаясь, он шел туда, где вода не замерзла. Скользкая земля, перемешанная со снегом и грязью, осыпалась под ногами. В разодранный рукав отчаянно сквозило.

Не останавливаясь, он с разбегу вошел в реку. Вода оказалась по колено. Мокрые джинсы стянуло ледяным бинтом.

Перед глазами вдруг возникло лицо тети — она улыбалась и что-то беззвучно говорила. «Она пришла помочь! Подсказать!» Викентий замер, всматриваясь. «По-лень-ка», — прочитал по ее губам. Ну конечно, так и есть. Она говорит не ему, а дочке — вон она, там, на берегу. Викентий двинулся дальше, вытянув вперед руки, и они прошли сквозь лицо тети Клары, растаявшее в секунду, как дым.

Вода уже была по пояс. Ноги продвигались вперед с неимоверным усилием. Но он радовался, что нашел такой простой выход. Ничего, еще пару метров — и они остановятся. Как раз столько ему и надо, чтобы утопить ненавистных Кешу и Вики.

Вода уже доставала до груди, когда он понял, что сердце больше не бьется, а воздух не входит в ноздри, а просто стоит вокруг лица мутным облачком. Горло сковало холодом, волосы покрыл иней. Те, двое, уже непременно замерзли. Их нет в живых. Викентий поднял глаза наверх. Его тело, скованное холодом, не могло больше двигаться, и луна тоже остановилась, словно вмерзла в небо.

— Послушай, мальчик!

Он обернулся, услышав женский голос. Нина стояла на берегу и протягивала к нему руки:

— Иди сюда. Не убивай их. Это же все ты. Быть верным себе — значит принять себя таким, какой ты есть. Страхи надо принять, понимаешь? И тогда ты свободен. Отец и Гарик любят тебя. Вернись, пожалуйста, обратно.

Он больше не мог думать. Силы ушли. Ему вдруг захотелось просто посидеть с Гариком и отцом на кухне. Развернувшись, Викентий медленно пошел к берегу. Одеревеневшие босые ноги скользили по ледяной насыпи. С джинсов капало. Цепляясь руками, поднялся по склону. Вдалеке уютно сиял окнами дом.

«Я буду пить с ними чай, — думал он. — Горячий чай...»

Надо только перейти дорогу, и он дома. Остановился, пережидая, когда проедут машины. И вдруг увидел, что на той стороне стоят отец и Гарик, кричат и машут ему руками. Живые, самые настоящие...

Викентий рванул к ним.

Грузовик возник как из-под земли. Он надрывно гудел. Железный остов машины скрежетал. Она упиралась всеми четырьмя колесами, пытаясь затормозить. Удар прозвучал глухо, словно кто-то негромко хлопнул в ладоши.

Но Викентий ничего этого не слышал. Последнее, что мелькнуло перед глазами, была лунная дорожка, разлившаяся серебристой тишиной.

Ему больше не было страшно.

* * *

— Послушай, Инна, Добрыйдень думает, что директор отдела продаж — это обворожительная улыбка, правописание и качественный минет. Он не понимает, что это тяжкий труд и что нужны мозги и опыт. Как скатятся на последнее место, так сразу про тебя вспомнят. Сирота все порушит в два счета.

Они гуляли по дорожкам парка недалеко от дома Инны. Тася никак не могла привыкнуть к ней такой умиротворенной, в спортивной куртке, а не в строгом костюме, разговаривающей «лицом», а не «спиной».

— Меня больше «Апельсин» не интересует. Я его вычеркнула из своей жизни.

— Ну и правильно. Стоит тебе только махнуть рукой, отели налетят, как коршуны. И может, я потом к тебе перейду. Не с Сиротой же мне работать...

— Отдохну пару месяцев, потом посмотрим... Знаешь, я даже рада, что так произошло. Ведь я света белого не видела. Как устроилась в «Апельсин» пажом после института, так и пахала пятнадцать лет. На собственную свадьбу опоздала — встречала в отеле важного гостя. В роддом смоталась между совещаниями... И что? Выкинули, как ненужную вещь...

— Я не знала, что у тебя есть семья! — Тася остановилась. — Мы все думали, ты одна живешь!

Инна засмеялась:

— Конечно, есть. Просто я всегда предпочитала поговорить о загрузке, а не о детских болезнях. Мой муж сейчас на седьмом небе. Он ненавидел «Апельсин».

— Будто твоего любовника...

— Да нет. Скорее, «Апельсин» был мужем, а сам муж — любовником. Но больше я такой ошибки не допущу. Понимаешь, у работы должно быть свое место в жизни. А не наоборот, как у меня, все пятнадцать лет жизнь ютилась на задворках работы.

— У меня тоже в последнее время так много всего произошло. Пока не понимаю, как дальше... Но почему-то такое чувство, что меня ждут перемены. — Тася замолчала, задумавшись, что кар-

тонная реальность отеля вдруг стала ей совершенно неинтересна. Когда-то она жила в ней и телом, и мыслями. Но теперь были два среза — липовый, суетной, которому она отдавала лишь видимость существования, и новый, параллельный, еще не до конца сформированный, куда она все время мысленно улетала. Миры раздвоились, и скоро ей придется выбрать один из них.

— Если хочешь перемен, то они будут.

— Инна, ты еще придешь в офис?

— Неохота, конечно. Но надо. Я же отказалась писать в тот день заявление об увольнении. Целый час ревела. А потом взяла себя в руки. Короче, выдвинула им требования: две недели оплачиваемого отпуска и три месяца компенсации. Добрый-день как услышал, так взвился. Но куда ему деваться? Я пригрозила судом. Он не ожидал бунта. Привык, что я как покорная овца... Так что, Тася, пока я еще директор отдела продаж в законном отпуске.

— Да ты что?! Инна, это же отлично! — Тася с трудом удержалась, чтобы не броситься ей на шею. — Выручи меня, пожалуйста! Подпиши мой отпуск! Сирота меня точно не отпустит, ей сейчас одной, без опытного человека, не справиться... А мне нужна неделя. Личные дела. Понимаешь, это очень важно.

— Без проблем. — Инна улыбнулась. — С удовольствием тебя отпускаю. У тебя есть ручка? А то я теперь их не ношу. — И она со смехом похлопала руками по карманам куртки.

В расстегнутой дубленке, без шапки, Тася бежала к метро. Брошенный в центре фордик смирно ждал свою хозяйку. От принятого решения и так удачно складывающихся обстоятельств Тасе было жарко и радостно.

«Сто лет не ездила на метро. — Она завернула за угол дома и спустилась по лестнице в гулкий переход. — Что я ему скажу? Как он будет себя вести? Что вообще из этого выйдет? Ах, ладно, теперь я совсем не боюсь! Просто чувствую, что все будет хорошо...»

Билетерша смотрела раздраженно:

— Девушка, вы меня слышите?! Сколько поездок?

— Простите! Одна! Всего одна поездка!

Та кинула ей билетик. Эти несчастные женщины, сидящие в подземелье круглые сутки, ненавидят всех, кто спускается сверху, с белого света.

Она вышла на «Пушкинской». Тут, в переходе, есть хорошая, недорогая авиакасса. И билетерши намного приятнее. Все же лучше отправлять людей в небо, чем загонять под землю.

Склонившись к окошечку, Тася выдохнула:

— Один билет до Амстердама!

* * *

Нина поднималась вверх вместе с прохладным, мерцающим потоком. Ее неудержимо тянуло к ослепительному свету. Восемнадцать мучительных лет, год за годом, отшелушивались, как старая ненужная кожа. Сделав усилие, Нина выскользнула из остатков и совсем легкая полетела еще быстрее.

Стало тепло. Она окинула себя взглядом. Тела почти не осталось. Виднелись только кончики пальцев на правой руке и белый лоскут на бедре. Что-то еще держит. Какая-то заноза сидит, не давая полностью раствориться.

«Я сделала все... Раве что-то осталось? — задумалась она. — Помогла тому, кому могла помочь... Сын больше не один... И, самое главное, я простила Сергеева. Совершенно простила. Что же еще? — Свет померк, словно солнце заслонила туча. — Ах да! — догадалась вдруг Нина. — Надо простить и себя тоже...» Она засмеялась и в ту же секунду, вспыхнув снопом искр, растаяла в воздухе.

Тонкий солнечный луч протянулся сверху, на мгновение позолотив башенку отеля.

Наталья НАУМОВА

Наталья Наумова родилась в 1955 году в Баку. Окончила Ялтинское педагогическое училище. Работала продавцом, администратором, страховым агентом, воспитателем детского сада.

Член Национального союза писателей Украины. Автор сборников стихов «Явление» (2003), «Голос ветра» (2005), «Когда прошли пиры» (2007), «Время Лилит» (2011).

Бахчисарайская осень

Сладость мятного шербета
с горечью,
Расфасованное лето
продано,
Дни курортного балета
кончились,
Время Осени на откуп
отдано.

Вот идет она, хмельная,
яркая,
В пестром шелке,
с золотою гривою,
Засыпает городок
подарками,
Необузданная
и красивая.

В танце огненном звенит
монистами,
Бьет чечетку каблучком
подкованным,
Смотрит синими глазами
чистыми,
Словно ветром
не она целована.

А когда наступит время
холода,
И туман застелет
очи ясные,
Будет плакать на плече
у города,
В одиночестве своем —
прекрасная.

Новолетье

Всю ночь трудился
милосердный дождь,
Смывая пыль
со щек сентябрьских яблок.
Рассвет дробился
на любовь и ложь...
В сапожках
алых красовался зяблик.
Сияло утро
свежестью дерев,
Паук хвалился
филигранной сетью,
Календари
казенные презрев,
В свои права
вступало Новолетье.
И прорезалась
юная трава,
Как зубки
у здорового младенца,
И вновь ткалась
канва под Покрова,
Чтоб омофор
холщовым полотенцем
Пал на святые руки
наших мам...

Ноябрь

У ноября
глаза больной собаки —
смятенье,
пониманье и печаль,
пустых лесов
угрюмые бараки и крики сов,
и сумрачная даль
разорвана сухим вороньим граем;
а там, за краем,
мрак и холода...
Лишь только
одинокая звезда
сморгнет слезу,
бедняге сострадая.

п-в Крым

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Продолжение. Начало в № 7 за 2014 г.

«Я ПРОХОЖУ ЗНАКОМЫЕ МЕСТА...»

Письмо Казакову Юрию Павловичу, писателю, на тот свет

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Пишу тебе из Переделкина, из писательского дома творчества. Сегодня — твой день. Не потому, что ты нынче родился или еще что... Сегодня — весна, и вчера была весна, уже много дней — весна, а ты ее так любил... Все было подтаяло, захлюпало, растеклось вширь, опять стянулось стеклярусинами льда, снова поползло квасным тестом из-под крышки; солнце выело и выпило весь переделкинский снег, я вышла в старых сапогах-вездеходах грязь месить, а грязи-то и нет, можно было пофорсить на каблучках.

Переделкино не слишком изменилось с тех пор, как мы с тобой гуляли тут в последний раз. Да и вообще за минувшие тридцать лет.

Напряги память: от электрички, минуя служебный домик и конечную остановку единственного автобуса (в наши студенческие годы его не было), надо идти вперед, по движению московского поезда. Потом — по гребню тропинки вдоль путей до первого поворота. Слева, в глубине, речушка, или, скорее, заводь. И зимой и летом на карманном зеркальце воды крутится парочка: селезень в театральном доспехе и серая утя... Дальше — знаменитое переделкинское кладбище... Наши студенты-гуляки, жившие тут в общежитии, возвращаясь по ночам, видели, как в темноте оно фосфоресцирует, слышали стоны и скрипы.

— Птицы? — предполагал здравый ум.

— Какие еще птицы! Ночью? Среди покойников?..

Осенило меня вдруг: в «Кабиасах» ты страхи наших ребят описал. Не только их, конечно. Сам ты указываешь другой источник. Дело происходило на родине твоей матери, в окрестностях Сычевки, в 1954 году. «Однажды, — вспоминал ты, — я возвращался очень поздно по едва белеющей тропе, и меня вдруг охватил неизъяснимый страх. Да еще вдруг по распаханному полю мне наперерез в звездном свете стало двигаться темное пятно — не то человек, не то животное. Это ощущение запомнилось».

Но и росскази однокурсников должны были запомниться тебе. О, у тебя была потрясающая память... Как бы там ни было, появился рассказ о самоуверенном юнце. Кто много на себя берет, в ограниченности своей предполагая, что «атеистической пропагандой» можно справиться с грозно непознаваемым в безмерном мире. Кто, хочешь

не хочешь, но однажды «услышал жизнь, наполнявшую эти огромные пространства в глухой ночной час».

«"Ну, — подумал он, — пропал!" — и ударился по дороге. Воздух загудел у него в ушах, а в кустах по сторонам что-то ломилось, сопело, дышало ему в спину холодом. "Перекреститься надо! — думал Жуков, чувствуя, как пытаются схватить его сзади холодными пальцами. — Господи, в руки твои..."»

Рассказ написан не без иронии, благодаря чему и проскочил в печать. Но вот я перечитала его в Переделкине и увидела второй, третий план, скрытые от меня при первом чтении.

Пойдем дальше... Только миновали кладбище — мост. Через ту самую утиную заводь. Тут вздохнуть бы полной грудью: весна! Но, заглушая робкое благоухание бензинной вонью (чем бензин дороже, тем зловонней), усиливая кладбищенский настрой по поводу бренности всего земного, несутся по шоссе писательские (редко) и не писательские машины. Ты меня, возможно, не поймешь, ты сам — автомобилист, за рулем сидел как впаянный, и, нелюбительница автомотоспорта, порядочная трусиха, с тобой я ездить не боялась.

Но бог с ними, с машинами! Скорей, скорей — левым глазом кося на безобразные разномастные бараки (были они и при тебе), правым — удивляясь все еще привольному пространству так называемой Неясной Поляны, — в убежище, в резервацию литфондовского дома творчества.

Ты не забыл: двухэтажный барский особняк с колоннами, надворные постройки, аллеи и беседки. Мне всегда чудилось: хозяин-помещик куда-то уехал, а мы, дожидаючись его, работаем во всяких гостевых, угловых и прочих известных по классической литературе комнатах... Представь: в дополнение к известным тебе деревянным коттеджам построили (успели построить!) кирпичный корпус с удобствами на европейский манер. Раньше-то все было простенько, по-коммунальному, не жаловались — понимали: не богат наш помещик, зато гостеприимен. И вот, Юра, все эти ячейки, кельи, называй как хочешь, забиты нашими собратьями. Спасаются от нагрянувших перемен. Как княжна Тараканова на картине Флавицкого (ах, наши лекции по истории живописи в залах Третьяковки!) от наводнения. Но подступает к ногам стихия, кишащая серостью...

Забежал тут ко мне Коля Тряпкин. Ты с ним знаком: поэт божьей милостью. Когда мы на студенческой скамье сидели, он на ВЛК учился (Высших литературных курсах). И был звон от него, как от хрустального графина.

Жить ему негде. Дома что-то не так, а квартиры писателям теперь не дают. Книги не выходят. Пенсия — пшик. Бормотал с убитым видом:

— Пора мне убираться! Я все видел. Мне — неинтересно.

Говорил еще, что ждет народной катастрофы, что она уже началась.

Помнишь Марка Лисянского? Душа-человек. Автор бессмертной песни «Дорогая моя столица, золотая моя Москва». В Переделкине — с женой Тоней. Фронтовая подруга, справили уже золотую свадьбу. Приехал после больницы. И поделился: удаление желчного пузыря стоило ему пять тысяч[1]. Для поэта — большие деньги! Он — ветеран войны, с заслугами перед литературой. Обратился в Литфонд с просьбой о помощи. Отказали: денег нет!

У тебя тоже была такая операция. Помню твои слова, сказанные в больнице: «Лежал на столе, распятый, как Христос». Что же было бы теперь? Помер бы несколькими годами раньше? Требуемой суммы у тебя, мой дорогой, не было.

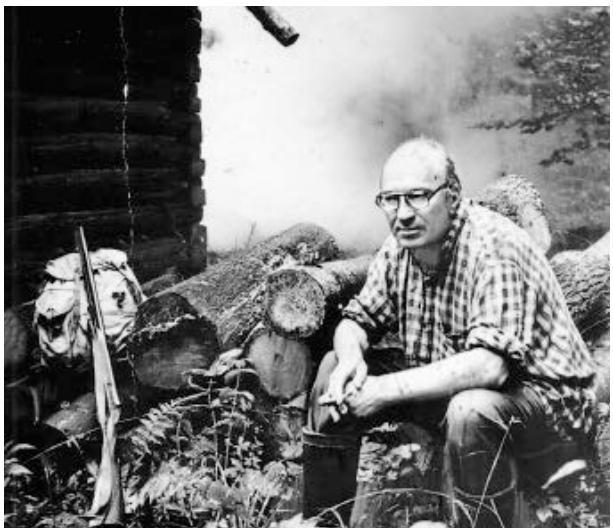
Литература летит под откос. Авторские договоры с издательствами аннулируются даже на стадии верстки.

Между тем книжный рынок забит. Не только детективами. Список бестселлеров открывает солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». В метро можно увидеть шестиклассников, торгующих этой запрещеннейшей из запрещенных при тебе книг. За «Архипелагом» следуют... романы Дюма. На книжных развалах — а их в Москве сотни — можно увидеть Пруста и Гессе (последние, кого ты читал перед смертью), фотоальбомы, словари, философские и мистические сочинения. Но современный писатель, не эмигрант и не диссидент (поэт — особенно), обречен, за редким исключением, на вымирание.

Наблюдая нашу агонию, книжные посредники (новая железная порода молодых, в основном, людей), наверное, посмеиваются: а чего вы ждали, голубчики? Зачем, не зная броду, полезли в воду? Айтматов небось не подголадывает? Окуджава не варит по выходным суп с кильками?

Может, они правы, Юра? Увлекаешься искусным плетением словес — считай, что это твое хобби. Не вздумай возвести его в ранг профессии. Наглотаешься унижений. Останешься, ох останешься у разбитого корыта!

[1] В масштабах цен 92-го года.



Юрий Казаков

В том, что случилось — не с литературой только, а со страной, — не знаю даже, чья вина. Два ответа наворачиваются на язык. Ничья и всехная.

Ну, «ничья» напоминает выкладки безбожников: какие-то атомы или того меньше, якобы всегда существовавшие, где-то, когда-то, почему-то столкнулись и образовали не вихрь, не смерч, чего естественно было бы ожидать от слепых частиц, а этот дивный часовой механизм, внутри которого мы обитаем, с, увы, подключенным к нему взрывным устройством. Пустить на воздух оно способно и все сразу. И мир — по частям... Мы с тобой — сами авторы, и поверить в машину, вообще в деяние без авторского участия не можем.

«Всехная вина» — это мне понятнее. Начнем с себя.

Когда мы поступали в Литинститут, какое, говоря словами твоей матери, поприще открывалось перед нами? Свободное? Никак нет! Строго регламентированное — и мы это знали.

Сценка из жизни. Я, школьница, и мой отец (не академик, как думают некоторые, а его двоюродный брат, успевший до революции окончить и гимназию, и Ярославский юридический лицей, то есть интеллигент старого образца) сидим вечером в нашей большой, хорошо известной тебе комнате и слушаем левитановское чтение Указа. О присуждении Сталинской премии в области литературы. Ажаев... Ауэзов... Бабаевский... Мальцев... Панова... Первенцев... Симонов... Твардовский... Я намеренно из разных лет беру — премии присуждались ежегодно... Список звучит как симфония. У нас была небольшая, но весомая домашняя библиотека; современная литература пополнялась отцом именно за счет этого списка. На день рождения подруге я несла премированную книгу. Внеклассное чтение было ориентировано в ту же сторону. За нас уже решили — думать и гадать не надо. Это — экстра-класс. Высший уровень культуры. На него-то и следует равняться.

А с чем ты поступал в институт? С рассказами из американской жизни, о неграх (ты никогда не был в Америке). С пьесами «Большое дело», «Новый станок» — красноречивые названия!

Ошибутся те, кто всех таких, как мы, зачислит в подхалимы, в приспособленцы. Другими мы и быть не могли, как не мог скорбно сложить губы приспособленный для циркового увеселения компрачикосами «Человек, который смеется».

Мы-то с тобой москвичи, жили у себя дома, а студентам нашим каково приходилось — как раз тут, в Переделкине! Казарменные спальни, полудохлые электроплитки с ядовитыми змейками спирали. Неведомые миру шедевры сырели под койками, на дне обшарпанных чемоданов. Контролеры Киевского вокзала уже без всякого энтузиазма вылавливали наших нищих безбилетников. Если по чьей-то выдумке собиралась в одном зале творческая молодежь столицы, наша голытьба выделялась своей «одежей» — беспризорными пиджачками и лыжными костюмами.

Однако были некая отрада и утешение в такой убогой жизни: мечта о будущем. Скрижаль о повинностях и воздаянии советского писателя не вывешивалась на институтской доске объявлений, но все знали, что на ней выбито. Повинность, строго говоря, одна: участвуй своим пером в созидании справедливейшего в истории человеческого общества! Разве это постыдная цель? Беллетристический дар, особенно средний, — вещь пластичная: можно вылепить из нее вазу, а можно — и плевательницу. Зато воздаяние... При одной мысли о нем у затравленного литинститутовца захватывало дух.

Что было венцом желаний литературного солдата, метившего в генералы, то есть нормального одаренного студента? Указ о присуждении ему той самой премии. Волшебный указ, царский указ. Вчера он был никто, довольствовался могильными метрами в общежитии и булкой с маргарином. Машинистка, печатая его пухлое сочинение, выправила кучу орфографических ошибок. А завтра он — лауреат! Забегают, заулыбаются секретарши с восковыми кудельками; машинистка отстукает ему письмо на адрес института («горжусь» и пр.); дальше — диплом с отличием, книга — в трех издательствах, в одном — массовым тиражом; московская прописка и предложение престижной работы; ввод в редколлегию и возможность

самому решать, что польза для великой русской словесности, а что — опиум...

Все это и носило гордое название социалистического реализма. Так что он — не белая горячка наших критиков. Был мальчик, был!

Когда, окончив институт, мы влились (ты) или надеялись влиться (я) в не слишком еще плотные писательские ряды, большая часть литературной братии пребывала в нетерпеливом ожидании новых чудес. В раздражении от того, что они медлят свершиться именно когда пробил «мой час». И в тебе это было, и во мне, ибо дышали мы теми же микробами зависти и тщеславия, что и наши коллеги. Не сразу и не вдруг недюжинный талант, совесть, стыд перед людьми повернули таких, как ты, в сторону служения не себе, а литературе.

Ты знал изначально или быстро догадался, что строим не Царство Божие на земле, а совсем иное, с обратным знаком. При неминуемой вспышке прозрения что случится? А то же, что с мешками золота в гоголевском «Вечере накануне Ивана Купала»: «...одни битые черепки лежали вместо червонцев». И в миф о новом советском человеке ты не верил, ибо нутром своим чувствовал: человек — субстанция неизменная. Можно вздрючивать его на собраниях, придавать ему искусственное ускорение, перевоспитывать по беломорканальскому методу (твой кумир Пришвин делал вид, что верит в эту ахинею), но позволь ему вернуться в состояние покоя — и он прежний, непредсказуемый в своих алчных аппетитах, вечный ветхий Адам.

Но и тебя, личность несгибаемую, не то чтобы сбили с толку, но обременили мукой несоответствия. Реальности и бредово-кабинетных мечтаний об этой реальности.

В сентябре 58-го ты писал мне из Архангельска: «Поездка моя оказалась совсем не тем, что я воображал себе. Т. е. к ужасу своему я понял, что или я прав, а весь мир не прав, или я не прав, или совсем не туда забрался. Если все писать, как я чувствовал здесь, то это гроб, а по-другому писать, т. е. не то, а как надо, — тоже гроб.

Я, м. б., покажу тебе дневник, я тут от скуки плел чего-то, ты увидишь, что я совсем зарылся и того, что мне нужно бы, я не увидел, проглядел, что ли, а всякие ощущения — это все эфемерно и, м. б., неверно. С чем я приду к Панферову! Наверное, мне надо бы съездить на Кубань или еще куда, где люди получают ордена за урожай и живут, вероятно, по-иному, чем здесь. Здесь же умирание, хуже, чем было, если верить, скажем, Пришвину и пр.».

Выходит, и ты, Юра, талант первостатейный, первенец из деревенщиков, первенец из авторов лирической прозы, — рыцарь не без упрека. Твое покаяние — это твое устремленное к истине неувядаемое творчество. А мы, не такие достойные, чем оправдаемся?..

Прошел слух, что дом творчества «Переделкино» на ладан дышит. Закрылось твое любимое «Голицыно», полузакрылась Малеевка. Из «Дубултов» выселили нескольких идеалистов (придумали, куда поехать!) чуть ли не с полицией. И хотя переделкинский контингент разъедает все та же вражда между «демократами» и «патриотами» и уже не стенка на стенку, а стол на стол идут грудью, покидать эту последнюю пригодную для работы обитель мне очень грустно.

Прогулки мои превратились в растянутую муку прощания. Выходя из дома, спиной читаю на фронтоне с раскрытой каменной книгой год постройки здания: 1955. На пышном крыльце между двумя дорическими и четырьмя ионическими колоннами сиживали, бывало, Валентин Асмус, Сергей Бонди, Арсений Тарковский.

Вчера отправилась навестить родник. Прошла мимо дачи Пастернака, спустилась земляным скатом к металлической лесенке — и по ступенькам, как по наклонным цимбалам, — вниз. Бульдожий обрубок трубы извергает струю. Это и есть «святой колодец», но старожилы уверяют, что настоящий, катаевский «святой колодец» — по другую сторону железной дороги.

Не возненавидь я с детства зеленку, сказал бы, что все кругом было напитано взвесью брильянтовой зелени. Зеленели безлистые деревья. Зеленели мхи. Зеленела вода в бочаге. Далеко впереди, за Неясной Поляной, уже слегка обезображенной со стороны дома творчества каким-то долгостроем, золотились купола великолепной церкви.

...каждая малость
Росла и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значенье своем поднималась.

Меня не мучила жажда. Не было с собой ни ведра, ни чайника для родниковой воды. Я пристроилась поодаль, на поваленной осинке, и вспоминала...

В последнюю нашу переделкинскую встречу мы с тобой пошли к патриаршему собору. Уже минула весна света, весна воды. Начиналась весна травы.

Не впервые уже влекло нас в эту сторону... В сущности, как только завязалось между нами нечто большее, чем курсовое общение,

ноги сами несли под сень куполов (вовсе не безопасную, с точки зрения царившей тогда идеологии), слух ловил отголоски благовеста, более всего известного нам по финалу оперы «Иван Сусанин»; «Жизнь за царя» — можно было прочесть только в энциклопедиях. Да не очень-то мы внимали этому зову, за что, может быть, и поплатились.

Еще в январе 58-го собирались в Загорск (прошлый и нынешний Сергиев Посад), но помешала твоя болезнь. Зато когда ты вернулся из Дубултов и предстояло наше полное и, казалось, окончательное примирение, в теплый предпасхальный вечер 12 апреля зашел ты за мной, чтобы ехать нам в Новодевичий монастырь, где мы и встретили Светлое воскресенье. Ты звал разговляться к Устинье Андреевне, но я постеснялась почему-то.

А через год, снова из Дубултов, с трудом преодолев все чаще одолевавший тебя соблазн ничегонеделания, ты радостно сообщал: «Вчера придумал, а сегодня начал писать новый рассказ. Рассказ о Пасхе, о пасхальной ночи, о благовесте, о любви, о весне, о добре и вечной жизни — и да поможет мне господь бог! Я так рад теперь — главное, чтоб не растерялось то, что вчера подкатило и так ясно встало и вообразилось, что у меня аж мурашки по коже пошли.

Какая удача: и мой старый дом с его запахом пыли аравийских пустынь от черепицы — все пойдет в рассказ и так естественно: девочка ночью выпрашивает ключ и ведет моего Павлика в этот дом. Ах! А свечи, а крестный ход, а пение, а крик: Христос воскрес! А Ока внизу, а запах дыма от листьев, которые жгут в парке возле дома и... бог знает что еще. Кончается же все березовым соком, который брызжет, капает в темноте — всюду».

В книге «Две ночи» среди набросков есть и «Вечерний звон» — история подростка Пашки. Как получил он, токарь по четвертому разряду, билет на бал в Георгиевском зале Кремля, где и мы с тобой побывали (удивительно было в конце 50-х попасть в Кремль, доселе закрытую для обыкновенных смертных правительственную цитадель!). Как увидел рядом с собой девочку: «Она была ослепительна и прелестна. Щеки ее были румяны, глаза сияли, волосы дымились от света, и в волосах был прозрачный бант...»

Судя по названию, имени героя и «девочке», это — вариант того самого рассказа. Внизу страницы — как эпитафия: «Рукопись обрывается; конец рассказа не сохранился». Так пусть хоть предначало будет. Нет, нет, это — не про нас с тобой. Но та наша Пасха в Новодевичьем, должно быть, аукнулась в «Вечернем звоне».

Не выбравшись в Загорск зимой, нагрянули мы туда летом. Ничего не помню из увиденного! Провал, полный провал — до, посредине и после. Испарилась, иссохла в июньский зной вся рибонуклеиновая кислота — носитель памяти... Вижу только тебя, уходящего и возвращающегося, на фоне вечной лавры. Переживаю заново наши очередные — так уж повелось с самого первого твоего «прощального» письма, — ссору и примирение... Я ведь тоже увлекалась фотографией. Знаю, что когда слишком открыта диафрагма, резко выступает только объект наводки, остальное теряется в тумане.

В октябре 81-го (твоя жизнь уже клонилась к закату) по моей просьбе ты доставил мать к Сретенской церкви Новой Деревни. Я представила тебя отцу Александру Меню. А ты представил ему Устинью Андреевну. После моего крещения мы сделались как бы братом и сестрой: мать кровная и мать крестная — все равно мать. А кем еще мы могли быть друг другу? Ты был женат, растил сына Алешу. Я — замужем, у меня — дочь Саша. И разве плохо быть братом и сестрой в мире-холодильнике, накануне вполне реальной атомной зимы, среди — не скажу чужих, но все-таки отчужденных людей, даже своей среды, даже своего избранного круга?

Обнявшись душами, шагали мы твоей последней весной к патриаршей церкви в Переделкине. Она была закрыта. Какая обида! Тебя подтачивала тяжелая болезнь, и жить тебе оставалось немногим более полугода.

Был ли ты верующим? Несомненно! Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно перечитать твою прозу, твои письма. Хваля мне свое Абрамцево, говорил:

— Там легче сосредоточиться на себе и на Боге.

«Себя» не случайно ставил на первое место. Не потому, что тонул в самодостаточности, в самолюбовании. Ничуть нет! Мне думается, ты считал, что Бог — в душе. А душа-то в человеке. Смерклось в душе — потускнел и Бог. Все за то, что есть запредельный Владыка Земли и Небес, но нам Такого прозреть не дано. По пословице: всяк сверчок знай свой шесток... Посещать церковные службы, исповедоваться, поститься ты препоручал матери, сам только жертвовал деньги, если они были...

Зна́ком того посещения Переделкина осталась твоя книга «Арктур — гончий пес», в ярком детском издании, с поразительной надписью. Оглашать ее не буду. Нам с тобой она известна, а другим — без надобности.

Окончание следует.

Сергей БЫЧКОВ

Продолжение. Начало в № 7 за 2014 г.

Отмывание жемчужин

Опыт художественного расследования

Промелькнули кадры школьных лет — учился в школе с 1943-го вплоть до 1953 года, где были голодные учителя, где ученики собирали крошки хлеба, где совершенно дикий директор был похож на Карабаса-Барабаса, где учителя часто походили на садистов: учителя литературы так и назывались — «фашисты». Школа даже внешне была похожа на тюрьму. Не припоминалось большего отвращения, чем хождение туда, — самое гнусное впечатление за всю жизнь. А школа была обыкновенная: палочная дисциплина, водили всех «шагом марш!» — война... Школу ненавидели. Всеми фибрами души. Сколько хватало сил... Но были учителя другие, не в школе; были живые примеры, живое общение с людьми — ровесниками родителей. Христиане, которые к тому времени прошли через лагеря и ссылки. И он ребенком общался с ними, наблюдал, беседовал, видел. На примере их жизни воспитывался. Когда одноклассники, заинтригованные замкнутостью старшего брата, спрашивали младшего Павла, чем он занимается, тот лаконично отвечал: «Пишет и читает. Читает и пишет».

Школа научила кое-чему — промелькнул давний эпизод. В школьные годы на тренировке во время урока физкультуры из-за несчастного случая погиб одноклассник. Те, кто находился рядом с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе. Его товарищей это озадачило: прежде не замечали в нем какой-то особой «идейности» (как тогда выражались). И в тот момент впервые мелькнула догадка: «Ведь это религия!» В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик отца, которого привыкли благодарить за счастливое детство. С годами догадка превращалась в убеждение, подкреплялась множеством наблюдений и в конце концов помогла понять огромную историческую трагедию, ставшую фоном юности целого поколения.

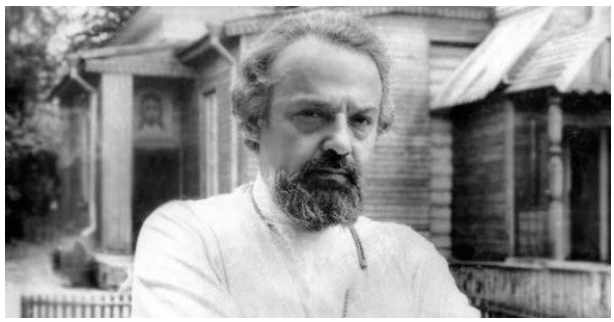
...Он увидел себя тринадцатилетнего, обложенного книгами — Брэмом, Дарвином, Достоевским, который не поддавался прочтению. Рядом — Конфуций в переложении толстовца Буланже и масса толстовских брошюр, которые воспринимал уже тогда критично. Среди прочитанных книг — «Жизнь Иисуса» Ренана. Но он уже прочитал критику на себя архиепископа Варлаама (Ряшенцева), впоследствии епископа-исповедника. Уже тогда не только читал, но и начинал писать — очерки о природе. Создал пьесу о Франциске Ассизском на основе его древнего жития. Тогда же начал изучать дореволюционную историю Древнего Востока.

...Еще два милых сердцу облика — «катакомбный» священник Борис Александрович Васильев и схиигуменья Мария. Под влиянием отца Бориса начиналась работа над «Библейской историей». Уже тогда юноша понимал, что прочитанная у матери Марии огромная книга Лопухина устарела. Читал

о католических святых — Бернадетте, Доминике, святой Терезе. И, конечно же, книгу о преподобном Сергии. Прошли кадры с нелегальными занятиями для детей, которые проводились на квартирах «маросейскими»: семинары по раннехристианской литературе у Б. А. Васильева. Занятия по русской литературе, которые проводила на Молчановке жена Б. А. Васильева, Татьяна Ивановна Куприянова, дали очень много. Итоговые кадры этого периода: он принял решение стать священником. Произошло в эти годы знакомство с инспектором Московской духовной академии Анатолием Васильевичем Ведерниковым. Он посоветовал учиться дальше и окончить школу.

...И снова кадры — занятия живописью в мастерской известного скульптора Василия Алексеевича Ватагина. Он понимал саму душу животного. В его скульптурах и рисунках была зоологическая мистика, родственная всегда. Он раскрывал образ животного изнутри, с помощью средств древневосточного искусства, которым увлекался. Первая встреча с Ватагиным произошла в 1950 году. Поразила его скромная внешность — сухонький старичок с редкой бородкой, с дребезжащим голоском, в тюбетейке (было в нем что-то от Рериха). Это казалось контрастом с той первобытной мощью, которая жила в его творениях. Александр стал еженедельно ходить к нему на уроки. Он писал картины в Зоологическом музее на улице Герцена. С жадностью пытливый юноша следил за процессом работы. Это дало больше, чем любые слова и книги. Он был простой, добрый, задушевный, какой-то детский. Шло сталинское время. Все друг друга боялись. Но он был с пятнадцатилетним мальчишкой откровенен. С какой иронией отзывался о заказе написать орла в подарок Сталину от музея... Рассказывал много о своей жизни и понимании зверей. Они его любили. Один раз на улице даже воробей сел к нему на руку. Он говорил, как похожи оказались новооткрытые мозаики Киевской Софии на врубелевские картины. Его мастерская была чудом. Все эти животные выглядели живыми, казались одухотворенными. Увлечение живописью не прошло бесследно. Став священником, Александр написал три прекрасные иконы — небольшой поясной образ Иоанна Предтечи, архангела Михаила и апостола Павла.

...Вот еще один светлый и любимый образ — схиигуменья Мария, которая неподалеку от Троице-Сергиевой лавры создала небольшой «катакомбный» женский монастырь. Детство и отрочество прошли под сенью преподобного Сергия. Он часто в летнее время жил у схиигуменьи Марии, во многом определившей его жизненный



Александр Мень

путь и духовное устроение. Любимым занятием у матушки Марии было забраться с книгой на дерево и запойно читать. Так было удобнее — никто не мешал, и забывалось непрестанное чувство голода. Это время младший брат, Павел, проводил в поисках еды. Ему, как младшему, труднее было переносить это постоянно гнетущее чувство. Подвижница и молитвенница, матушка была совершенно лишена черт ханжества, староверства и узости, которые нередко встречаются среди лиц ее звания. В ней чувствовалось что-то светлое, серафическое. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима или Франциска Ассизского. Она недаром всегда, в любое время года, напевала «Христос воскресе...». Она была монахиней с ранних лет, очень много пережила, много испытала в жизни всяких тягот, но полностью сохранила ясный ум, полное отсутствие святошества, большую доброжелательность к людям, юмор и, что особенно важно, — свободу. Когда еще был маленьким, матушка говорила: «Сходи в церковь, постой, сколько хочешь, и возвращайся». Шел в лавру и стоял довольно долго. Наверное, если бы матушка сказала: «Стой всю службу», — он бы томился. Не очень любил длинные лаврские службы. Но чаще всего стоял всю службу, потому что была дана возможность уйти когда угодно. О ней помнил всегда и вспоминал с особой теплотой. Несмотря на то, что постоянно бывал в лавре и тесно общался с монахами, это не вызывало ни малейшего желания идти этим путем.

...Откуда-то издалека появились издавна знакомые по фотографиям лица — Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Николай Лосский, священник Павел Флоренский, молодой Сергей Булгаков, Семен Франк, Сергей Трубецкой. Рядом с ними те, кого он любил и уже тогда изучал, — английский культуролог Кристофер Доусон и Адольф фон Гарнак. Они тоже стремились помочь ему...

...Промелькнули последние годы школы — работа во Всероссийском обществе охраны природы. В 1950 году стал душой небольшого кружка, который получил название «Оса» — «Объединенный союз авантюристов». Это были тяжелые годы, когда органы МГБ продолжали следить едва ли не за всеми гражданами страны. Несмотря на то, что, казалось бы, с Русской церковью установлен конкордат, продолжались аресты и среди верующих. В 1946 году были арестованы близкие семье Меней люди — Мария Тепнина, Нина Трапани, Вера Корнеева. Вновь прокатились аресты «катакомбных» священников. Елена Мень и Вера Василевская чудом избежали ареста. Но он продолжал выдумывать и создавать кружки. Никогда не забывал о конспирации. Эта выучка, полученная в детстве, неоднократно помогала ему уже в зрелые годы. «Осе» он посвятил поэму:

...Осиаты, или просто осы,
Хотя и не платили взносы,
По воскресеньям собирались,
Смеялись, пили и питались.
Во избежание сомнений
И прочих всех недоумений
Не разглашались те собранья,
Поскольку общего признанья
Оса в ВООПе не добилась
И осторожно затаилась...

И все-таки нашелся Иуда, который выдал осиатов. К счастью, огласки эта история не получила. Промелькнули занятия в ВООП, походы на лекции в МГУ, в музеи. Все это было отдушиной в серых школьных буднях. Летом члены ВООП выезжали на практику в Воронежский, Приокский и Крымский заповедники. Там дети трудились, помогая взрослым, и даже зарабатывали. Александр тратил заработанное на покупку книг.

...Прошли кадры другой эпохи. В 1945 году, после Поместного Собора РПЦ, на котором был избран патриарх Алексий (Симанский), епископ Афанасий (Сахаров), еще находившийся в заключении, направил письмо прихожанам-«катакомбникам». В нем он признавал каноничность избрания нового патриарха и советовал посещать храмы Московского патриархата. Красота богослужения и убранство храма тогда поразили. Они привыкли к строгой аскетичности «катакомбных» богослужений. Кроме того, мать и братья посещали проводимые тогда в храмах воскресные занятия: в храме Ризоположения на Донской улице, в храме Воскресения в Сокольниках, а также в Николо-Кузнецком храме в Вишняковском переулке, где священник Александр Смирнов показывал диапозитивы, так называемые «туманные картины» из Священной истории. В отличие от своих сверстников, он полнокровно жил в богатом мире русской культуры. Много читал, имел возможность делиться впечатлениями с матерью и тетей. Мальчиком начал прислуживать в храме. Знал о гонениях, обрушившихся на Церковь, общался со священниками, которые прошли сталинские тюрьмы и лагеря...

...И вновь на первое место вышли Борис Васильев и его жена. Вслед за ними два священника — отец и сын Мечевы. В дореволюционной Москве христиане прекрасно знали храм святителя Николая на Маросейке и его настоятеля, священника Алексея Мечева. Его называли московским старцем. Он дружил с оптинскими старцами, которые направляли к нему своих духовных детей. Среди его прихожан было немало интеллигентов. Его сын, Сергей, окончил Московский университет и в 1919 году стал священником. После смерти отца в 1923 году продолжил его служение. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. А в декабре 1941 года был расстрелян в Ярославской тюрьме. На частной квартире Татьяна Куприянова, жена тайного священника Бориса Васильева, духовная дочь отца Сергия Мечева, регулярно проводила с детьми занятия по храмовому богослужению и беседы по Новому Завету. Татьяну Ивановну, тонкую, одухотворенную женщину (она была логопедом, лечила детские дефекты речи), всегда окружали друзья из маросейской общины. Община не распалась даже десятилетия спустя после смерти отца и сына Мечевых. В конце 40-х и начале 50-х годов у Бориса Александровича в старинном доме на Молчановке, близ Арбата, систематически устраивались чтения и семинары по вопросам духовной культуры, занятия для детей. Проходили вечера, посвященные Пушкину, Чехову, раннему христианству, уроки Закона Божия, которые вела Татьяна Ивановна. С ней он много общался, и она много дала пытливому юноше. «Маросейские» поддерживали тесную связь между собой, помогали епископам и священникам, находившимся в заключении. Обе общины — «солянская» и «маросейская» — сохранили братское общение и постоянно помогали друг другу. Они прекрасно понимали, как важно в атеистическом обществе привить детям христианские навыки. И с риском для жизни осуществляли свое служение.

...Среди тех, кто отгонял зловещих птиц, он явственно видел Бориса Александровича Васильева. Его приход был всегда своего рода праздником. Он вновь воочию увидел его высокую фигуру,

услышал внушительные интонации, спокойную логику его рассуждений. Трудно было поверить, что над ним постоянно висел дамоклов меч. Это был не только человек глубокой веры, но и подлинный ученый. Все интересующие его проблемы он исследовал обстоятельно, неторопливо, придерживаясь строго выверенных методов и фактов. Он не изменял своим установкам, о чем бы ни шла речь — о Древнем Востоке, этнографии или литературоведении. Великолепно знал культуру Египта и Вавилона и часто рассказывал ему, тогда еще юному школьнику, о связи между Востоком и Библией. Однажды читал древнеегипетский текст и объяснял, чем он отличается от Священного Писания и что у них общего. На суд Борису Александровичу он приносил свои первые опусы. Васильев работал в университете, на кафедре этнографии; преподавал историю Древнего мира, читал лекции по Древнему Египту и Вавилону. Именно он поддержал интерес к Древнему Востоку, у него он брал необходимые книги. Борис Александрович был из прихода Мечевых. Он успел перенести и тюремное заключение, и ссылки. Потом был реабилитирован, но служить не мог: возникали внешние препятствия, и так до конца, до пенсии. Никто в университете не знал, что Борис Александрович священник.

...Еще один родной образ присоединился к ним. С «маросейскими» дружил профессор-химик Николай Евграфович Пестов. К нему юношей пришел, но уже с определенными взглядами. У Пестова бывало много людей. У него было призвание к священству, но, поскольку имел какие-то канонические препятствия, то не стал священником. Когда зашел к нему впервые в кабинет, где находилось много икон, то увидел на столе Терезу, маленькую Терезу из Лизье. Это было как бомба! Тогда (это был, быть может, пятьдесят второй или пятьдесят первый год) никто о ней в России слыхом не слыхал. Пестов тогда писал книгу об Апокалипсисе. У него было некое экуменическое настроение, хотя в те времена и слова «экуменизм» никто не знал. И на этом сблизились и сошлись. Николай Евграфович позже написал многотомную книгу о христианской нравственности, которая называлась «Путь к совершенной радости», она ходила по рукам... Пестов укрепил его экуменическое настроение, потому что до этого он не встречал ни одного человека, который эти вещи понимал. И, кроме того, в области истории Церкви он первый четко заговорил о том, что надо отличать существующую Церковь внешнюю от той тайны, которая в ней живет. И он это чувствовал, но в те годы для него это было серьезной проблемой.

...И вновь он увидел себя за письменным столом в коммунальной квартире. К десятому классу прошел самостоятельный курс семинарии. Много читал творения Святых Отцов и о них (Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, блаженный Августин, а также Добротолюбие и труды Феофана Затворника). В 50-х годах познакомился с трудами Владимира Соловьева, и с тех пор он стал подлинным учителем, хотя вначале чувствовалось влияние Хомякова, которого много читал. Соловьев соединил веру и наследие Святых Отцов с философским мышлением. В 50-х годах много читал старых философов: Спинозу, Декарта, Лейбница. Все богословские интересы вращались вокруг апологетики. На первом курсе института прочел «Столп и утверждение Истины» священника Павла Флоренского и был им восхищен. Тогда же задумал очерк общей истории Церкви: «Исторические пути христианства» — первую часть, «Древнюю Церковь» закончил в 1956 году, а вторую — «Средние века» — в 1957 году.

В процессе изучения истории Церкви целиком перешел на экуменические позиции, посещал костел, баптистские собрания. В 1959 году, уже после рукоположения, набросал первый эскиз экуменической идеи, как ее тогда понимал. Познакомившись с католичеством, убедился в его огромных преимуществах, но никогда не помышлял об отходе от православия, считая Церковь единой. Историю Церкви излагал в ключе различия истинного евангельского христианства и языческих наслоений на него. Эта тема всегда особенно волновала его, поскольку часто с этим сталкивался. Считал всегда, что мракобесие есть позор для христиан.

...И вновь возник неведомо откуда образ католического священника Всеволода Рошко, с которым дважды виделся в Москве. На многие проблемы они смотрели одинаково. Отец Всеволод был католическим священником, но по православному обряду. Последние годы служил в Иерусалиме. Явственно зазвучал его прерывистый голос: «Каждая религия проходит три основные фазы: пророческую, миссионерскую и клерикальную. В первой — свет веры или откровения вспыхивает как бы во тьме. Это высшая точка духовного напряжения. Потом свет начинает распространяться, и, наконец, наступает фаза стабильности — "серая", консервативная, рутинная. Многие религии так и угасли на этой фазе. Христианство обладает внутренним потенциалом для непрестанного возрождения. Будучи в определенном смысле

феноменом историко-психологическим, оно тоже проходит эти три фазы. Но потом наступает взрыв: приходят Франциск, Лютер — и вот снова начинается профетическая стадия. То внутреннее открытие Христа... и есть такого рода переворот, или взрыв в индивидуальной судьбе...» Он вспомнил, что в двенадцать лет прошел через нечто подобное, преодолев в себе «средневековое», «апокалиптическое», «законническое» и открыв огромный простор Евангелия. Итогом этого периода была юношеская книга о Христе, написанная, когда ему исполнился двадцать один год. Уже тогда он понимал, что нельзя путать два противоположных понятия — церковность и клерикализм. Причем клерикализм воспринимал всегда как нечто окаменевшее, препятствующее динамическому развитию христианства.

...Он явственно видел, что новомученики российские, все они, погибшие в тюрьмах и лагерях, стоят за спиной отца Серафима, который продолжал отгонять черных птиц, и стараются помочь ему. Многих он не знал лично, но прекрасно представлял по рассказам матери или тетушки, которые хорошо знали их. Владимир Мень не разделял взглядов жены, но спокойно относился к воспитанию сыновей (Александра, а потом Павла) в традициях Русской православной церкви. В разговоре с двенадцатилетним сыном Александром отец как-то сказал ему: «Христианство — это не наше», на что сын ответил: «А я докажу, что наше».

...Неожиданно прошли кадры — ему тогда было лет восемнадцать. В этот день (день Марии Магдалины — 4 августа) у друзей матери праздновали именины дочери одной из ее подруг. Собралась компания молодых верующих людей. И отправились гулять. Подошли к станции и тут встретились с небольшой кучкой хулиганов, которые стали к ним приставать. Завязалась драка. Каждый из компании ребят вел себя так, как ему было свойственно. Самому маленькому — Саше — было лет восемь. Он в ужасе спрятался в кусты и горячо молился Богу. Другой — его звали Колей, его уже нет в живых — вел себя как непротивленец злу, и потому когда его начали бить, он покорно лег на землю и даже не сопротивлялся. Еще один, кажется, ввязался в драку, и ему разорвали рубашку и наставили синяков. Он же — выступил с проповедью... Может быть, это была одна из его первых проповедей. Он спокойно и убедительно объяснял подвыпившим и разгулявшимся парням, что нужно разойтись по-доброму. Увещевательная проповедь, как это ни странно, подействовала, и все разошлись мирно, по-доброму.

...Идти по тропинке становилось все труднее и труднее. Священник ощущал, как кровь пропитывает одежду и свинцовым покровом пригибает его к земле. Но он продолжал свой последний путь, с трудом переставляя ноги и направляясь к дому. Казалось, что конца этому пути нет. Время остановилось. Исполнилось пророчество Апокалипсиса, когда ангел воскликнул: «Времени уже не будет!» Сквозь туман, становившийся все плотнее, он видел, как к дому сбегаются люди, подъезжает машина скорой помощи, как выходят из дому жена и ее брат. Но все это тонуло в густом, молочном тумане...

ГЛАВА II.
А В ЭТО ВОСКРЕСЕНЬЕ...

На самом деле время в тот трагический день остановилось только для него. Для всех оно продолжало свой стремительный бег. Все остальные продолжали жить по заведенному порядку. К калитке, на которую упал обескровленный священник, жена вызвала машину скорой помощи. Вскоре подъехали следователи Загорской милиции, подтянулись работники местной прокуратуры. Начались поиски улик. Милиционеры прочесывали лес, пытаясь найти хоть что-то, хотя бы какую-то подсказку — кто и за что убил священника. Однако их поиски оказались тщетными. Приехал сотрудник Генеральной прокуратуры, сделал ряд фотоснимков. К полудню приехали следователи со служебной собакой, но было поздно — все вокруг было настолько истоптано, что собака беспомощно металась из стороны в сторону. Тело убитого священника отвезли в загорский морг. Вскоре страшная весть об убийстве распространилась не только в СССР, она достигла и зарубежья. Приехали прихожане отца Александра, с ужасом смотрели на лужу крови у ворот, пытались засыпать ее песком. Но он вновь и вновь пропитывался кровью...

...В 1990 году в СССР сложилась парадоксальная ситуация: страной одновременно правили два президента. Одним был Михаил Горбачев, избранный первым президентом СССР. Вторым — Борис Ельцин, летом этого года всенародно избранный президентом РСФСР. Имперский колосс, созданный Иосифом Сталиным и казавшийся всем вековечным, зашатался. С 1986 года Михаил Горбачев, избранный генеральным секретарем ЦК КПСС, осторожно менял партийный курс. Сначала был провозглашен лозунг перестройки, затем к нему присоединился еще один — гласность. Архитектором перестройки был близкий к Гор-

бачеву партаппаратчик и дипломат Александр Яковлев, понимавший, что экономика и идеология находятся в тупике. Необходимость перемен ощущали сотни тысяч жителей СССР. Поэтому решено было дать относительную свободу прессе — рупорами гласности стали журнал «Огонек», возглавляемый талантливым журналистом Виталием Коротичем, и газета «Московские новости», главным редактором которой был Егор Яковлев. Оба главных редактора, будучи членами КПСС и людьми, приближенными к Горбачеву, получили возможность, обходя цензуру, публиковать факты недавней истории страны. До этого периода партийная цензура постоянно фальсифицировала отечественную историю. Исчезали из учебников и исторических исследований люди и события, которые, по мнению цензоров, могли неверно формировать идеологию граждан. И «Огонек», и «Московские новости» выходили еженедельно. Тиражи их в это время неимоверно выросли. Люди просыпались пораньше и бежали с утра в киоски, чтобы купить свежие выпуски. «Московские новости» вывешивались на стенде у здания редакции на Пушкинской площади. И люди собирались толпами, чтобы прочитать газету. Тут же, у стенда, шел оживленный обмен мнениями. К 1990 году активность общества была настолько велика, что люди смотрели по телевидению репортажи со Съезда народных депутатов гораздо охотнее, нежели художественные или детективные фильмы.

Многим казалось, что отныне партийная идеология и власть КПСС уже не вернутся никогда. Поэтому убийство известного православного священника вызвало среди советской интеллигенции сначала шок, а потом волну возмущения. Заволновалась и вновь формирующаяся вокруг Ельцина властная элита. Оба президента взяли расследование убийства под личный контроль. Была создана следственная группа. Руководство осуществляла прокуратура Московской области, но в группу входили следователи Генеральной прокуратуры и Комитета государственной безопасности. Работать и особенно руководить группой было очень трудно. Следователи Генеральной прокуратуры и КГБ по служебному положению стояли намного выше следователей Московской прокуратуры. Основную, хотя и не публичную, роль играли, конечно же, сотрудники КГБ. Слаженной работы не получалось, поэтому первый руководитель группы Анатолий Дзюба уже через полгода отказался от руководства, хотя летом 1991 года он откровенно признался одному родственнику, засомневавшемуся в продуктивности работы следственной группы: «Да что вы! Мы уже нашили десять томов!» На самом деле к этому времени стали известны основные версии убийства, которые разрабатывала следственная группа. Следствие на первом этапе ограничилось четырьмя версиями: уголовной, сионистской, антисионистской и политической.

Почти сразу был арестован сосед отца Александра — Геннадий Бобков. Подозрение пало на него потому, что Бобков пил, не работал и в подпитии гонялся за женой с топором. Задолго до убийства священника был осужден и провел несколько лет в заключении. После освобождения продолжал вести, как тогда говорили, «антисоциальный образ жизни» — изредка подворовывал. После ареста Бобков чистосердечно признался в убийстве. Мол, решил отомстить за давнюю обиду. Подкараулил священника и ударил его топором по голове. Топор тут же выбросил в пруд за домом отца Александра. Следователи спустили пруд, но топора не обнаружили. Позже Бобков изменил показания — будто бы его нанял православный священник, также живший в Семхозе. Якобы он подрабатывал у него, и тот посулил хорошие деньги за убийство.

Допросили священника. Близкие отца Александра рассказали, что священники дружили, бывали друг у друга в гостях. Трудно предположить, что Бобков без чьей-либо подсказки мог выдумать столь правдоподобную версию. Изредка и до этого случая советская пресса рассказывала, как из подследственного «выбивали» необходимую версию признания, в то время как настоящий преступник продолжал разгуливать на свободе и совершать новые преступления. Но этот вариант не подходил к случаю с Бобковым, который долгое время путал следствие, указывая то одно место, где он якобы прятал топор, то другое, то третье. Топор так и не был найден, как, впрочем, и портфель священника. Оставалось непонятным, зачем ему понадобилось клеветать на священника, которого, как выяснило следствие, он даже в лицо не знал.

После нескольких месяцев Бобков отказался от своих показаний и заявил, что в Загорской тюрьме его заставили их подписать под давлением. Хотя вскоре через одного из членов следственной группы стало известно, что, находясь в тюрьме, Бобков сам вызвал ночью оперуполномоченного и заявил, что готов дать показания. Будучи в здравом уме, он не мог не понимать, что подобное признание может стоить ему жизни. И тем не менее признался в преступлении, которого не совершал. С такой же легкостью через несколько месяцев он отказался от своих показаний. Но

общество уже было введено в заблуждение заявлениями тогдашнего министра внутренних дел Виктора Баранникова, громогласно заявившего, что убийца схвачен и вот-вот предстанет перед судом. Геннадий Бобков все же получил два года — но не за убийство, а за кражу. Он мог бы после освобождения рассказать немало интересного о том, почему назвал неизвестного ему священника инициатором убийства. Но следствие не сочло нужным остановиться более обстоятельно на этом факте.

Следующая версия сводилась к тому, что отца Александра якобы убили сионисты. Из-за того, что он не благословлял на отъезд из СССР своих прихожан-евреев, стремившихся выехать в Израиль. Некоторым он на самом деле советовал покинуть страну: но только тем, кому грозил арест. Часто сотрудники КГБ предоставляли выбор — либо арест, либо отъезд, как это было в 1975 году с известным церковным публицистом и историком А. Э. Красновым-Левитиным. Отец Александр считал, что массовый отъезд христиан-интеллигентов обескровит Россию. Но в каждом случае подходил к этому вопросу индивидуально. Разрабатывая эту версию, следствие столкнулось с рядом проблем. Существовала ли в СССР в это время какая-либо мощная сионистская организация? Располагала ли она боевиками? Ведь для совершения преступления нужны хладнокровные, тренированные люди. Убийство отца Александра, как это вытекало из материалов следствия, было совершено профессионалами высокого класса. В то же время появление сионистской версии наводило на мысль, что некая «таинственная рука» постоянно вмешивается в ход следствия.

После того, как Бобков изменил свои показания, неожиданно перед следствием появился новый персонаж — бывший православный иеродиакон Михаил Потемкин. Юноша лет двадцати пяти, когда-то служивший в Литовской епархии, а затем вернувшийся в Москву, где родился и вырос, неоднократно во всеуслышание заявлял, что присутствовал на квартире игумена Лазаря (Солнышко) в трагическую декабрьскую ночь, когда тот был зверски убит. Игумен Лазарь был секретарем могущественного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова). Он был убит через два месяца после гибели отца Александра в декабре 1990 года. Потемкин поначалу довольно связно излагал версию убийства игумена, напирая на то, что отец Лазарь был человеком нетрадиционной сексуальной ориентации и в определенных кругах был известен под кличкой Кочегар. Михаил Потемкин был арестован вскоре после убийства игумена Лазаря и содержался в Бутырской тюрьме без предъявления обвинения. Неожиданно он заявил, что убийство игумена Лазаря — дело рук сионистских боевиков. Что игумен был якобы не только гомосексуалистом, но и связным между отцом Александром Менем и его зарубежными покровителями. Более того, Потемкин утверждал, что письма и деньги, которые пересылали отцу Александру с Запада, попадали сначала к игумену Лазарю, а он уже потом передавал их Меню.

Причину убийства отца Александра он видел в том, что православный священник будто бы препятствовал эмиграции евреев из России. А сионисты в СССР якобы получали немалые деньги за каждого еврея, который покидал пределы страны. Выстраивалась внешне правдоподобная версия. Одна деталь разрушала ее — Михаил Потемкин еще с «застойных брежневских времен» был известен как провокатор и гомосексуалист. Именно он в начале 80-х годов передал пакет с документами американскому журналисту в Москве Данилоффу, который в момент передачи пакета был арестован. Данилоффа посадили в тюрьму, а Потемкин остался на свободе. Это была одна из самых запутанных версий, которой следствие уделяло немало внимания. Возникало ощущение, что таинственный «кто-то», желающий направить следствие по ложному следу, постоянно подталкивал следователей распутывать именно этот клубок. Всплыло анонимное «Письмо священнику Александру Меню», появившееся в начале 1976 года. Читал его, конечно, и отец Александр. В течение пятнадцати лет оно постоянно всплывало как в христианских, так и в национал-патриотических кругах.

В письме говорилось, что христианство и национализм — вполне совместимые вещи. Более того, выдвигался тезис, что есть неистинные христианские конфессии, или, как их еще называют в православных кругах, «поврежденные». Авторы письма утверждали, что только православие сохранило первоначальное христианство в «неповрежденном» виде. При этом они опирались, как на нечто само собой разумеющееся, на достоинства и незыблемые добродетели русского народа, который единственный сумел сохранить православие неповрежденным. Мысль не новая. В сознание верующих людей «идеологи-патриоты» пытались внедрить мысль о том, что в природе русского человека существуют некие особенные добродетели, которые выделяют его из семьи созданных Богом наций. При подобном подходе христианство оттесняется на задний план, оно поглощается национализмом, становясь его идеологическим при-

датком. Священное Писание устами апостола Павла отвечает четко и недвусмысленно на подобные вопросы: «Ибо вы, которые, были крещены во Христа, все вы облеклись во Христа. Нет Иудея, ни Еллина, нет раба, ни свободного, нет мужчины, ни женщины: ибо все вы — одно во Христе Иисусе». Эти слова апостола Павла из Послания к Галатам говорят о том, что человек, принявший крещение, вступает в благодатное Царство, в котором как национальные, так и социальные различия отходят на задний план. Поэтому ни одна нация, как бы ни были велики ее заслуги перед человечеством, не вправе гордиться своими заслугами и на их основании требовать к себе особенного отношения.

Суть обвинений, предъявленных отцу Александру в этом анонимном письме, созданном в Троице-Сергиевой лавре, сводилась к следующему: он будто бы является «постовым сионизма в лоне Русской православной церкви». Цель его служения — «направлять приходящих в лоно диаволопоклонства». Национализм, упоминая заслуги одной нации, стремится унизить другую. Поэтому в сознании националиста сосуществуют такие понятия, как «добрая» и «злая» нация. Пытаясь объяснять происхождение зла, националист ищет ответа не в Священном Писании, а в тех «преданиях старцев», на которые постоянно обрушивал свой гнев Иисус Христос. В сознание многих православных в течение долгих лет внедрялся миф о всемирном заговоре «сионских мудрецов», которые якобы правят всем миром. Истоки этого мифа восходят к началу XX столетия, когда публицист правого толка Сергей Нилус опубликовал фальшивку «Протоколы сионских мудрецов». В середине 30-х годов фальшивка была разоблачена, но успела внедриться в сознание не только россиян, но и других наций, в том числе и в нацистской Германии. Для христианин одним из краеугольных камней, на котором зиждется вера, является ясное сознание того, что судьбами мира управляет Бог. Для националиста Бог подменяется злыми силами, которые персонифицированы в образе сионских мудрецов. Именно они, по его мнению, управляют миром, а Бог не в состоянии ничего сделать, чтобы изменить ход событий, которые развиваются катастрофически. Так христианство в национализме подменяется даже не манихейством, поскольку в манихействе Бог и сатана две равновеликие силы, а новой ересью.

И все же в докладной записке на имя мэра Москвы Гавриила Попова сотрудники КГБ, входившие в состав следственной группы, в феврале 1991 года писали: «При проверке сведения о причастности ряда лиц из национал-патриотической среды к убийству А. Меня не подтвердились. Анализ добытой оперативной информации по среде еврейских националистов не выявил конкретных лиц, способных на совершение преступления в отношении А. Меня. По фактам и признакам, свидетельствующим о намерении совершить экстремистские акты в отношении священнослужителей или верующих, за период с 1990 года было установлено 14 человек. Однако причастность кого-либо из них к расследуемому убийству не обнаружена».

Третья версия получила название «антисионистской». Суть ее сводилась к тому, что убийство отца Александра — дело рук православных архиереев. Якобы накануне убийства он получил компрометирующие документы не только на епископат Русской церкви, но и на постоянных членов Священного синода. Церковному человеку было ясно, что эта версия не выдерживает никакой критики. Мыслящие христиане прекрасно знали советских епископов и их невысокий нравственный уровень. Если епископ выезжал за границу, значит, он вынужден был сотрудничать с КГБ. В среду епископата советские органы активно внедряли людей нравственно порочных. И отец Александр знал это. В последние годы жизни его популярность резко возросла, поскольку оказалось, что он единственный священник, подготовленный к диалогу с широкой аудиторией. Но отец Александр сознательно устранялся от участия в политической жизни. Будучи человеком мудрым, вряд ли бы он взял какие-либо документы из рук незнакомых лиц, прекрасно понимая, что это, скорее всего, провокация.

Компрометирующие документы «на высшее церковное, партийно-государственное и чекистское руководство» давно уже были опубликованы на Западе. Но и в этой дезинформации таился некий замысел: если бы портфель отца Александра вдруг обнаружился, тогда в нем изумленные следователи могли бы найти «компромат» на постоянных членов Священного синода Русской православной церкви. Эту версию в 1991 году одновременно выдвинули два депутата Верховного Совета РСФСР, когда-то близкие друзья отца Александра — священники Глеб Якунин и Алексей Злобин. В течение всей жизни сознательно устраняясь от политики, отец Александр изменил этому правилу только в последний год. Он принял предложение Чингиза Айтматова и в мае 1990 года вместе с группой интеллектуалов ездил в Западную Германию. Эта поездка предваряла визит Михаила Горбачева и должна была подготовить немецкую интеллигенцию к визиту первого прези-

дента СССР. Отец Александр в Германии принял участие в богословской конференции и выступил с докладом. Естественно, что бывших «опекунов» из КГБ его растущая известность должна была раздражать. Но они не могли помешать его популярности, поскольку полнота власти ускользала из их рук.

И, наконец, последняя версия — политическая, которой, к сожалению, следствие почти не уделяло внимания. Только к середине 90-х годов стало ясно, что активная подготовка к августовскому путчу 1991 года началась в конце августа 1990 года. Убийство известного не только в нашей стране, но и за рубежом священника и богослова Александра Меня должно было, скорее всего, по замыслу исполнителей, запугать широкие массы. Которые, по мнению Политбюро, слишком заигрались и вообразили, что на самом деле в СССР воцарилась демократия. Тщательно спланированное, во многом напоминающее загадочное убийство поэта и переводчика Константина Богатырева в 1976 году, оно почти не имело шансов на раскрытие. И все же постепенно просачивались факты, на которые следователи обращали внимание, но какие-то скрытые силы препятствовали их расследованию. Цельная картина была воссоздана позже. Как ни странно, помощь в этом оказал в 1995 году генерал воздушно-десантных войск Александр Лебедь. «Вечером 8 сентября 1990 года от командующего ВДВ генерал-полковника Ачалова я получил очередной смутный приказ: "Привести дивизию в состояние повышенной боевой готовности по "южному варианту..." Ничто нигде не было напряжено до такой степени, чтобы требовалось наше присутствие... Неопределенность продолжалась до 20 часов 9 сентября. В 20 часов поступило распоряжение: двумя полками, Костромским и Рязанским, совершить марш и в 6:00 10-го сосредоточиться на парадной площадке аэродрома имени Фрунзе». Приказ командующего ВДВ был выполнен, и утром 10 сентября 1990 года полки на танках и бронетранспортерах, с полным набором боеприпасов сосредоточились на аэродроме под Москвой. Скрыть от общественности передвижения десантников было невозможно. Поэтому народные депутаты и журналисты потребовали от властей объяснить, чем было вызвано появление десантников в полном вооружении. Более того, депутаты создали комиссию, призванную расследовать причины неожиданной переброски войск.

Лебедь был вызван к командующему ВДВ генералу Владиславу Ачалову, и тот начал втолковывать ему, что десантники переброшены для подготовки парада. Но о какой подготовке к параду могла идти речь, если войска перебросили с полным боевым набором? Ачалов предложил Лебедю спрятать танки и бронетранспортеры, замаскировать боеприпасы. Лебедь позже рассуждал, что подобный приказ мог отдать только министр обороны Дмитрий Язов. Но кто подтолкнул на подобный шаг маршала Язова? Лебедь предполагал, что это мог сделать только тот, кто был выше маршала. Единственный человек, который мог отдать подобный приказ министру обороны, — всесильный глава КГБ Владимир Крючков. Тем временем скандал разгорался. Язову пришлось давать объяснения с трибуны Съезда народных депутатов. Он заявил, что войска были вызваны из Рязани для того, чтобы помочь подмосковным хозяйствам вовремя убрать картошку. Как ни абсурдно выглядело это заявление, депутатов оно успокоило. Позже генерал Лебедь резюмировал: «А командующему ВДВ была поставлена задача аргументированно и доказательно объяснить, чем это он и вверенные ему войска в субботу и воскресенье занимались и что вынудило его против всяких правил привести в повышенную боевую готовность кучу дивизий».

В сентябре 1990 года замысел путчистов сорвался — убийство отца Александра вызвало широкий резонанс не только в СССР, но и за рубежом. Хотя на краткое время вновь воцарилась атмосфера страха. Кто-то из прихожан отца Александра предпочел спрятаться, кто-то из впервые выехавших за рубеж православных принял решение не возвращаться. Возникло ощущение, правда, кратковременное, что возвращаются сталинские времена. Последующие убийства священнослужителей — двух игуменов — Лазаря (Солнышко) и Серафима (Шлыкова), который был убит при загадочных обстоятельствах в феврале 1991 года, — были направлены, по-видимому, на то, чтобы заронить в сердцах обывателей сомнение в эффективности работы правоохранительных органов. Еще бы, два президента отдают личные указания о расследовании убийства отца Александра Меня, брошены отборные сотрудники силовых структур, а оно не движется! Более того, руководителя группы, следователя по особо важным государственным преступлениям А. Н. Дзюбу в тот самый момент, когда он отверг бытовую версию, неожиданно отстранили от руководства, и он был вынужден уволиться из прокуратуры.

Продолжение следует.

Светлана ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Окончание. Начало в № 5 за 2004 г.,
в № 5–12 за 2013 г., в № 1–7 за 2014 г.

Радужное счастье

Сентиментальная повесть

Рисунок автора

ЭПИЛОГ

Прошло десять лет. Лизе уже пятьдесят! Но именно сейчас она почувствовала себя счастливой. Ванюшка наконец-то вырос. Стал такой красивый, добрый и умный мальчик. Оканчивает седьмой класс. Антоша — востребованный фотохудожник, добивается всего сам, как, впрочем, и все члены Лизиной семьи. Катюша вышла замуж. У нее замечательный, заботливый и красивый муж, интересная, высокооплачиваемая работа. Вскоре они планируют рождение первенца. Лизины родители живы-здоровы. Вот оно, счастье! Все вместе и душа на месте!

Внешне Лиза почти не изменилась, такая же стройная и красивая. Никто не верит, что ей уже пятьдесят! Как стюардесса, на пенсию она вышла в сорок пять лет и уже пять лет может ездить на метро бесплатно. И каждый раз у нее проверяют социальную карточку, чтобы удостовериться, что она действительно пенсионерка. Смешно.

Она по-прежнему одна. Нет, конечно, она не одна, просто рядом с ней нет мужчины, зато есть принципы: с женатыми она не встречается, с молодыми тоже, а других вокруг не наблюдается. Она не хочет тратить свое время на непонятные отношения и потому предпочитает одиночество. Но в душе она ждет большую и светлую любовь и искренне надеется, что ее ожидания не напрасны. На нее все чаще и чаще обращают внимание мужчины гораздо моложе ее. Возможно, она скоро воспользуется этим, уж лучше жить с молодым и красивым, чем со старым, тем более если результат будет одинаковым! Совсем недавно она сказала молодому и настойчивому ухажеру, что ей совершенно некуда спешить. Он очень сильно удивился. Пришлось объяснить, что свою основную программу она уже выполнила. Детей родила и воспитала. Теперь можно никуда не торопиться, в отличие от молодых незамужних девушек, а выбирать как следует...

На ожидании она не зацикливается и живет полной жизнью. Теперь Елизавета Альбертовна возглавляет крупное издательство. Хоть и ходят в нашем обществе настойчивые слухи о том, что бумажная книга скоро умрет, что победят ее гаджеты электронные, случится это еще нескоро! Даже не хочется объяснять, почему она так считает, и так понятно. Еще она успевает рисовать (давно хотела, а тут Антошенька подарил на юбилей мольберт, кисти и краски), занимается йогой (давно хотела, созрела) и танцами (всегда любила и ходила в школьные годы на русские народные), шьет наряды для себя и на заказ (но не потому, что

ей нечего носить или хочет заработать, она всегда любила шить, но не хватало времени и китайской швейной машинки).

Евгений в Думу так и не попал. Видимо, «паровоз» отказался уходить, а Евгению за зря потраченные миллионы долларов пришлось оставить должность президента досрочно и вернуться в Пермь с низко опущенной головой, его подсидел лучший друг, воспользовался ситуацией и помог уйти с должности. Теперь Евгений Иванович, как в сказке про золотую рыбку, вернулся снова к своему разбитому корыту и работает обычным нотариусом в своей старой пермской конторе. Неплохое конечно, корыто, и доход немалый приносит, но по сравнению с доходом президента всех нотариусов, метящего в Государственную Думу, это пшик... Его новая пассия живет в Москве в огромной квартире в центре города с подземной парковкой и ездит на шикарной машине. Евгений Иванович искренне считает, что она любит его, и приезжает к ней раз в месяц, привозит деньги. Любовь же должна чем-то подпитываться!

Жанна родила сына от женатого мужчины. Пыталась увести его из семьи, звонила его жене, устраивала скандалы... Брр, до боли знакомая тема... Правда в этом случае Евгений Иванович искренне считает, что чужой муж, от которого ребенок, должен платить алименты, раз не хочет воспитывать сына. Жанна работает рядом с отцом, обустроила себе кабинет нотариуса рядом с папой и живет припеваючи. Разница только в том, что папа регулярно ходит на работу и при этом жалуется, что мало зарабатывает (наверное, чтобы не платить алименты). Жанна же почти не ходит на работу, но купила огромный дом с бассейном и садом, имеет кучу помощников — домработниц, няньку ночную, няньку дневную, массажиста, садовника и прочее, трехкомнатную квартиру в центре города, через каждые полгода меняет машины. Но при всем этом совершенно несчастная женщина. Папа искренне сочувствует ей и удивляется, почему же его дочке так не везет...

Снова наступила весна! Снег почти растаял, и установилась приятная теплая погода. Лиза с Ваней вышли из дома. Она с удовольствием вдохнула в легкие свежий, особый весенний воздух и от удовольствия закрыла глаза. Подняв голову вверх, увидела радугу.

— Ваня, смотри! Радуга! — Лиза обрадовалась, как ребенок.

— Угу, — пробубнил сонный подросток, мельком взглянув на небо. Ему так не хотелось идти в школу, тем более в субботу.

На пути оказался мужчина, и Лиза случайно встретилась с ним взглядом. Давно она не видела таких мужских глаз: добрых, красивых и проникновенных. Пройдя несколько шагов, Лиза еще раз посмотрела на небо, вернее, на радугу, случайно наступила на маленький островок льда, поскользнулась и так сильно упала, что какое-то время лежала на асфальте и не шевелилась. Ваня испугался, позвал маму, и она потихоньку начала шевелиться. Через мгновение мужчина уже помогал ей встать, но Лиза не могла этого сделать... Она извиняющимся и благодарным взглядом смотрела на него, пыталась подняться. Его лица она почти не видела, зато четко видела огромную радугу через все небо, а на фоне радуги — силуэт прекрасного мужчины с добрыми глазами, которые ей запали в душу, а может, это у нее искры из глаз такие разноцветные летели, а вовсе не радуга в начале весны...

Оказалось, что идти Лиза не может. Он тащил ее на себе, как раненого бойца, она охала и скакала на одной ноге. Красавец помог вернуться домой, вызвал скорую, потом извинился, сказал, что очень торопится, и ушел. Потом вновь появился, вместе с врачами скорой помощи, спросив, не нужна ли помощь. Медработники почему-то решили, что он обязан помочь Лизе спуститься к машине. Там уже дежурила Катюша, она примчалась, как только Ваня сказал ей, что мама сломала ногу.

Так совсем не романтично произошло их знакомство. Михаил — так звали спасителя — влюбился в Лизу с первого взгляда, как он потом признался. Он постоянно звонил ей, интересовался ногой, приходил навещать ее с необычными букетами нежных полевых цветов. Где он брал их, она не понимала, но было безумно приятно все: и его внимание, и цветы, и даже гипс, который лишил ее возможности жить обычной суетливой жизнью, но позволил лежать, думать и ждать новых встреч.

Теперь она лежала и думала: почему это случилось, для чего? Может, она не туда идет? И ей дали возможность остановиться и подумать? Она думала. Старалась думать только о хорошем. Вот только Ване теперь пришлось освоить дорогу до школы без маминой машины... С одной стороны, уже пора, но с другой — в наше время ездить с пересадками на автобусах и метро, когда каждый день передают всякие ужасы по телевидению о пропавших людях, — жуть. Антоше пришлось взять на себя роль домохозяйки, он готовил, кормил Лизу с Ваней, мыл посуду, стирал. Правда, приходила и Катюша. Лиза вдруг ощутила, каких замечательных детей она вырастила. Как бы она

без них сейчас обошлась? Она ведь только могла на костылях до ванной доскакать и обратно, и то очень уставала за этот недолгий путь.

Про Михаила Лиза ничего не знала, но она и не хотела про него ничего знать. Она давно мечтала встретить человека, чтобы он понравился ей не потому, что он занимает большую должность в банке и имеет крутую тачку, а просто как человек, без всех этих атрибутов нашей жизни. Чтобы мозг не включался и ничего не подсчитывал на своем калькуляторе, чтобы только сердце. А то до бедного сердца так очередь и не дойдет, мозг отсекает все еще на стадии первого взгляда.

Конечно, приятнее, если при всех своих достоинствах он не окажется нищим и не устроит Лизе еще какие-нибудь приключения, например, не сядет ей на шею или не заведет любовницу... Что за манера все придумывать на всю жизнь вперед? Почему нельзя просто отдаться этому трогательному и зыбкому чувству и получать удовольствие? Пусть будет как будет. Он же ей тоже с первого взгляда понравился.

Михаил оказался востребованным, известным художником. Он пишет в свое удовольствие портреты, проводит мастер-классы, преподает в «Суриковке», ездит на пленэры в Париж, Италию и вообще любит путешествовать. Его огромная мастерская находится на последнем этаже дома на Котельнической набережной! Лиза всегда мечтала хоть одним глазком взглянуть, как люди живут в этом доме, она даже говорила об этом Евгению, надеялась, что он придумает ей какой-нибудь сюрприз и сводит туда, например, в квартиру-музей Улановой. Зато скоро она сможет часто бывать там и даже писать под руководством Михаила-спасителя. Самое главное, он не женат! А ведь она решила, что если женат, то все равно не сможет отказаться от него. Слава богу, ей не придется отступать от своих принципов. Он немного моложе Лизы, но сейчас это модно! Лизин папа тоже моложе мамы, а прожили душа в душу и уже отметили золотую свадьбу.

Через год у Катюши и Коли родятся тройняшки! Три прекрасные малышки, которых молодые захотят назвать Вера, Надежда, Любовь. Лиза будет на седьмом небе от счастья! Сразу после этого радостного события Михаил привезет молодую бабушку в старый район Москвы. В тихий, красивый двор небольшого особняка. Этот дом принадлежал когда-то Лизиному прадеду, и Михаил мечтал приобрести его, хотя это казалось нереальным. Он выкупил ее родовое гнездо, оформил документы, спешил закончить ремонт. Он приведет сюда свою любимую, чтобы все показать: и школу живописи, которую она мечтает открыть, а он будет готов преподавать в ней, один этаж отдаст под ее издательский дом. В этом же здании, с другой стороны, они сделают галерею для проведения выставок работ молодых художников и фотохудожников. Заниматься галереей будет Антон — у него много знакомой талантливой молодежи в этой сфере.

Михаил-спаситель узнает о ней все! Даже больше, чем она сама знала о себе. Окажется, что у нее дворянские корни. Да, бабушка говорила Лизе, что ее отец был очень богат, что у них на чердаке был сундук с деньгами, в которые они играли, будучи детьми, но потом все отобрали и отца куда-то увезли... И вообще раньше богатых недолюбливали, их в нашей стране и сейчас не любят.

Сразу столько положительных эмоций свалится на Лизу! Не зря ей сказали, что первая половина ее жизни будет очень плохая, а вторая очень хорошая. Она все время думала, началась у нее вторая половина или нет? Вот теперь сразу понятно, что вторая половина уже началась! А жить ей придется до ста лет как минимум!

А Мерин говорил, что у его дочери белая кость, голубая кровь! Как всегда, нагло врал...

Да, самое интересное, когда они приедут к нотариусу, то помощником у него будет — вы не поверите, такое бывает только в кино! — Танька Сытина! Татьяна Геннадиевна собственной персоной! Может, она уже и не Сытина, хотя эта фамилия ей теперь подойдет как никогда. Толстая, красная, лоснящаяся, в складках, такая же лохматая, она будет злиться, пыхтеть, бросать злые взгляды, потом не справится с волнением и выскочит из кабинета.

Когда Лиза с Михаилом, выйдя на улицу, подойдут к своей машине, Танька выскочит из укрытия и побежит к ним с ревом и криками: «Нет! Нет! Нет!!!» Водитель успеет выскочить ей наперерез, и она обмякнет в его руках, осядет на асфальт и будет тихонечко выть, корчить свое и без того неприятное лицо и махать кому-то мясистым кулаком, облепленным кольцами.

Михаил поинтересуется, не знает ли Лиза эту несчастную женщину. Лизе так не захочется говорить про нее, что она скажет «нет». Она и правда еле узнает бывшую секретаршу бывшего мужа, так сильно изменит ее жизнь! Вот и тортики дошли по назначению! И не только.

Позже она расскажет Михаилу обо всем. Они запишут эту историю и отдадут ее кому нужно, потом по просьбе Михаила его друг-кинорежис-

сер снимет сериал о жизни бедной Лизы и богатого нотариуса. Хотя, по сравнению со спасителем Михаилом, он совсем не богатый, и если бы он не сетовал, что про нотариусов нет фильмов, Лизе бы и в голову это не пришло!

После съемок они с удовольствием будут заниматься живописью в его мастерской, она окажется самой прилежной и талантливой его ученицей. Они будут вместе работать и вместе отдыхать, у них столько интересных проектов! Будут путешествовать по миру и жить душа в душу. Дети воспримут его как «своего». У Лизы вообще самые лучшие и добрые дети. Они же очень хотят, чтобы мама была счастлива.

Осталось чуть-чуть подождать — и жизнь расставит все на свои места.

Счастье всегда радужное, да жизнь черно-белая...

ДОРОГИЕ МОИ ЧИТАТЕЛИ!

Поздравляю вас, вы совершили подвиг! Прочитать то, что написано в самый трудный жизненный период, в бессонные ночи, чтобы хоть чем-то себя занять и не сойти с ума, чтобы выплеснуть все, что мучает и не дает жить, я считаю настоящим подвигом с вашей стороны. Психологи советуют все это сжечь, но оказалось, что рукописи действительно не горят!

В повести слегка изменены имена некоторых героев (по этическим соображениям), но нет вымышленных персонажей, и любое сходство с реальными людьми не случайно. Даже диалоги воспроизведены дословно. Видимо, память в стрессовых ситуациях улучшается. Жаль, что помнится больше плохого. Возможно, хорошее тоже было, но у Евгения Ивановича. Если бы он описал годы нашей совместной жизни, то получилось бы гораздо веселее и динамичнее. Там же не жизнь, а сплошной праздник — рождение сына, карьерный рост, встречи, бани, рестораны, зарубежные командировки, клуб юристов, друзья, любовницы, застолья... ну и жена: молодая, стройная и красивая, правда, замотанная какая-то, глаз не горит. Хотя, возможно, он помнит еще меньше, так как с выпивкой и время летит быстрее, и память укорачивается...

Конечно, мужчинам было бы интереснее читать о той стороне нашей семейной жизни, а еще лучше об убийствах или апокалипсисе. Нет, если вдруг хоть пара мужчин прочитали мою исповедь, я им искренне признательна, а если они еще и прониклись сочувствием к женским страданиям, то мой им поклон и наилучшие пожелания. Надеюсь, это поможет им лучше понять душу своей спутницы и сохранить отношения. Ведь почему-то когда муж изменяет жене, это считается чуть ли не нормой, а вот когда жена изменит, то ваши вселенские страдания нельзя ни с чем сравнить! Мужчины! Поверьте, женские переживания нисколько не легче и длятся дольше ввиду нашего разного эмоционального устройства. Так будьте внимательнее и аккуратнее, берегите то, что кажется само собой разумеющимся, подумайте, что будет, если вас этого лишить. А ведь это можно так быстро разрушить, и не факт, что вы сможете создать что-нибудь лучше. С мужчинами на сим прощаюсь...

Дорогие девушки, женщины, бабушки, в общем, девчонки, если кто-то из вас находится сейчас в подобной ситуации, постарайтесь предпринять какие-нибудь действия, чтобы изменить ситуацию, решите, нужен вам этот мужчина или нет, и действуйте, не будьте жертвой и не забывайте учитывать интересы детей. Моя ситуация в данном случае не пример, я жалею, что два года терпела и пыталась сохранить семью! Напрасно потраченное время и здоровье. Но все прошло! Я сейчас счастлива как никогда!

Буду очень рада, если хоть кому-то моя повесть поможет пережить трудные дни и годы и не наделать глупостей. Мне тоже очень хотелось убить эту секретаршу. Я даже искала исполнителя, но в душе понимала, что это испытание я должна пройти правильно. А как правильно? Убить кажется самым правильным! Но тогда получается, что зло побеждает зло. А нужно, чтобы добро победило зло! Подумайте об этом. Нужно принять ситуацию и двигаться дальше. Время хоть и медленно идет в таких случаях, но все пройдет, поверьте. И на вашей улице будет праздник с радугой над головой!

Искренне желаю всем счастья и любви!

Отзывы и пожелания можно отправить автору по электронной почте lanavoskresenskaya@yandex.ru

Слезы сквозь смех

Женская проза — ею сегодня никого не удивишь. На нее даже пошла определенная мода. По-моему, в наш «бесполый» век даже некоторые писатели-мужчины стали писать «под женщин». Видимо, в расчете на то, что женщины в мире — в паузах между кухнями, шмотками, детьми, мужьями и любовниками — больше читают. Или больше покупают, что сегодня еще важнее. Плюс, наверное, женская психология все-таки ярче мужской и, пожалуй, легче поддается описанию и препарированию. Впрочем, по принадлежности к макулатуре в общих объемах мужская проза никак не уступает женской. Я, правда, не сторонник считать, что разделения в творчестве нет. Что проза и поэзия всегда единственны: или они есть, или их нет. Нет, все-таки проза той же Натальи Саррот (к слову, русской по своим корням) отличается от прозы других, мужского полу, провозвестников «нового романа»: она, если хотите, гибче и даже многозначнее.

Вслед за мастерицами-рукодельницами детективного и прочих расхожих жанров и в нашу современную русскую литературу постепенно, пусть не с налету, входят и новые женщины. Другие. С чувством слога, с проработанностью деталей, с литературными характерами, а не только с литературными сюжетами. Я вижу их и на страницах «Юности», которую читаю сейчас не по инерции давно ушедшей молодости, а с искренним любопытством и даже завистью. Хорошо, что уважаемый, фундаментальный литературный журнал и им дает доступ к своему читателю — читатель у «Юности» традиционно начитанный, изощренный, на мякине его не проведешь.

Одно из таких недавно открытых имен — Светлана Воскресенская. Ее повесть с очень юношеским названием «Радужное счастье» (видимо, потому что любое счастье рассыпается еще раньше, чем любая радуга) больше года печатается в журнале. Запевка повести публиковалась еще в 2004 году: автор дорабатывала ее в течение десяти лет, что нетипично сегодня ни для женской, ни для мужской прозы. Но сам я читал ее еще в рукописи. И первое, что мне понравилось в ней, — это первоклассная ирония. Причем автор и главная героиня, Лиза, иронизируют не столько над окружающим (конечно же, преимущественно мужским миром), сколько над собой. Вещь эта не о легких премудростях флирта, в ней есть настоящая людская драма, с потерей близких, с распадом семьи, зарождением повторной и, в общем-то, изначально иллюзорной любви и ее повторной утратой. И повествует обо всем этом не бегло, не пунктиром, а довольно обстоятельно. Но — не через силу. На дне многих эпизодов угадывается и горечь, и слеза, и то, что даже выше них, — п р а в д а. Но при всем при этом слог, слово и даже с л о в ц о все-таки скрадывают эту самую горькую правду. Скажем, мне невероятно понравился эпизод с потерей шубки (едва ли не единственной в е щ и, которая оставалась у героини после благопристойной замужней жизни). Лично для меня эта утраченная шубка стала метафорой целой литературной судьбы.

Новых женщин в новой литературе, мне кажется, объединяет то, что это женщины с судьбой. Не удачливые фантазерки, просиживающие за конторским столом (говорят, сейчас есть даже целые мужские «творческие объединения», работающие на одну писательницу или на одно женское имя), и не счастливые обладательницы рублевских браков. Они всерьез проживают свою собственную, реальную, с тяготами и скудными радостями жизнь и в меру отпущенного Господом дара пытаются отобразить именно ее. Как сатисфакцию судьбе.

К таким женщинам относится и Светлана Воскресенская. За ее плечами не так много лет, но немало внешних и внутренних превращений, которые всегда сопровождают женщин. Слесарь механосборочных работ (видите, как литературно и по-женски звучит ее первая профессия!), в одночасье взлетевшая в стюардессы, как ей тогда казалось — на седьмое небо. Потом взмывшая еще выше: в жены к столичному юридическому боссу. И сама попавшая в большой бизнес. А позже, столкнувшись с предательством, вновь оказавшаяся на житейском мелководье. Но два крыла, подаренные природою — характер (могу похвалиться, что я и сам когда-то начинал слесарем третьего разряда) и весьма явственный талант (тут сам хвалиться погожу) сделали свое дело. Молодую женщину выбросило в литературу, на глубину, как сама судьба выбрасывает в воздух отчаянную парашютистку. Литература и помогла ей выстоять, укорениться. Как, смею надеяться, и ее повесть кому-то тоже поможет поверить в себя. Почувствовать красоту русского слова и искупительную свежесть не столько едкой, сколько щемящей иронии и самоиронии. Верю: читатели «Юности», ознакомившиеся с «Радужным счастьем», не будут считать потраченное на это самое счастье время — потерянным. А сам надеюсь с течением времени увидеть повесть толстенькой, но не пухлой (почему-то женские романы печатают на дешевой, почти что ватной бумаге: видимо, для объема и для цены), увесистой, и все же — вполне духоподъемной книгой.

Георгий Пряхин,
директор издательства «Художественная литература»,
академик Академии российской словесности

Чарльз Барни КОРИ

Чарльз Барни Кори (1857—1921) — американский орнитолог и писатель. Один из основателей Американского общества орнитологов, автор множества книг о мире птиц Карибского моря. Собрал коллекцию более чем из девятнадцати тысяч птичьих чучел и пожертвовал ее Музею естественной истории имени Филда (Чикаго). Его перу принадлежат не только орнитологические работы, но и художественный сборник «Замок Монтезумы и другие таинственные рассказы».

Евгений Никитин — выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Любопытный призрак

Рисунок Елизаветы Горяченковой

Как говорит доктор Уотсон, сложнее всего заставить себя поверить, что случившееся было всего лишь сном. Во сне я был полностью уверен, что бодрствую, и сама мысль списать ряд престранных происшествий на умственное расстройство казалась мне смехотворной.

В тот день я пришел домой, выпил, как обычно, лекарство, лег в постель и, кажется, заснул. Не знаю, сколько я проспал, однако в какой-то момент с удивлением и испугом осознал, что парю над кроватью. Ощущение такое, словно плывешь в воде, — только здесь не нужно прилагать ни малейших усилий: я мог подлететь к любому предмету в комнате, просто кинув на него взгляд. Представьте, как же я был шокирован, когда увидел собственное тело, спящее в кровати крепким сном. Это было мне, мягко выражаясь, в новинку.

Я облетел комнату пару раз, наслаждаясь новыми ощущениями, потом задался вопросом, чем же занимаются мои коллеги во время моего отсутствия. В следующее мгновение я уже находился в больничной палате. У дальней койки стояли доктор Форд с двумя медсестрами и разглядывали лежащую на столе диаграмму. По ней было видно, что пациент тяжело болен.

— Он при смерти, — раздался чей-то голос.

— Боюсь, что так, — машинально согласился я. Затем повернулся и увидел парящего в воздухе пожилого джентльмена, одетого в костюм, вышедший из моды лет сто назад.

— Печальное зрелище, не так ли? Увы, люди по-прежнему умирают, несмотря на потрясающий прогресс медицины со дня моей смерти.

— Вы были врачом при жизни? — уточнил я.

— Ну, меня считали таковым, и я обладал лицензией, дарующей право распоряжаться жизнью и смертью. Как ни прискорбно, но — вынужден признать — я умертвил гораздо больше народу, чем вылечил. Беда в том, что пациенты тоже в курсе вашей смерти и не стесняются высказать вслух много нелицеприятных вещей. Не далее как сегодня вечером я услышал, что призрак одного моего бывшего пациента дал торжественное обещание выследить меня и хорошенько поколотить. Ведь я лечил его от почечных колик, а он умер от аппендицита.

— И какое же заключение о смерти вы ему выдали? — поинтересовался я.

— Умер от болезни сердца. Заметьте: тот диагноз был намного ближе к истине, чем те, которые, бывает, ставят врачи теперь.

— Спасибо за лестный отзыв, — ответил я холодно.

— Конечно, я могу ошибаться. Но раз вы считаете, что моя критика излишне жестка и несправедлива, перейдем к голым фактам. Вы когда-нибудь задумывались, почему так мало людей в истории доживало хотя бы до 125-летнего возраста? Ведь нет никаких объективных доводов против. Как известно, в библейские времена было множество долгожителей, которые отмечали и трехсотый день рождения, а один старик по имени Мафусаил утверждал, что ему 999 лет.

— Разве не 969?

— Возможно. Так или иначе, я и сам отношусь скептически к возможности столько прожить, однако в пользу библейской версии говорит то, что он дожил до 969, а не до круглой даты в 1000 лет. Конечно, вы в курсе, что и в наши дни есть долгожители, которым перевалило за 100, и даже те, кому больше 125; что живут они в основном в Болгарии, Мексике или каком-то другом труднодоступном, удаленном от цивилизации месте, и очень умеренны в еде и питье в силу своей бедности.

— Стало быть, по-вашему, секрет долголетия — в правильной диете?

— Отчасти — в этом, отчасти — в бережном отношении к нервам. Впрочем, давайте спустимся вниз: ужасно хочется покурить.

Мы плавно влетели в рабочий кабинет, оказавшийся пустым. Призрак врача взял с каминной полки папиросу, уселся в кресло и с явным удовольствием затянулся. Я заметил, что дым, который он вдыхал, просачивался сквозь прозрачное тело.

— Дорогой коллега, — начал он проникновенную речь. — Вы наверняка в курсе, что все болезни вызывают микробы — микроскопические жучки, многие из которых невидимы не то что невооруженным глазом, но и в обычный микроскоп. Их тысячи, миллионы, и у каждого только одна цель в жизни — охотиться, убивая других микробов. В человеческое тело они проникают ежесекундно: через легкие, когда человек делает вдох, через желудок, когда он ест и пьет, через кожу и не только.

Микробы сталкиваются с естественными врагами, живущими в человеческой крови — эдакими телохранителями, — и погибают. Но если

нападающих слишком много или же защитники по какой-то причине ослабли, то захватчики укрепляются на захваченной территории, растут и множатся — а человек впадает в так называемое больное состояние.

— Итак, — продолжил он, — предлагаю отправиться в мою лабораторию: я кое-что вам покажу. Проще один раз увидеть, чем тысячу раз объяснить на словах.

Мы плавно переместились в лабораторию. Призрак взял с полки бутылку с широким горлышком и поднес к свету.

— Это — культура микроорганизмов, — сказал он. — Разумеется, вы знаете, что бактерии специально выращивают для экспериментирования. Не нужно пояснять, как они образуются — в молоке, в говядине и так далее. Вот здесь — бактерии дифтерии, здесь — туберкулеза, здесь — брюшного тифа... Вон в той маленькой скляночке бациллы холеры — появились совсем недавно. Взгляните-ка на эти тифозные бактерии: если взять каплю крови здорового человека и поместить их туда, они бы враз ожили и забегали. А в крови уже больного они быстро притихнут. Видите эту «тупо-

носую» бактерию, которую еле-еле удается различить даже этим превосходным микроскопом? Наш старый приятель — бацилла туберкулеза. Однако на первый взгляд ее не отличить от вируса проказы.

Все эти микробы хорошо известны, однако есть и другие — пока не признанные научным сообществом, но тоже заслуживающие внимания. Как бы именитые ученые изумились, если б заглянули сюда! Вот этот зеленолапый питается бактериями тифа. Когда врачи узнают о его существовании, можно будет просто прививать больному тифом зеленолапых, а те сами сделают остальное.

Это микроб с желтыми полосками похож на картофельную бактерию. Он — ее смертельный враг, и при первой же возможности попытается ее поглотить. Впрочем, по силе они примерно равны. Как-то ночью мы с другим призраком заключили пари и провели чемпионат из семи боев между бактериями. Я выиграл. После первых шести схваток счет был три — три, но потом моя полосатая бактерия повалила туберкулезную и встряхнула, как терьер — крысу. Я и мой коллега сами едва не подрались за микроскоп — такое было зрелище. Вон мой чемпион — тот, что без четвертой лапки.

— Так как же вы собираетесь победить старость? — спросил я.

— Разумеется, люди по-прежнему будут умирать от старости, однако до 150 лет — это вовсе не «старость». На самом деле старость — это изменение нервных тканей в теле человека и уплотнение артериальных сосудов. Первое вызвано неоптимальными условиями жизни, нервным стрессом и напрасной тратой сил, второе — алкоголем и перееданием. Проблема в том, что обычно человек поглощает много азотсодержащих продуктов вместо того, чтобы ограничиться диетой из орехов, фруктов, молока... У молодых людей сегодня часто наблюдаются изменения нервной ткани — характерные признаки неврастении. Тут поможет гальваническая терапия. Полагаю, со временем вы лично убедитесь, что при правильном питании и периодической терапии человек может дожить — если не считать, упаси боже, насильственную смерть — до 200 лет.

— Вы хотите сказать — когда мы научимся справляться с любыми вирусами, стравливая их с естественными врагами? — уточнил я.

— Именно, — кивнул призрак. — Впрочем, давайте ненадолго прервем беседу. У меня пересохло в горле. Предлагаю зайти в «Вальдорф» и насладиться тамошними напитками.

— Но как вы будете пить? Вы же нематериальны.

— Очень просто. Хоть я и не в состоянии пить, я могу летать по бару и вбирать в себя великолепные ароматы; в моем эфирном состоянии я наслаждаюсь ими ничуть не меньше, чем когда-то — настоящими винами.

Мы полетели к великолепно освещенному отелю «Вальдорф». В баре веселилось много народу. Мы с призраком врача плавали над столиками и с удовольствием вдыхали тонкие ароматы, исходящие от напитков, которые так милы нынешнему поколению.

Вскоре, к моему раздражению, спутник начал петь — видимо, сказалось действие паров спиртного. Он вел себя все развязнее, и я еле-еле отговорил его от идеи смести все стаканы со столов. В конце концов мне удалось вытащить его из бара на улицу. Он что-то заорал, и я испугался, что нас арестуют за нарушение общественного порядка.

— Пожалуйста, тише, — просил я. — Видите полисмена на той стороне улицы? Если вы и дальше будете кричать, у нас возникнут неприятности.

— Ха, полисмен? — икнул призрак. — Да какое мне до него дело? Смотри — сейчас я двину ему прямо в живот.

Несмотря на мои увещевания, он направился к стоящему на углу служителю порядка, который глазел на симпатичную девушку, разглядывавшую украшения в сияющей разноцветной витрине. Я был сыт по горло моим спутником и мысленно пожелал оказаться дома.

В следующее мгновение я уже парил над кроватью. Мое тело по-прежнему спало спокойным сном. Я порядком устал, но не забыл о нашей с доктором договоренности и немедленно сел за стол, чтобы записать результаты эксперимента. Вскоре я внимательно перечитал написанное, чтобы удостовериться, что ничего не пропустил, вернулся в собственное тело и заснул. Когда я проснулся, в окна уже бил дневной свет. Не знаю, было ли все остальное сном, но лежащие на столе исписанные листки выглядели вполне настоящими.

Перевод с английского Евгения Никитина.

Елена ПОНОМАРЕВА

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С РЕДАКЦИЕЙ

Здравствуй, любимая с юности «Юность».

Я, Елена Пономарева (1958 г. р.), педагог и художник в Центре дополнительного творчества. Создала кукольное объединение «Закулисье», для которого пишу пьесы в стихах. Член поэтического клуба «Диалог» при ЦБ г. Саратова. Публиковалась в журнале «Три желания» (Рязань), альманахе «Нетерпеливые строки» (Саратов).

Немного пишу прозу, но поэзия в жизни занимает главное место. Прошу оценить («заценить») мои творения, и... кто знает? (Хотелось бы.)

Люблю и буду любить вас несмотря ни на что и шлю со стихами моего Пегасика...

Ваша Елена Александровна

Уважаемая Елена Александровна! Ваши стихи планируем на восьмой номер в раздел «Творческий конкурс». От Вас требуется фотография, и можно несколько расширить Вашу биографию (по желанию). Ждем. Хорошего настроения!

«Юность»

Здравствуйте и богатейте с каждым днем! Друзьями, талантами, успехами! «Юность», я вернулась!

Поэт во мне заговорил в пять лет:

Старенький, старенький
Чемоданчик маленький.
В чемоданчик Дед Мороз
Положил охапку роз.

В детском саду ребята бегали за мной: «Сочини про паучка! Сочини про лягушку!» Я, довольная многочисленными «фанатами», старалась на все лады. В школе по любому поводу писала стихи. А выпускное сочинение на тему «Тридцать лет победы над фашизмом» в стихотворной форме получилось на шесть тетрадных листов. Гордилась собой, поэму написала. Помню только начало:

Ты, Россия, с шеей лебединой,
С тонкими стеблями рук,
Нам дала пшеничные долины
И лесов могучих сплав и сруб...

В восемнадцать, как многие (не каждый), заставляла себя писать стишки про любовь, которой еще не постигла. А к двадцати, окончательно придя к выводу, что стихи мои — дрянь, сожгла несколько исписанных тетрадей и забыла о сочинительстве.

Очень хотела поступить в университет на филологический, но неуверенность в себе помешала осуществить мечту, как и другую — отправить творения в «Юность». И полжизни доставала из переполненного почтового ящика возвращенные редакцией толстые письма с рукописями (во снах).

Окончила СГАУ имени Н. И. Вавилова. Сменила множество профессий и только выйдя на пенсию обрела свободу. Сначала писала прозу, потом вернулись стихи. Прошла профессиональную переподготовку по специальности «педагогика и психология».

Вы подарили мне несказанную радость, счастья вам всем!

Елена

Сорвав печать зимы

Часы переведу назад на зимний час,
С натугой подкрутив упрямую пружину.
Кукушка впопыхах простонет
лишний раз,
Презрев наказ богов — нести повинность
джинна.

Маячит за окном пернатый огонек,
Выводит по стеклу загадочные руны.
Быть может, для меня удачливый денек
Найдется в закромах у скаредной
фортуны.

Наличников узор ласкает желтый карл,
Сорвав печать зимы, скрепившей горстку
крошек.
Задернут старый тюль, но ангельский
хорал
Поет, что божий час все ближе и дороже.

Уж благовест спешат клепать колокола,
Смывают тайный грех распахнутые воды.
Клонит нагую плоть уставшая ветла,
Чиста, как детский смех пред Богом
и природой.

Мартовский кот

На цепочке, в парадной, сквозняками
простужена дверь.
Окосевший глазок озирает этажный
пролет.
Крутит в чьей-то постели свой
ободранный хвост, что ж теперь...
Не заводит карманных часов старый
мартовский кот.

Самоварная баба, чай с душицей
прикрыв подолом, ждет.
Складки скатерти белые тщетно гладит
луна.
Прозевав пассажира, спит ночное такси
под окном.
Кот гуляет по крышам и сам по себе, чья
вина...

Час ночного дежурства одиноко
скучавшего бра.
Кресло, утлые плечи расправив, устало
вздыхать.
Ночью черною мартовскою с вечера и до
утра,
Волком вой иль кричи, но бродягу-кота
не сыскать...

Ковровый пес Эвтерпу сторожит

Родился внук,
И как его наречь,
То не моя досужая забота.
Меня волнует непрямая речь,
Деепричастные тревожат обороты.

Ковровый пес
Эвтерпу сторожит.
Седой паук плетет бесстрастно сети.
Меня склоняют к строчкам падежи
Абстрактных языков, звучащих на планете.

Сорву с губы
Нестройных строчек рать.
Свой юбилей, загнав до краски в дамки.
Для оды ритм желаю подобрать,
Чужие речи втиснув в грамотные рамки.

Вспахать должна
Словарный огород
Во избежание противоречий.
Сбежало кофе, перепутав род.
Вспотела в поисках ему фигуры речи.

Зажгу свечу
С перст Богу, черту с пест.
Себе не жду от неба вдохновенья.
Сошью стихи, измерив анапест,
Сняв мерки с дактиля и заодно с хорея.

Крою по бук-
вам, сборка по слогам.
Доверю стилю новое творенье.
Заждался внук от бабки пирога,
Не замочив усы в малиновом варенье.

Люблю поэтов маленького роста!

Как весной без особых причин
В деревах наливаются соки,
Загорается глаз на мужчин,
На поэтов совсем невысоких.

Наловчилась не спать по ночам,
Колобродить в кустах до рассвета

И внимать величавым речам
(метр в шляпе) любимого Фета.

Хоть Светлова слова горячи,
В уши пальцы втыкаю и снова
Полечу, лишь прошепчет в ночи
Тихий голос поэта Рубцова.

Отвечая на важный вопрос,
Уже сбилась со счету кукушка:
Сколько раз целоваться взасос
Позовет за околицу Пушкин?

Маяковский, ты в дверь не стучи,
Я тебя не впущу даже в сени.
Петухом у ворот не кричи,
Может в них появиться Есенин.

Шлет сонеты поэт Пастернак.
Лижет раны, рыдая с похмелья.
Но готовый сразиться Маршак
На стихах призывает к дуэли.

Труден выбор, не счесть vis-a-vis,
По весне я, собой не владея,
Говорю: такова C est La Vie,
Жизнь-жестянка, судьбина-злодейка.

г. Саратов

Анна ПОПОВА

Уважаемая редакция журнала «Юность»!

Хочу предложить вам свой рассказ «Бабье лето». У меня уже есть несколько опубликованных рассказов, написанных для журнала Судейского сообщества Рязанской области «Буква закона». Рассказ «Бабье лето» нигде не публиковался. Я много лет занимаюсь историей судебного ведомства, поэтому в основу рассказа положены реальные исторические факты, хотя в целом сюжет выдуман. Надеюсь, что он вас заинтересует.

С уважением, Анна Попова

Анна Попова родилась в Рязани. В 1989 году окончила факультет истории и английского языка Рязанского государственного педагогического института (ныне Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина). Будучи студенткой, увлеклась научной работой, работала в архивах, участвовала в научных конференциях. Два года преподавала в школе, затем поступила в очную аспирантуру на факультет государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова. Защитила кандидатскую диссертацию по истории реализации судебной реформы 1864 года. Вернулась в Рязань и стала преподавать в рязанских вузах, продолжая научную работу. Прошла путь от старшего преподавателя до профессора. В МГУ защитила докторскую диссертацию по истории, которая также посвящена эволюции судебного ведомства. С 2003 года начала сотрудничать с Рязанским областным судом, ведет историческую рубрику в журнале Судейского сообщества Рязанской области «Буква закона». В журнале публикует не только научные статьи, но и художественные рассказы по материалам реальных уголовных дел. Автор двух монографий, ряда научных статей, кроме науки интересуется фотографией и любит путешествовать.

Бабье лето

Солнечные лучи заглянули в комнату по-хозяйски. После двух недель дождей, когда солнечные лучи только изредка робко выглядывали из-за туч, солнце наконец осветило рязанскую землю. Следователь по Михайловскому уезду Рязанского окружного суда губернский секретарь Иван Васильевич Зазнаев встал из-за стола и подошел к окну. Открыл форточку и с наслаждением вдохнул свежий воздух. Он сидел за письменным столом с самого утра уже несколько часов и изрядно утомился. Требовалась небольшая передышка. За окном был сентябрь. Выглянувшее солнце украсило картину увядающей природы. Березы и рябина под окном были только тронуты желтизной, красивые красные грозди выделялись на фоне пока еще темной листвы. Осеннему солнышку радовалось все живое. Шустрые воробьи начали резво скакать с ветки на ветку. Сердитая ворона тяжело опустилась на ветку березы и стала крутиться из стороны в сторону, словно проверяя порядок на вверенной территории. Под березой Зазнаев увидел двух котиков. Они явно были из одного помета, одного возраста и практически одинаковой расцветки — совсем еще молодые звери, даже не вышедшие из кошачьего детства. Братьям солнечная погода явно пришлась по нраву, и они устроили веселую возню: носились друг за другом, прятались за стволами деревьев и пучками травы, боролись. Потом один из котиков с разбегу запрыгнул на ствол березы и оглянулся на брата. «Ну ты чего там, давай за мной!» — говорил его взгляд. Его собрат нашел другое интересное занятие: он объявил охоту на тень от березовой веточки, которая качалась, как живая, и перемещалась по земле. Котик несколько раз попытался подцепить непослушную цель лапкой, в это время его брат залез еще выше и продолжал бросать призывные взгляды вниз. Но на земле шла тщательная охота за тенью. Подростку пришлось спуститься вниз и подбежать к брату. Через секунду на земле уже катался лохматый клубок из лап и хвостов. Однако борьба была шуточной, вскоре один котик побежал в сторону, а брат кинулся его догонять.

Зазнаев смотрел на эту сценку с некоторым умилением. Особым поклонником кошачьего рода он не был. Однако сегодня он порядочно устал, а забавное представление позволило чуток расслабиться и отвлечься. Он даже позавидовал этим двум беспечным существам, которым не надо нести службу, писать бесконечные бумаги...

«Надо в выходные по грибы сходить. Дожди шли долго, сейчас солнце выглянуло. Если несколько дней солнышко землю погреет, то грибы пойдут. В дубовой роще всегда белых много. Их жареными к картошке хорошо», — подумалось ему.

В прогнозе относительно грибов Зазнаев не ошибся. После затяжных дней наступили солнечные дни. Котики не зря так радовались: они нутром чувствовали улучшение погоды. Грибы пошли активно и дружно. Из леса потянулись вереницы грибников с полными корзинами ароматной добычи. А вот собственные планы следователю строить не приходится: в самый неожиданный момент могут вызвать на место происшествия. Никто не считается с тем, что у следователя выходной, что ему охота по грибы. Люди продолжают красть, убивать, творить другие непотребства независимо от планов правоохранителя. А потерпевшим защита нужна немедленно. Они не могут ждать, когда следователь сходит на тихую охоту или свершит другие свои дела. Они подают заявления в любой день. Затем и существует должность судебного следователя, затем и платит государство ему весьма неплохое жалование, чтобы обыватели могли получать защиту незамедлительно.

Однако пока Иван Васильевич питал надежды на приятные выходные и не догадывался, какой сюрприз ему подкинет служба. Утром в воскресенье он проснулся в хорошем настроении. Солнце светило добросовестно всю неделю и сегодня не обмануло: комната была ярко освещена.

«Грибов будет много», — с предвкушением удовольствия от прогулки по лесу Зазнаев сел завтракать. Домашняя работница нажарила к завтраку оладий с яблоками. Макая румяные кругляши в розетку со сметаной и откусывая кусочки нежного теста, следователь с наслаждением думал о том, что

вечером он сможет отведать картошки с жареными грибами. Он не допускал, что вернется из леса с пустой корзинкой.

Неожиданно в дверь постучали. Иван Васильевич огорченно опустил руку, которую протянул за новым кулинарным шедевром. Опыт службы и интуиция безошибочно подсказывали, что стук возвещал о новом деле. И он не ошибся. Послышался разговор прислуги с посетителем, а вскоре дверь отворилась, и на пороге появился мужчина, одетый в традиционную крестьянскую одежду.

— Слушаю тебя, — обреченно вздохнул следователь. Идея прогуляться в осеннем лесу была погребена служебным долгом.

— Так у нас это, душегубство, барин, — растерянно произнес крестьянин.

— Не понял, убили кого? — спокойно вопрошал Иван Васильевич.

Он уже привык, что шокированные преступлением люди путано и несвязно сообщают обстоятельства дела. Служебный опыт выработал привычку не раздражаться, а терпеливо направлять разговор с собеседником в деловое русло.

— Да, мы пришли, а она вся в крови, — выдал очередную порцию сумбура крестьянин.

— Нет, так дело не пойдет, — вздохнул Зазнаев. — Давай по порядку. Ты кто и из какой деревни?

— Из Глухаревки мы, — наконец дал четкий ответ посетитель.

— Ты староста?

— Да, староста.

— Зовут тебя как?

— Матвей Сидоров.

— Сидоров фамилия или твой батяня был Сидором? — Следователь хорошо уже усвоил, что у крестьян отчество пишется без суффиксов «ич» или «овна». Фамилия и отчество на слух воспринимались одинаково — Петр Иванов Сергеев, то есть Петр Иванович Сергеев.

— Нет, это фамилия, а батяню моего Семеном звали, — пояснил староста.

— А вот теперь, Матвей Семенович, мне четко и кратко скажи, что у вас случилось. Кого вы нашли?

— Наталью Ефремову.

— Она жительница вашей Глухаревки?

— Да.

— Так, где вы ее нашли?

— В сарае ихнем, она вся в крови лежала.

— А кровь откуда, она ранена была?

— Да, ранена, у нее на шее рана большая, может, и не выживет.

— Так она живая? — изумился следователь. — Ты же сказал «душегубство», я подумал, что все, уже убили. Где она?

— Мы ее в больничку свезли, сюда, в Михайлов, врач сказал, что шансов немного, она крови много потеряла, — растерянно продолжал повествование староста.

— Она не в сознании? Не говорила, кто ее?

— Нет, она без памяти была, и когда мы ее в больницу доставили, она в себя не приходила.

Следователь задумался. О пропавшей грибной охоте он уже не думал. Он прикидывал, с чего начать. С одной стороны, надо как можно скорее допросить потерпевшую. Вдруг она скажет, кто на нее напал, надо ловить злодея быстрее, пока не сбежал, но если она без сознания, то поездка в больницу будет пустой тратой времени. С другой стороны, и место происшествия тоже надо осматривать как можно скорее. Важна каждая деталь, а несведущие в правовых вопросах крестьяне могли из лучших побуждений нарушить обстановку на месте происшествия. Его богатый опыт был полон грустных воспоминаний, когда к прибытию следователя место происшествия убирали, стирали пыль, уничтожая улики.

Поэтому, поколебавшись, Зазнаев все же решил ехать в село. Если женщина была доставлена в больницу без сознания, то его вряд ли к ней пустят.

— Ты на телеге? — обратился он к старосте.

— Да.

Перспектива трястись в телеге по разбитой сельской дороге не радовала.

— А Глухаревка — это та, что в пяти верстах от Михайлова?

— Да, мы недалече живем. Вот и повезли Наталью сюда, в город.

Тут у следователя мелькнула мысль, как можно получить, хоть частично, компенсацию за испорченный выходной.

— Ты давай езжай на телеге, а я рядом с тобой на велосипеде поеду.

Зазнаев любил кататься на велосипеде. Стоял 1902 год, в России начинали увлекаться велосипедным видом спорта. Во многих городах создавали велосипедные клубы, проводили соревнования, совершали коллективные велосипедные прогулки за город. Иногда можно было видеть даже барышню на велосипеде, хотя это вызывало неоднозначную реакцию. Некоторым появление барышни в седле велосипеда казалось самым настоящим попранием нравственности. Правда, велосипед — удовольствие недеше-

вое. Стоимость его доходила до шестидесяти пяти рублей. Не такая уж маленькая сумма, если учесть, что зарплата рабочего в месяц в среднем составляла двенадцать-пятнадцать рублей. Поэтому велосипед был причудой людей обеспеченных. Сам Зазнаев получал тысячу пятьсот рублей жалованья в год, поэтому мог себе позволить трату. Да и для его профессии это была не пустая забава, а существенное подспорье. До не очень удаленных деревень проще было в сухую погоду доехать, оседлав железного коня, чем выпрашивать у земства повозку.

По дороге Иван Васильевич узнавал детали о жизни и семье пострадавшей.

— Ты мне скажи, Матвей Семенович, эта Наталья — девица или замужем?

— Замужем.

— А кто ее муж?

— Филипп Ефремов, он ее из другой деревни привез.

— Давно поженились?

— Три года уже как.

— Дети есть?

— Сынишка, года два ему. Еще в прошлом году ребеночек родился, но помер он.

— А семья большая? Там свекор, свекровь, братья мужа, другие родственники?

— Нет, семья небольшая. Мать у Филиппа давно умерла, отца он в прошлом году схоронил. Братьев у него отродясь не было, сестра была, но померла она, в реке утопла.

— То есть они втроем в избе жили? Так?

— Да, так.

— А что, в момент нападения Наталья дома одна была? Мужика ее дома не было?

— Да я не знаю, может быть, он в избе был, — пожал плечами староста.

Подъехали к деревне. Дом, где жила пострадавшая, стоял на окраине. Около него толпилось несколько баб. По покрасневшим глазам было видно, что они до слез переживали за свою односельчанку. Одна из женщин держала на руках двухлетнего ребенка.

— Это ребенок пострадавшей? — догадался Зазнаев.

— Да, в избе спал. Рядом соска была, так что он не голодный, а вот сейчас проснулся и мамку ищет, а она... — Женщина всхлипнула и утерла концом платка глаза.

— Ладно сырость разводить, может, еще все и обойдется, выживет ваша Наталья, — постарался успокоить женщин Иван Васильевич. — А вы пока за деткой ее приглядите?

— Приглядим, что же ему, помирать, что ли? — кивнула головой крестьянка и начала отвлекать ребенка от плача кленовым листочком.

Следователь приступил к работе.

— Ну, показывайте, где все случилось, — приказал он.

Вошли в сарай. Это была типичная постройка, которая есть в каждом крестьянском хозяйстве. На полках, на стенках висели, на полу лежали различные атрибуты нелегкого крестьянского быта и труда: хомуты, седла, горшки, серпы и прочие вещи. На полу рядом с опрокинутой небольшой скамейкой виднелась темная лужа.

— Вы здесь ее нашли? — спросил Иван Васильевич, указывая на пятно.

— Да, здесь, — кивнул головой староста. — Ее кровушка.

— А кто ее нашел?

— А вот Митрофановна, соседка ее, она еще ребенка ее на время взяла.

— Зови ее.

Пришла Митрофановна — рыхлая баба, традиционная понева делала ее еще толще. Испуг на ее лице мешал понять, сколько ей лет, но приглядевшись, следователь решил, что ей около тридцати. Уже не молодуха, ребятишек уже, поди, десяток.

— Рассказывай, как нашла соседку свою.

Женщина, вздыхая и охая, поведала, что пошла к соседке с просьбой взять рубель на время, ее сломался. В доме она никого не обнаружила, кроме спящего малыша. Не найдя хозяйки, она пошла во двор. И какая-то сила ее подтолкнула в сарай.

— Зашла, матерь Божья, а Наталья лежит на полу, горло у нее перерезано, кругом кровь! — запричитала крестьянка.

— А предметы так же все стояли, вы ничего не трогали? — уточнил Зазнаев.

— Ничего не трогали, вот только нож у нее из рук взяли и вон туда положили, — ответил староста.

— Что, у нее был в руках нож? — удивился Иван Васильевич.

— Да, вон он лежит.

За опрокинутой скамейкой действительно лежал нож, он был весь в крови. Следователь аккуратно взял нож кончиками пальцев и извлек его из-под лавки. Он показал находку крестьянам и спросил:

— Кто-то видел этот нож ранее?

Несмотря на то, что лезвие ножа и частично ручка были в засохшей крови, разглядеть его было можно. Это был стандартный нож, такими пользовались во многих домах. Поэтому присутствующие покачали головами.

— Вроде как видела я у Натальи такой, — растерянно произнесла соседка.

— Значит, это ее нож? — спросил следователь. — Может, на ноже были какие-то особенности — царапины, рисунки, выщерблинки?

— Да нет вроде, обычный нож, — покачала головой женщина.

«Нож стандартный, такие обычно в каждой второй избе есть. Может, это нож потерпевшей, а может, и нападавшего. Но! Если это нож пострадавшей, но нападавший должен быть ранен, кровь-то его тогда! Причем ранение должно быть нешуточное, нож сильно в крови испачкан. А если так, то могут быть следы крови уже самого преступника. И в больницу он мог обращаться, вот тут его можно поймать», — рассуждал Зазнаев. Он стал проверять предположение о возможной ране у преступника. По идее, если злоумышленник ранен, должна быть цепочка капель от места нападения к выходу из сарая. Однако кровь виднелась только там, где нашли несчастную женщину. В сарае не было никаких следов присутствия другого лица. Пол, конечно, деревянный, следы после нескольких дней сухой погоды на нем плохо видны, но все же... Если Наталья боролась и ранила нападавшего, то следы должны были остаться: что могло упасть, что-то опрокинуться. А тут только скамеечка опрокинута, остальное явно на месте.

Вышли из сарая. Зазнаев тщательно осмотрел землю вокруг. Нигде не видно следов крови! Трудно сказать, женщина зашла в сарай одна или кто-то еще был. Но если она ранила преступника, то не мог он не обронить ни капли крови при таком-то ранении!

«Значит, все же это ее кровь, не она ранила нападавшего, а он ее», — подумал Иван Васильевич.

Пошли осматривать избу. Обычная крестьянская изба со стандартным набором вещей. Вызывал вопрос идеальный порядок в избе: все вещи на месте, ничего не валяется, дверцы шкафов закрыты.

«Если напали с целью грабежа, то беспорядок должен быть», — опять пришла мысль в голову Зазнаеву. Он не раз бывал в избах крестьян или в квартирах состоятельных людей, куда проникали воры или грабители. Все они походили друг на друга: беспорядок, выброшенные из ящиков вещи, открытые шкафы, нередко вспоротые подушки, диваны. Порядок оставался только тогда, когда грабители знали, что где лежит. И искать преступников надо было среди окружения потерпевших. Но эта семья не походила на зажиточную. Возможно, и есть за образами несколько купюр, но особых предметов роскоши не наблюдалось. Хотя за образа Зазнаев заглянул: действительно, одна трехрублевая купюра и несколько монет.

«Значит, все же не ограбление», — заключил следователь и задал очередной вопрос:

— А где ее муж?

— Мы его с утра не видели, — покачали односельчане головой.

— А где он может быть? Мне надо, чтобы кто из домашних осмотрел вещи и сказал, не пропало ли чего, — пояснил Зазнаев.

— У него есть приятель в соседнем селе. Он время от времени к нему ходит, — пояснил один из мужчин.

У Зазнаева мелькнула мысль: «А уж не имела ли место здесь семейная ссора? Может, муж ее? А она его?» Основания для такого предположения были. Он работал следователем уже не первый год и подобных историй видел немало. То муж жену поколотит так, что она потом охает месяц, то жена приложит мужа ухватом так, что он потом голову в руках носит несколько дней. Через пару минут он получил первые подтверждения этой версии. На улице послышались какой-то шум, ругательства, а потом и крик:

— Наталья, ты где? Иди мужа встречать! Иди, потаскуха ты эдакая.

Далее последовал ряд нецензурных ругательств, которые явно были адресованы пострадавшей.

«Муж пришел!» — догадался Зазнаев. Однако муж говорил с женой как со здоровой. Хотя и спектаклей, когда разыгрывали незнание о происшествии, следователь видел немало. Вначале изобьют или убьют, а потом сами в полицию бегут, чтобы подозрение от себя отвести. Он поспешил выйти на улицу. Во дворе стоял детина в явном подпитии. Небрежно одетый, в помятой одежде, заляпанных грязью штанах, пьяный, он имел отталкивающий вид. Покачиваясь и сплевывая прямо под ноги, он звал жену набором самых непотребных слов.

— Ты муж Натальи? — спросил следователь.

— Ну, я. А ты что за хрен и какого рожна тут делаешь? К бабе моей пришел? Так я ее...

Далее пошел ряд новых ругательств, но ими мужчина не ограничился. Он недвусмысленно подобрал с земли палку и угрожающе пошел на Зазнаева. Однако как только он поднял руки, Иван Васильевич

перехватил ее, привычным жестом завернул за спину и повалил мужика на землю. Подобных эпизодов встречалось в его служебной деятельности много, и он мог постоять за себя. Оказавшись на земле, пьяный пытался некоторое время рыпаться, но следователь навалился на него и угрожающее произнес:

— Если не успокоишься, то сейчас башку тебе прострелю. Вообще-то я следователь и за нападение на меня можно в Сибирь пойти.

Мужик еще некоторое время пытался сопротивляться, правда, без особого энтузиазма, а после пары рывков за вывернутые руки затих.

— Так, давай вставай и отвечай: ты муж Натальи Ефремовой — Филипп Ефремов?

— Ну, я. А что? Что случилось-то? Где баба моя? — До мужика медленно доходило, что произошло что-то неординарное.

— Жену твою нашли в сарае с глубокой раной на шее. Она в больнице, — пояснил Иван Васильевич, а затем решил: — Ты в город со мной поедешь.

— Это еще зачем?

— Проспишься и показания будешь давать.

Бедному старосте опять пришлось гонять свою лошаденку в город: пьяного Ефремова посадили на телегу, связали ему руки и повезли в город. Определив задержанного в камеру, Зазнаев пошел в больницу расспросить о состоянии пострадавшей.

— Нельзя пока ее допрашивать, — объяснил следователю врач.

Доктор Карл Петрович Родионов был в возрасте, профессии отдавался самоотверженно, в любую погоду ехал в самые отдаленные уезды к нуждающимся в его помощи. Следователь регулярно общался с Родионовым по делам служебным и всегда восхищался его спокойствием и преданностью долгу.

— Она в сознании? Мне бы всего пару слов, — попытался выполнить свой Иван Васильевич.

— Она без сознания, говорить пока не может. Потеряла много крови, — разъяснил врач.

— Она выживет? Рана у нее опасная?

— Рана достаточно глубокая, но жизненно важные органы не задеты, но, как я уже сказал, большая кровопотеря. Будем надеяться, что выживет. Организм молодой, сильный. А так на все воля Божья! Приходите послезавтра, если выживет, то к этому времени в себя должна прийти.

— А у нее действительно горло перерезано?

— Не совсем. Нож прошелся по шее, потом скользнул вдоль ключиц, удар был недостаточно большой силы, чуть посильнее — и все.

— А еще никто с ранениями в больницу не обращался? — вспомнив о ноже, уточнил следователь.

— Нет, больше раненых сегодня не было, — покачал головой врач.

Зазнаев кивнул головой, примерно такого ответа он и ожидал. «Скорее всего, это муж ее, такой все может», — подумал Иван Васильевич. Однако эту версию можно было проверить только завтра, когда проспится Ефремов. Опыт подсказывал, что, скорее всего, муж сам начнет каяться в нападении на жену.

Зазнаев направился домой. С порога он уловил запах жареного. Домработница готовила ужин.

— Вам к столу огурчики соленые подать? — спросила она Ивана Васильевича.

— А ты что стряпаешь?

— Да вот картошку жарю с грибочками. Сегодня на рынке белых полно.

«Вот этим мне придется утешиться. Не состоялась прогулка по лесу, хоть так грибочков покушаю», — вздохнул Зазнаев.

На следующий день он допросил мужа пострадавшей.

— Где ты был в ночь с субботы на воскресенье? — Глядя на заплывшее лицо и грузную фигуру, следователь все больше и больше склонялся к мысли, что происшедшее в сарае могло быть результатом семейной ссоры.

— У приятеля я был в соседней деревне Индеевке.

— Что делали? — Впрочем, ответ был и так ясен — пили хорошо и много.

— Ну, посидели мы с товарищем моим, за жизнь поговорили.

— Пили?

— А что? Имею право!

— Как приятеля зовут?

— Гаврила Семенов.

— Во сколько пришел к Семенову?

— Около семи вечера, только смеркаться начало, и утром ушел.

— Кто на жинку твою мог напасть, знаешь?

— Откуда?! Да кому эта шалава нужна!

— Почему шалава? Она что, не верна тебе?

— Да все бабы — дуры и потаскухи.

— Я так понимаю, напрямую с полюбовником тебе жену не удавалось поймать? Или все же удавалось?

— А че ее ловить? Потаскуха и есть потаскуха!

— Но ведь с другим ты ее не застукал? Нет или да? Ты можешь четко ответить на этот вопрос?

— Ну, не ловил. И что с этого? — несколько замявшись, проговорил задержанный.

— Тогда с чего ты решил, что твоя супружница неверна тебе? Может, она куда-то уходила надолго без твоего ведома?

— Да она только бы посмела!

— Тогда с чего?

— Так все они, бабы, одинаковые! Потаскухи, и все!

Зазнаев понял, что семейная жизнь Натальи Ефремовой была несладкой: муж, преисполненный пустой ревности, изматывал нелепыми претензиями и пьянством.

— Ладно, еще один вопрос к тебе: тебе этот нож знаком? — Зазнаев достал из стола нож, который нашел на месте происшествия.

— Вроде наш, — пожал плечами допрашиваемый.

— Вроде или ваш? Может, есть какие индивидуальные признаки у вашего ножа — царапины, надписи?

— Да шут знает, похож на наш, а про царапинки я не помню.

Когда задержанного увели, Зазнаев стал собраться: надо ехать в Индеевку, проверять алиби этого ревнивца. Хорошая погода еще держалась, можно опять соединить полезное с приятным — поехать по делам службы на велосипеде.

Осень вступала в самую прекрасную свою пору — бабье лето. Нежное голубое небо создавало непередаваемый фон для желтеющей листвы. Мягкое солнце приятно пригревало, но не пекло нещадно, как летом. Пара нарядных сорок в белоснежных рубашках и черных сюртуках оживленно вертелась на обочине дороги. Можно было не сомневаться, что эти профессиональные сплетницы тщательно рассматривали всех проезжающих и информацию о них разносили по всему лесу.

В Индеевке он нашел старосту и попросил провести в дом Гаврилы Семенова. По дороге задал пару вопросов:

— Что про него сказать можешь?

— А что про него говорить? Живет как все, вот только пьющий он.

— Часто выпивает?

— Часто и много.

— А с кем-нибудь пьет или один?

— Когда как. Когда с нашими мужиками, когда из Глухаревки его приятель приходить — Филипп Ефремов. Вот они вдвоем любят за воротник заложить. Недели две назад так напились, что спьяну чуть дом не подожгли. А месяца два назад баню разобрали и бревна через забор кидать стали. Потом чинили ее вдвоем.

Пришли в дом. Следователь ожидал встретить рослого, широкоплечего мужика. Семенов оказался невысоким худеньким мужичком, к тому же наполовину лысым. Гостья встретил даже радушно:

— Ты к кому, барин? Может, выпить желаешь?

«Ищет, с кем выпить, так как у самого на бутылку нет», — сообразил следователь.

— А что, тебе в субботу мало было? Я слышал, что неплохо выпил тогда!

— Так разве ее мало бывает?! Мне одному пить скучно, а вот с тобой было в самый раз!

— А в субботу один пил?

— Как один? Ко мне товарищ приходил, Филипп Ефремов из Глухаревки!

Показания жизнерадостного алкоголика подтвердила и его жена.

— Да к нему как этот Ефремов придет, так они зенки и заливают по полной. Уж скорее бы он подох от этой водки, все, что есть, пропивает, — в сердцах воскликнула женщина.

— А в субботу Ефремов точно всю ночь был у вас? — уточнил следователь.

— Точно, такое разве забудешь. Мой дурак, он хоть и пьяница, но в целом тихий, а от водки даже веселым становится. Вечно его на какие глупости для смеха тянет. А вот Ефремов, он когда пьет, то злым делается, да так, что мне страшно становится: сидит, ругается, кулаком по столу стучит.

— А на кого ругается?

— Да на всех, на кого его пьяный взгляд упадет: на старосту, на соседа, на жинку.

— А ты слышала, что жинку его раненую нашли в сарае? — Если алиби подозреваемого разваливается, то надо собирать информацию где только можно.

— Слышала.

— Не знаешь, кто ее?

— Нет.

— А вообще ты знаешь жену Ефремова, видела ее?

— Видела, когда ходила в Глухаревку на свадьбу к куму.

— А не слышала, как они жили с Филиппом?

— Как все живут, не лучше не хуже других.

Из Индеевки Зазнаев уезжал в полной задумчивости. Версия о том, что Ефремов ранил жену, распалась. У Ефремова алиби. Придется его выпускать. Кто тогда? Вряд ли это был случайный грабитель. Он бы после себя большой беспорядок оставил. Может, вообще мотив нападения не финансовый? В глубине души у Зазнае-

ва вертелась одна неприятная мысль: по идее, надо проверить мысль о полюбовнике пострадавшей. Может, он ее ранил? Нож принадлежал, скорее всего, самой пострадавшей. Выходит, ее ранил тот, кто ранее этого не планировал делать. Похоже на убийство в ссоре. С кем могла повздорить женщина в сарае, да так, что чуть не поплатилась за это жизнью? Любовник? Муж подозревал, даже был уверен в неверности жены. У самого Ивана Васильевича эта версия симпатий не вызывала. Почему он проникся расположением к женщине, которую никогда не видел? Может, потому, что наблюдал, как искренне жалели ее соседки, с какой готовностью взялись присмотреть за мальцом. И все же придется работать и в этом направлении.

На следующий день следователь пошел в больницу — поговорить с потерпевшей. Доктора он увидел издали: тот курил трубку, стоя во дворе больнички.

— День добрый, уважаемый, — поприветствовал он следователя. — Пришли узнать, как наша раненая?

— Да, как она?

— Лучше, пришла в себя. Очень слаба пока, но я за ее жизнь уже не опасаюсь.

— С ней можно поговорить?

— Попробуйте, — как-то странно произнес доктор, — только недолго. Не надо утомлять больную.

В палате на кровати лежала изможденная женщина с замотанным горлом. Зазнаев не мог не отметить, что, несмотря на страшную рану и бледность, женщина красива: правильные черты лица, большие выразительные глаза.

— Здравствуйте, меня зовут Иван Васильевич! Я следователь.

Женщина повернула голову в сторону пришедших, посмотрела на них и отвернулась к стенке.

— Ты слышишь меня, Наталья? Мне нужно узнать, что с тобой произошло. Кто напал на тебя? Ты видела его? — Последний вопрос был задан исключительно для проформы: рана нанесена так, что не видеть напавшего было просто невозможно.

Однако ни на один вопрос ответа не последовало: женщина повернула голову только для того, чтобы бросить мимолетный страдальческий взгляд в сторону мужчин, и опять отвернулась к стенке.

Следователь в недоумении повернулся к врачу:

— Может, у нее что-то со слухом? Она не слышит меня!

— Нет, она слышит, я могу судить об этом достаточно точно. На все слова, предложения и просьбы медперсонала она откликается, — пожал плечами Родионов.

— Почему она тогда мне не отвечает? — недоумевал Иван Васильевич, постепенно осознавая, почему доктор на него так странно посмотрел.

— Она ни с кем разговаривает. Мы тоже пытались спрашивать, что с ней случилось. Она каждый раз отворачивается и только плачет, — вздохнул Карл Петрович.

Следователь все же сделал еще одну попытку.

— Наташа, пойми, я хочу только добра для тебя. Нужно наказать того, кто тебя чуть не убил. Скажи мне, кто тебя обидел, — обратился он к женщине.

Однако ответа не последовало, послышались только сдавленные всхлипывания. Когда пострадавшая высунула руку из-под одеяла, чтобы вытереть слезы, Зазнаев заметил на руке несколько кровоподтеков и ссадин.

— Что у тебя на руках? Откуда синяки и ссадины? Поранилась, когда падала? — Следователь не удержался от ряда новых вопросов.

Но ничего добиться ему не удалось: женщина торопливо спрятала руку под одеяло, отвернулась к стене уже всем корпусом, и только тихие сдавленные всхлипы выдавали ее сильное волнение.

Зазнаев растерялся. Он не понимал, что происходит. Обычно потерпевшие всегда с готовностью рассказывали о нападении. Он было попытался задать еще какой-то вопрос, но Родионов его остановил:

— Идемте, она не будет говорить, она ни с кем не говорит. Она здесь не произнесла ни одного слова.

Зазнаев и Родионов вышли из палаты и прошли в небольшую комнатку врача.

— Может, у нее повреждены связки и она не может говорить? — предположил Иван Васильевич.

— Нет, со связками у нее все в порядке, они не задеты, я сам ее оперировал и могу это утверждать точно.

— Тогда в чем дело?

— Не знаю. Она не говорит ни с кем.

— Но слышать она слышит?

— Да, это точно. Если санитарка окликает ее, она слышит.

— Доктор, я на ее руке заметил кровоподтеки и ссадины. Мне кажется, они не связаны с нападением.

— Правильно вам кажется, — хмуро заметил Родионов. — Я вам больше скажу, у нее все тело в синяках и ссадинах. Многие из них

нанесены намного раньше, чем с ней случилось несчастье, из-за которого она здесь. Причем все повреждения нанесены в разное время.

— Так это значит... — растерянно протянул Зазнаев.

— Да, это значит, что ее систематически избивали, — закончил врач. — Причем били достаточно жестоко.

«Муж!» — мелькнула мысль у следователя. В памяти сразу всплыла фигура пьяного Ефремова. Такой может отметелить любого, что уж говорить о хрупкой женщине.

— А она ранее никогда не обращалась к вам за медицинской помощью по поводу травм, побоев? — спросил следователь, заранее предвидя ответ. Он не ошибся.

— Нет. Крестьянки крайне редко обращаются с подобными жалобами, — молвил Карл Петрович и начал задумчиво набивать трубку.

Зазнаев и Родионов молча смотрели в окно. В этом молчании было единое понимание ситуации. В очередной раз проявилась одна мерзкая черта русского крестьянского быта: рукоприкладство в семье. В крестьянских семьях главой считался муж и отец. Он не просто решал вопросы хозяйственного значения, он имел право и был обязан следить за членами семьи, воспитывать их. Это делало жизнь женщин и детей крайне тяжелой — рукоприкладство становилось главным средством вразумления и воспитания. Били всех — детей и жен. Детей секли розгами, таскали за уши, ставили в угол на горох, причем иногда не дожидаясь серьезного повода. Считалось нормальным, что муж время от времени бьет жену с целью ее вразумления. Подумаешь — муж жену избил! Это не вызывало осуждения ни у кого, даже у самих женщин сложилось представление, что это нормально. Не зря в русский язык вошла известная пословица: «Бьет — значит любит». На некоторых крестьянок мужья не просто время от времени поднимали руку — фактически жестоко истязали. Формально закон позволял избитой женщине обратиться за защитой в полицию. Возбудили бы уголовное дело о побоях или истязаниях, и мужа отправили бы в тюрьму. Но реально такие заявления встречались крайне редко. Во-первых, остаться одной, без мужа, в сельском хозяйстве тяжело. Однако еще большее значение имели ментальные установки. Как это так — собственного мужа в тюрьму посадить? Вся деревня будет пальцем показывать. Зазнаев вспомнил, как однажды он разговаривал на эту тему с местным мировым судьей. К нему время от времени приходили женщины, особо страдавшие от домашнего мужниного «воспитания». Просили воздействовать на благоверного. Но при этом категорически отказывались давать делу официальный ход, то есть обвинять мужа в рамках уголовного процесса.

— Вот она, стоит передо мной, глаз заплыл, губа рассечена, и просит: «Заступись голубчик, совсем житья нет, скажи, чтобы не дрался», — рассказывал судья. — Я ей: мол, давай заявляй официально, тогда я его к ответственности привлеку. А она мне в ответ: «Как же я собственного мужа в тюрьму отправлю, он же вернется — убьет меня, ты, батюшка, с ним просто поговори, скажи, чтобы не дрался».

Из больницы следователь уходил в расстроенных чувствах. Женщину было жалко. И в то же время совсем непонятно, куда двигаться дальше. У мужа пострадавшей, каким бы садистом он ни был, — алиби, он в это время пьянствовал в соседней деревне. Ивану Васильевичу казалось, что факт нападения и факт систематического избиения связаны между собой. Вот только как?

«А вообще, почему я решил, что бил ее именно муж? — неожиданно пришло в голову следователю. Он шел по улицам Михайлова к себе домой, но не мог прекратить думать о деле. — Он, конечно, тип неприятный, но пока у меня нет доказательств, что избивал ее именно он. Может, был еще кто-то?» Мысль о полюбовнике у Натальи возникла снова. Она была неприятна Ивану Васильевичу. Чем-то ему эта женщина была симпатична. Однако следователь должен быть беспристрастен и проверять все возможные версии. В том числе и ту, по которой ранил Наталью ее близкий знакомый. В пользу знакомства пострадавшей и нападавшего говорило место удара. Рана нанесена спереди. Пострадавшая и нападавший стояли к друг другу лицом. Странно, что женщина не кричала, не сопротивлялась, в последнем случае в сарае был бы беспорядок. Увидев постороннего, она должна была бы хоть что-то сделать для своей защиты: схватить рубель или что-то еще. По логике, предмет должен был выпасть из ее рук в момент нанесения раны. Но на полу ничего не лежало, только скамейка опрокинулась, но, скорее всего, ее женщина сбила, когда падала. Поэтому нападавший должен быть знаком? Кто он?

Если любовник, то тогда все понятно: не сопротивлялась, так как не ожидала вреда от этого человека, не говорит, не хочет признаваться в неверности. Версия неприятная, но логичная. Словом, надо ехать в деревню и узнавать как можно больше о жизни Натальи и ее окружения.

На следующий день следователь отправился в Глухаревку. В доме пострадавшей никого не было. Где ходит Ефремов (его уже отпустили давно), неизвестно. Да он сейчас особо не нужен. Зазнаев пошел к соседке, к той самой, которая обещала присмотреть за мальцом Натальи.

Митрофановна возилась у печки. Чапельником на большой ручке она доставала из нутра печи сковородку с печеными яблоками. На полу деловито топтался малыш — сын пострадавшей.

— День добрый, Митрофановна! — поздоровался следователь.

— Добрый! — кивнула женщина.

— Помнишь меня? Я следователь, приезжал, когда соседку твою, Наталью, раненой нашли.

— Помню, чего тут не помнить? Сейчас чего приехал?

— Поговорить нужно.

— Ну, поговори, вот седай на лавку. Может, яблочка печеного хочешь? Я вот детишкам напекла. Сейчас маленько остынут, я вот Мишке Наташкиному дам.

— Давай, яблоки вещь вкусная. А что Ефремов сына не забрал к себе?

— А на что он ему? Он же даже с малыми обращаться не умеет, сказал, «пусть у тебя посидит». У мне что? У меня свои есть, одним больше, одним меньше. Пусть поживет. Что он, много съест, что ли?

Зазнаев уселся рядом со столом, Митрофановна бережно сняла со сковородки яблоки, переложила их на тарелку и подвинула поближе к гостю.

— Осторожно, покамест горячие они. А ты чего узнать хотел-то?

— Ты мне расскажи про Наталью, про мужа ее, как они жили, — попросил Иван Васильевич.

— А что про нее говорить?

— Она откуда? Местная, из Глухаревки? Родители ее тут живут?

— Нет, она вроде как из Грязева. Это верст двадцать отсюда будет. Филипп ее оттуда привез.

— Давно? Сколько лет она замужем?

— Три года. Через год ребеночек родился, Мишка. — Женщина кивнула на ребенка, который деловито обходил комнату и трогал все лавки, шкафы.

— А еще дети были?

— Родила через год еще одного, девка, кажись, была. Только умерла быстро, через месяц, что ли.

— А отчего?

— А отчего дети мрут? Заболел и умер. Бог дал, Бог и взял. Дело житейское. Я вот семерых родила, сейчас только четверо осталось, трое померли.

— А как они живут с Филлиппом?

— Как все, не лучше, не хуже, — пожала плечами женщина.

Отвечая на вопросы следователя, она не переставала хлопотать на кухне, извлекла из-под стола кочан капусты и начала его рубить, видимо, на щи.

— Ссоры у них были? Может, муж обижал Наталью?

— Да нет, вроде все как у всех было, — опять дала уклончивый ответ крестьянка.

— Ладно, спрошу напрямую — Ефремов бил жену?

— А кто не бьет? Меня мой тоже время от времени поколачивал, особенно когда только поженились.

— А сейчас?

— Сейчас нет. Ему перед другими мужиками и перед свекровью надо было показать, что он действительно мужик. А так он у меня добрый, ласковый, — улыбнулась Митрофановна, а потом добавила: — Ешь яблоки, они вкусные, остыли уже.

Она взяла под мышки мальчика, посадила его на лавку и дала ему печеное яблоко, тот сосредоточенно принялся его сосать. Зазнаев тоже взял яблоко и с наслаждением откусил румяный сморщенный бок.

— Слушай, я с врачом говорил, так он считает, что Наталью систематически избивали. Это муж ее так бил? — Следователю надоело ходить кругом и около.

— Он, кто же еще. Как напьется — так гоняет ее. Она несколько раз ко мне прибегала в крови вся, — не стала кривить душой крестьянка. — Он от водки просто зверем делается, мне Наталья сама не раз говорила.

— А пил он часто?

— Поди, каждую субботу напивался. Пойдет в соседнею деревню, напьется, а утром Наталью лупить начинает.

— Ты говоришь, что они хорошо жили?

— Так многие жен лупят, такая уж наша бабья доля. Нам Господь терпеть велел.

Зазнаев только вздохнул. Конечно, избиение жены не было обязательным атрибутом жизни каждой семьи, в некоторых

случалось наоборот, жена могла скалкой вразумить супруга, были семьи, где супруги обходились без рукоприкладства. Вот эта женщина поведение соседа Ефремова не считает чем-то необычным.

Мишка с удовольствием умял яблоко, вымазавшись от уха до уха.

— Еще хочешь? — спросила Митрофановна.

— Не, — мотнул головой мальчик.

Крестьянка стала утирать замызганную мордашку концом передника.

— У меня еще один вопрос есть, — нерешительно начал Зазнаев, теребя в руках палочку от съеденного яблока. Ему очень не хотелось задавать вопросы на эту тему. Однако долг обязывал.

— А у Натальи никого больше не было?

— Не поняла, мил человек, ты про что? — изумилась женщина.

— Наталья мужу верна была? Не было у нее полюбовника?

Женщина оторвалась от резки овощей, на ее лице отобразилось что-то вроде возмущения:

— Да как ты, мил человек, такое про Наталью подумать посмел? Она мужу всегда была верна. У нас дома рядом стоят, никогда я чужих мужиков не видала!

— А вот муж ее уверен в том, что у жены любовник имелся, — с некотором облегчением сказал Иван Васильевич.

— Подумаешь, мало ли что он уверен, это бзик у него такой. Я тебе точно говорю, чиста она перед мужем.

— А ты вечером в субботу никого постороннего около дома Ефремовых не видела?

— Нет, не было никого.

— Не было или ты не видела?

— Не было.

— А может, ты просто не видела? Ты вечером в доме была или во дворе?

— Во дворе, я в огороде весь вечер возилась!

Следователь поговорил еще с несколькими крестьянками. Выяснилось, что женщины знали, что Наталью систематически жесткого избивал муж. Они воспринимали это как норму повседневной жизни, сетовали, правда, что уж очень сильно Ефремов лютует, и категорично отвергали версию о наличии полюбовника у Натальи. Всех следователь спрашивал, не видел кто-то кого-нибудь у дома Ефремова. Но никто не заметил, чтобы в субботу в дом Ефремовых кто-то заходил.

Перед отъездом из деревни Зазнаев опять заглянул к Митрофановне.

— Слушай, а ты соседку проведать не хочешь? Может, гостинчиков соберешь, вот яблок своих печеных, и самое главное — Мишку с собой возьми, пусть с сыночком повидается!

Митрофановна согласилась. Договорились, что он приедет завтра и отвезет ее на телеге.

Следователь попросил в земстве повозку, поехал в Глухаревку и привез в больницу Митрофановну и Мишку. Врач был не против свидания, на домашние гостинцы в виде печеных яблок одобрительно кивнул, а вот ржаные лепешек оговорил:

— Ей сейчас лучше есть только жидкую или мягкую пищу, пока окончательно рана не заживет, больно ей хлеб глотать.

Увидев посетителей, Наталья села на кровати и замерла.

— Мама! — Мальчик с радостным криком подбежал к кровати.

Больная взяла ребенка на руки, начала гладить по голове и плакать. Зазнаев устроил это свидание с двумя целями. С одной стороны, он понимал, что свидание матери и ребенку необходимо. Женщина явно страдала от неизвестности, что с ее малышом. Увидев сына, она просветлела. С другой стороны, Иван Васильевич преследовал и служебную цель. Он думал, что немота женщины — следствие психологического шока и, увидев ребенка, у нее возникнет желание сказать ему что-то доброе, будет преодолен шок, она сможет говорить. Вот тогда он получит ответы на свои вопросы. Но ожидания не оправдались. Женщина и плакала, и улыбалась одновременно, гладила сына по голове, но опять молчала! Не сказала она ни слова и Митрофановне. Та тоже плакала, гладила по голове уже саму Наталью и утешала:

— Ничего, миленькая, все будет хорошо. Сыночек твой у меня, все с ним будет в порядке.

В ответ пострадавшая только поднимала на соседку полные слез и благодарности глаза и гладила ее по руке.

У Ивана Васильевича кошки на душе скребли при виде этой сцены. Ему казалось, что он заплачет сам. Дав женщинам порыдать вволю и поняв, что его задумка не реализовалась, он дал знак Митрофановне, что пора уходить.

Перед уходом он опять поговорил с врачом Родионовым.

— Карл Петрович, что же у Ефремовой с голосом? Почему она не говорит? Может быть, она потеряла дар речи не в переносном, а в буквальном смысле от стресса?

Доктор странно посмотрел на следователя, некоторое время молча перекладывал бумажки на столе, а потом наконец ответил:

— Я не знаю, медицина пока не всесильна.

Следователю показалось, что доктор что-то недоговаривает. Что-то он знает, может объяснить немоту пациентки, но молчит. Однако настаивать Зазнаев не решился. Он покинул больницу в задумчивости. В глубине сознания начал копошиться мысль, от которой ему становилось неприятно. Однако именно она могла объяснить все в этой странной истории: и молчание раненой, и порядок в сарае, и отсутствие посторонних в Глухаревке, и даже спящего рядом с соской малыша. Однако Иван Васильевич все же отодвинул догадку в глубь сознания. Прежде чем ее выпускать на волю, он решил поговорить с родителями Натальи.

В Грязево ехать пришлось уже на земской повозке. Двадцать верст ехать на велосипеде и еще обратно двадцать — получается тяжеловато. Родители Натальи, Проскурины, были в неведении относительно несчастья, которое произошло с их дочерью. Мать и младшая сестра, девица на выданье, начали причитать и всхлипывать. О подробностях семейной жизни дочери и сестры они были в курсе только отчасти.

— Вы после замужества дочери часто с ней виделись? — спросил женщин Зазнаев.

— Конечно, виделись, родная кровь все же. Внучка показывала нам. Такой хороший!

— А про свои отношения с мужем она не рассказывала? Не жаловалась?

Женщина замялась, а сестра пострадавшей оказалась побойчее:

— Наташка говорила, что невмоготу ей жить. Лютый он.

— Не понял. Что ты имеешь в виду? Поясни. — Следователь все понял, но ему нужны были развернутые показания.

— Злой. Дрался постоянно. Бил ее. Она плакала и жаловалась, что он не ласковый совсем, все время обвинял в разврате, а она честная.

— То есть он ее ревновал?

— Ага, постоянно, и ей обидно было, ведь она даже поводов никаких не давала. А он чуть что, так сразу «потаскуха» и прочие мерзости говорил.

— А поводов точно не было? — допытывался следователь, хотя вести этот разговор ему было неприятно.

— Она рассказывала, — всхлипывая, подключилась к разговору мать, — однажды она на забор горшки вешала, тут мужик какой-то подошел, спросил, как Холуевых найти. Она всего-то и сказала, что они живут через три дома. Так потом ее Филипп так избил! Говорил, что якобы улыбалась и глазки строила... А она даже улыбнуться никому не смела!

— Она еще сказывала, что каждую субботу ждала с ужасом. Он обычно по субботам к приятелю в соседнюю деревню ходил. Пил с ним, а от водки дюже злым становился. Как вернется домой, так и начинает нашу Наташеньку бить чем попало. Иногда по несколько часов издевался, — опять вступила в разговор девица.

— Да, она тут плакала, все просилась домой ее обратно взять, да где же такое слыхано, чтобы жена от живого мужа в отчий дом возвращалась? Что о нас люди подумают? Вот я ее и уговаривала потерпеть. Стерпится — слюбится. Доля наша такая женская: мужа слушаться и повиноваться, может, он подобреет потом, — поведала мать.

— Ей жить было невмоготу! Ее муж настоящий садист, неужели вам ее не было жалко?! — не удержался от эмоций Зазнаев.

— Конечно, жалко. Кровинушка наша. Но как потом людям в глаза глядеть? Они перед Богом в церкви венчаны! Многие так живут, — покачала головой женщина.

Сестра испуганно замолкла. Наверное, задумалась о собственном замужестве.

— И все такие издевательства терпят? Бить жену — это обязательно в семейной жизни? Есть семьи, которые обходятся без этого? — продолжал кипеть Зазнаев.

— Как у кого. Молодух обычно поколачивают. Конечно, так сильно, как нашей Наташеньке достается, нечасто бывает. Иногда только время от времени, и то пару раз ударят — и все. А некоторые вообще к женам ласковы, — продолжала всхлипывать мать Натальи.

Все понятно. Знали, что дочери живется несладко, но отказались принять обратно в дом, побоялись, что соседи косо посмотрят. В то время в Российской империи разводы были редкостью. Надо было спрашивать особого разрешения на это, доказывать, что жить более нельзя. И садистские наклонности мужа могли быть не приняты во внимание. Вот если бы супруг изменял... В более привилегированных слоях случалось, что жены возвращались в дом родителей, если семейная жизнь не сложилась, даже не оформив официальным образом развод. Но в крестьянской семье такое представить было трудно.

Мысль, которая копошилась в глубине сознания, оформилась в четко выстроенную версию. Версия была малопри-

ятной, даже страшной, давать ей ход крайне не хотелось, но она объясняла все. Зазнаев приехал в больницу. Ему нужно было задать один вопрос доктору.

— Скажите, а могла пострадавшая сама нанести себе это повреждение?

Родионов молча посмотрел на следователя и отвернулся к окну. Некоторое время мужчины молчали. Постепенно до Ивана Васильевича стало доходить, почему порой врач вел себя несколько странно.

— Вы поняли, что Наталья пыталась покончить с собой? — решительно спросил он доктора.

Тот не спешил с ответом, продолжал смотреть в окно. Следователь не торопил.

— Я понимал, что рано или поздно вы все раскроете. Мне все стало ясно, как только я увидел характер ранения и многочисленные следы избиений. Я не первый год работаю. Причем практикую в основном в деревне, специфику крестьянского быта знаю хорошо, и меня трудно провести. Что вы намерены делать? Предадите несчастную женщину суду за попытку покончить с собой?

В этом были своеобразие и несуразность российских дореволюционных законов: за покушение на собственную жизнь полагалась уголовная ответственность! Неудачных самоубийц судили. Статья на эту тему в уголовном законе появилась не из-за стремления сберечь человеческие жизни: просто человек, его жизнь принадлежали государству. Если все будут стреляться, лезть в петлю, то кто будет гибнуть на очередной войне, строить железные дороги?.. Если женщины станут прекращать свою жизнь по своему разумению, то кто родит тех, кто будет воевать, строить, сеять и пахать? Буква закона требовала от Зазнаева, чтобы он возбудил дело в отношении Натальи Ефремовой. Кое-какие доказательства у него были: только ленивый в деревне не подтвердил жестокое обращение Ефремова со своей супругой. Мотив налицо. Нож принадлежал самой Наталье. Свидетели, включая мужа, это подтвердили. Следов посторонних в сарае не нашли. Словом, было на чем писать обвинительный акт. В этой ситуации стало понятно молчание Натальи. Таким образом она пыталась защитить себя от возможного обвинения.

Врач и следователь продолжали растерянно молчать. Оба хорошо представляли состояние женщины в ту страшную ночь с субботы на воскресенье: она знала, что муж пошел в соседнею деревню пить с приятелем, знала, что от выпивки тот становится очень злым, знала, что последует после его возвращения — жестокая расправа непонятно за что. Знала и боялась этого. Ожидание стало невмоготу. Она пошла в сарай и решили оборвать свои мучения разом. Только рука не смогла нанести сильный удар. Были повреждены сосуды, но не жизненно важные органы. Истекая кровью, женщина упала на пол, опрокинув скамейку. Если бы у Митрофановны не сломался рубель и она бы не зашла попросить его на время у Натальи, то, возможно Ефремова добилась бы своего, умерла от кровопотери. Но судьбе было угодно дать шанс выжить.

— Если честно, я даже не знаю, что мне делать, — признался следователь. — Мне очень жаль пострадавшую. Но закон есть закон, долг есть долг. С другой стороны, даже не знаю, что для нее лучше? Вернуться к мужу-извергу или пойти по этапу?

— Может, вы и правы. Порой тюрьма меньшее бедствие, чем семейная жизнь, — покачал головой Родионов.

Было видно, что он сильно сомневается в том, что говорит.

— Я когда только начинал служить, работал в должности кандидата на судебные должности в одном из окружных судов, и мне довелось читать дело о женщине, которая специально пошла на преступление, чтобы ее осудили и отправили по этапу подальше от мужа-изверга, — поделился воспоминаниями Иван Васильевич.

Придумать нормальный выход из ситуации не получалось. По идее, надо возбуждать дело и против Ефремова. В законе есть ответственность за истязание. Но без показаний самой Натальи доказать это вряд ли получится. А она их, конечно, не даст. Ментальные установки не позволят свидетельствовать против мужа. Ее осудит все деревенская общественность. Самое главное — это не избавит несчастную женщину от суда за покушение на собственную жизнь.

В тяжелом настроении Зазнаев пришел домой. Даже картина осени не радовала. Обычно бабье лето с его пестрыми и кокетливыми нарядами увядающей природы доставляло удовольствие Ивану Васильевичу. А тут настроение — как в самые сумрачные ноябрьские дни. Несколько дней он не мог себя заставить принять решение, начать другие следственные действия по этому делу. Надо было опросить всех заново с точки зрения новой версии, задать вопросы

самой Наталье. Однако в течение нескольких дней следователь не предпринимал никаких шагов. Он каждый день направлялся на службу и исправно выполнял то, что предписывалось ему служебным долгом: писал бумаги, допрашивал людей. Однако все эти следственные действия были связаны с расследованием других уголовных дел. А их было в производстве немало: пара краж, драка, несколько дел о незаконных порубках... Он написал длинный и обстоятельный обвинительный акт о воре, который украл несколько лошадей. А вот что делать с Натальей, он не знал. Краем уха он слышал, что доктор тоже тянет резину: он не спешил выписать Ефремову, которая немного оправилась от тяжелого ранения. Швы были сняты, рана зажила, но женщина оставалась в больничной палате: отправлять ее на встречу с мужем-садистом рука не поднималась.

Развязка наступила неожиданно. Однажды Зазнаева вызвали в Индеевку: из полиции доложили, что в бане в одном крестьянском хозяйстве нашли мертвыми двух крестьян.

— Они угорели, скорее всего, ваше благородие, — предположил полицейский унтер-офицер.

— А я тогда зачем? — не понял Зазнаев.

— Ну, на всякий случай докладываю. Мало ли что?

— Ладно, поехали, посмотрим. — Какая-то сила подсказала Ивану Васильевичу, что на эту бытовую смерть надо выехать.

В Индеевке его провели к знакомому дому — тут жил как раз тот самый крестьянин, с которым пьянствовал Ефремов и который подтверждал алиби в ночь с субботы на воскресенье, — Гаврила Семенов. В небольшой баньке во дворе дома лежали тела двух мужчин. Это были Гаврила Семенов и Филипп Ефремов. Осмотр места происшествия, допрос жены Семенова позволили утверждать, что произошел несчастный случай: напившись, мужчины забыли об элементарных мерах предосторожности и угорели. Это был тот редкий случай, когда, приехав «на труп», следователь испытал что-то вроде чувства облегчения.

На обратном пути он опять погрузился в мысли о деле Натальи Ефремовой. Кажется, он знал, что надо делать. Вернувшись в кабинет, он сел за письменный стол и начал писать. Писал он не спеша, тщательно обдумывая каждую фразу. Через три часа бумага была готова. Рабочий день был закончен, но Зазнаев поехал в больницу, зная по опыту, что доктор Родионов обычно задерживается в лечебном учреждении допоздна.

— День добрый, Карл Петрович! — радостно поздоровался он.

— День добрый, — ответил Родионов, чутким ухом уловив несколько неожиданную интонацию в речи следователя.

Не тот следователь Зазнаев человек, чтобы таким тоном возвещать о намерении арестовать человека, к которому проникся симпатией. В том, что пациентка Наталья Ефремова вызывает симпатии у служителя закона, врач не сомневался.

— Я вот пришел попрощаться с вашей пациенткой Натальей Ефремовой и объявить ей, что следствие по делу о несчастном случае, который произошел с ней, прекращено. Хочу посоветовать быть более осторожной, когда полезет с острыми вещами на полку. Одно плохо, — тут Зазнаев нахмурил брови, — муж ее сегодня угорел ночью в соседней деревне. Некому несчастную теперь домой забрать. Как вы думаете, сообщить в деревню ее родителям? Может, они заберут ее?

Врач слушал с некоторым недоумением.

— Какой несчастный случай? — наконец спросил он.

— Обычный. Вот я тут написал. — Иван Васильевич показал исписанную бумагу.

Врач взял лист бумаги и стал читать. Это было официальное постановление о прекращении уголовного дела. Из него следовало, что крестьянка Наталья Ефремова полезла в сарае на полку за толкушкой. Подставила скамеечку, так как толкушка укатилась глубоко. Но и тут у нее не получилось достать. Тогда она взяла нож и хотела им подтолкнуть толкушку к себе. Однако в этот момент она оступилась, упала со скамейки и нанесла себе ножом рану.

— Логично, — кивнул головой Родионов, — как врач соглашусь, что подобное вполне могло иметь место.

Доктор слегка улыбнулся. Он был очень рад, что следователь принял такое решение. Зазнаев тоже улыбался. Никто не сможет его упрекнуть, что он поступил не по закону. Картина на месте происшествия никак прямо не указывала, что это было именно самоубийство, а не несчастный случай. Каких-либо заявлений о намерении покончить с собой Наталья не делала, по крайней мере в свидетельских показаниях этого не было.

Карл Петрович наконец осознал вторую часть сообщения следователя.

— Я не понял, что с ее супругом?

— Он угорел сегодня ночью в бане вместе со своим приятелем. Тоже несчастный случай на пьяной почве. Напились, забыли об элементарных мерах предосторожности и угорели, я был на месте происшествия, — пояснил Иван Васильевич.

— Выходит, женщина осталась одна?

— Да, свекор и свекровь тоже скончались. Может, вы возьмете на себя труд поделикатнее сообщить Ефремовой, что она овдовела? — спросил Зазнаев.

— Конечно, я постараюсь смягчить эту тяжелую новость, — согласился Родионов. — У меня будет тоже к вам просьба. Женщина пока еще слаба. Тяжелую работу ей будет трудно делать. Может быть, сообщить в деревню, откуда она родом, о случившемся? Может, родители возьмут ее обратно в дом? Насколько я понимаю, традиции крестьянского быта не запрещают женщине вернуться в дом отца.

Зазнаев согласился взять на себя такую миссию и еще раз побывал в Грязеве. Рассказал отцу и матери Натальи о переменах в жизни дочери. Мать опять начала всхлипывать.

— Вы сможете ее принять обратно?

Мать и сестра с надеждой посмотрели на отца. Тот кивнул головой:

— Конечно, родная она нам. Примем и ее, и внучка нашего. Завтра поеду и заберу ее.

— Очень хорошо, — облегченно вздохнул Зазнаев. — Внук ваш у соседки Натальи — Митрофановны. Она вам и их вещи поможет собрать.

Домой Зазнаев возвращался с легким сердцем. Похоже, что грустная история имеет неплохой финал.

На следующий день путь следователя пролегал рядом с больничкой. У входа он увидел телегу, на которой были сложены узлы и тюки. Около телеги стоял отец Натальи. Из дверей Наталья выходила, поддерживаемая Митрофановной. Рядом крутился маленький Мишка. Издалека Иван Васильевич видел, как недавняя потенциальная подследственная наклонилась и погладила мальчика по голове. При этом губы ее шевелились, она явно что-то говорила сыну. Слов следователь не расслышал: он отошел достаточно далеко, к тому же поднялся осенний ветер и сердито зашумел сухой листвой. Погода явно портилась, короткое бабье лето заканчивалось. Следователь не имел возможности заглянуть в будущее и не мог строить никаких прогнозов о судьбе Натальи. Скорее всего, родители опять постараются выдать ее замуж. В качестве жениха может выступить или вдовец, которому нужна жена, чтобы было кому за осиротевшими детками приглядывать, или солдат, вернувшийся с семилетней службы. Не факт, что новое замужество будет таким же печальным, как и первое. Вполне возможно, новый муж будет ласковым и заботливым, не будет распускать руки, станет заботиться о ней. Сейчас женщина получала небольшую передышку в нелегкой жизни русской крестьянки. Словом, бабье лето!

Рязанская обл.

Зулкар ХАСАНОВ

Я, Зулкар Хасанов, родился в 1931 году в татарской деревне Султанмуратово, что на Южном Урале, в Башкирии. Военного лихолетья хлебнул сполна, как и многие мои сверстники. В 1949 году поступил в Саратовский нефтяной техникум на отделение «Транспорт и хранение нефти и газа». Со второго курса призвали в армию. Прослужил в морских пограничных частях на Тихом океане пять лет. После службы окончил техникум, работал на Салаватской нефтебазе механиком. В 1966 году меня назначили главным инженером Калужской нефтебазы, где проработал около десяти лет, затем трудился в СКБ и в ОАСУП Калужского турбинного завода.

Россияне верят в свою победу!

Время бежит неумолимо быстро. Старшее поколение уходит. На смену ему приходит молодая поросль с новыми требованиями и амбициями. И это правильно. Только амбициозным людям удается достичь своих целей. В последние годы Россия достигла значительных успехов в науке, образовании, строительстве и во многих других сферах.

Радуюсь каждодневным успехам, достижениям страны.

Но как много надо еще сделать, чтобы Россия жила достойно и благополучно! Конечно, во многом этому мешают наши внешние недруги. Лакомые кусочки российских земель всегда вызывали у врагов России зависть и жажду захвата наших нескончаемых богатств. В результате этого Россия пережила в своей истории много бед и страданий, сражений, войн и революций. XX век был к нашей многострадальной стране крайне немилосерден. Попытки помешать нашему созидательному труду существуют и поныне.

И все же мы, как мне кажется, сейчас живем намного лучше, чем раньше. Да, перестройка и последовавшая вслед за ней приватизация поделила нас на бедных и богатых. Но как хочется, чтобы все жили хорошо, безбедно, без войн и национальных распрей. Ведь Россия всегда была богата патриотами, которые ратовали за лучшую жизнь для простых людей.

Вспомним хотя бы декабристов, которые хотели свободы, независимости для русского человека после войны 1812 года. Их намерения провалились из-за недостаточной организованности, опыта, частично предательства в рядах декабристов.

Революция гласности 90-х годов, проведенная крайне спешно и непродуманно, принесла немало горя. Наш народ доверчив, этим и воспользовалась кучка проходимцев, которая произвела «распиливание» государственной собственности. А ведь эта собственность была создана многострадальным трудом многих поколений. И вот теперь принадлежит подозрительным личностям, проще говоря — мошенникам, из-за непредусмотрительной доверчивости властей. Слушая сладкие посулы хищных акул капитализма и приобретая ак-

ции отдельных ваучерных фондов, многие люди в последующем оказались у разбитого корыта. Все эти фонды растворились в воздухе, ни перед кем не сочтя нужным отчитаться за свои деяния. Канули в Лету деньги миллионов.

Какое там золото партии? Золото накоплений граждан умыкнули!

И кто за это ответит?

Неудержимый разгул буржуазных свобод в 90-х до сих пор отзывается неизлечимой болью в сердцах людей. С каким рвением внедрялись в народную среду «прелести» буржуазной демократии: опошление всего советского мироустройства, наркомания, пропаганда секса, опустошающая молодежь, невиданный размах пьянства с одурманивающим народ паленым алкоголем.

А куда делись наши добрые человечные советские фильмы?

Кто даст ответ?

Но время лечит раны. Пришли другие времена, пришли другие имена на смену вседозволенности. Постепенно дела улучшаются, значит, доверие к власти возрастает. А это много значит для простых людей. Ведь появляется уверенность, что власть заботится о людях.

Но не все еще нормально *кое-где у нас порой.*

Процветает махровым цветом взяточничество — что-то несравнимое, в старину именуемое абиссинским налогом. Иные чиновники напрочь забыли слова «ум», «честь», «совесть».

Но общественность не дремлет. Она негодует. Так больше жить нельзя!

Куда ни кинь — всюду клин. Всюду сидит мелкий чиновник, букашка-таракашка, и без мзды невозможно решить ни одного пустячного вопроса! Это нарушает все правовые и моральные нормы человеческого бытия. Человек обезличивается, его жизнь сводится к животной потребности в стяжательстве. Культура, образование, медицина и отдых, трудовая деятельность и т. д. — все побоку. Хотя, конечно, в последние годы и есть подвижки в улучшении жизни народа. Но какие-то робкие!

Многовековая история нашей страны многогранна. В становлении России принимают и принимали участие самые различные силы. Настала пора осознать всем нам, что Россия превратится в Великую Россию только тогда, когда прекратятся коррупция, воровство и вывоз из страны капитала. Нам еще много чего не хватает. Но больше всего образования и культуры.

Кстати, где известные писатели настоящего времени, где целители душ человеческих? Мы очень плохо знаем их произведения, о чем они пишут, о чем они думают, что их заботит? Где великие пророки, прорицатели: Лев Толстой, Антон Чехов, Максим Горький, Михаил Шолохов? Где, в конце концов, Борис Полевой и многие другие?

Увы, о современных выдающихся писателях мы очень мало пишем и знаем. Получают государственные награды великие спортсмены — это правильно. Но если награду получает современный писатель, то об этом по ТВ говорят вскользь. А ведь трудится он не за грошовый гонорар, а за страх и за совесть, за нас с вами?

Недаром великий писатель Востока Алишер Навои говорил: «Книга — учитель без платы и благодарности. Каждый миг дарит она тебе откровения мудрости».

Нужно помнить и беречь великое наследие прошлого, людей всех времен и профессий России. Это очень важно особенно для молодого поколения. Ведь великие люди прошлого тоже хотели улучшить жизнь народа, радели за это.

Журналисты военного времени, пребывая в огне, в дыму пожарищ, героическими усилиями добывали для советских людей материалы о беспримерном подвиге воинов, партизан. Писательский труд невидим, но ощутим. Его итог — добро, книга. Книга учит человека уму-разуму, она носитель духовности. Прочитав книгу, читатель получает огромный заряд энергии и еще больший объем информации о событиях дней минувших. Мы внимаем великим пророкам с благодарностью, ничего не требуя взамен. До сих пор помню, как трогательно и зажигательно описывали военные журналисты победное шествие советской армии в годы Великой Отечественной войны.

Недавно ушедший из жизни поэт Константин Ваншенкин писал:

И вспять покатилась орда.
Мы снова весь путь повторяли.
Мы брали назад города,
Мы близких навеки теряли.

А вот что писал в феврале 1943 года известный журналист Евгений Кригер: «Пленный фельдмаршал фон Паулюс предъявляет свои документы. Кончено. Гитлеровцы хотели победно промаршировать через Волгу — одинокая, колченогая фигура пленного в соломенных чунях плетется по льду. Тишина. Мир, пораженный стойкостью Сталинграда, ждал

объяснения того, что казалось чудом. Люди, сотворившие чудо, ответили всему человечеству:

— Это наша воля, наша вера в победу».

Богатство и равенство приходят тогда, когда общество едино, а не расколото, как любимая чашка, и люди знают, во имя какой великой идеи они трудятся не покладая рук. Сейчас власти страны день и ночь стараются как можно быстрее разгрести завалы на пути нашего великого строительства. Дров мы наломали немало, крайне сложно очистить все авгиевы конюшни в одночасье. Надо строить современные заводы, фабрики и выпускать в продукцию, создаваемую отечественными производителями, поднимать с колен запущенные села, возвращать поля и земли, отданные на заклание мошенникам регионального разлива. А нашим депутатам неплохо научиться издавать продуманные законы, привлекая опытных руководителей промышленности, сельского хозяйства, науки, медицины. Довести уровень жизни села до уровня города. Для этого надо создавать приличный жилой фонд, поликлиники, больницы, клубы и спортивные залы, хорошие дороги. Россияне верят в свою победу!

И она настанет!

г. Калуга

Тамара АЛЕКСЕЕВА

Окончание. Начало в № 4, 5, 6, 7 за 2014 г.

Рисунки автора

Понеслись разноцветные дни, и каждый нес свое сокровище. Земля покрылась обильными цветами, и Кутя со Снегиричкой все дни проводили в лесу. Снегиричка любила играть в прятки: каждая щелочка в стволе дерева или бутон цветка были для нее надежной крепостью, и Кутя порой с ног сбивался, прежде чем находил проказницу. Синие-синие глазки с чудесными полукружьями ресниц то лукаво выглядывали близко-близко, то вдруг исчезали. И уже сверкала на ветке прелестная фигурка, мелькала тень от ее платьица, прыгали спиральки локонов. Блеснут сквозь листву белоснежные зубки, зазвенят крошечные браслеты — и рассыплется очаровательный смех. Иногда Кутя находил Снегиричку по птицам: они летели вслед за ней, пели и играли в бубны — это было необыкновенное яв-

ление! Кутя бежал за ними, не выпуская из виду златоцветные крылья, хвосты и спинки. Самое чистое и желанное сияние пылало впереди, надо прибавить скорость, отважно перепрыгнуть куст и камень — там, над озаренным солнцем озером, порхала и кружилась зачарованная девочка. В лучах переливались трогательные волосики, похожие на драгоценные нити. Бледно-розовые и синевато-белые лилии, покачиваясь на водной глади, приветливо качали своими головками, приглашая Снегиричку прокатиться на своих лепестках. Под красным солнцем, по синей воде, в чашечке белой лилии плыла Снегиричка. Смеясь, она откинула голову, серебристые волосы коснулись воды, потемнели и медленно закружились среди цветов. Стеклянные зернышки росы осыпались в воду...

Рыжего щенка полностью околдовала эта красота. С мягким шумом загорались звезды. Несметное количество крошечных светлячков, шурша крылышками, вились в голубой дымке над озером. Какой удивительно сверкающий шелест был у этих крылышек!

Но спокойнее всего на душе у щенка было, когда Снегиричка надежно укрывалась в его шерстке. Она дремала, свесив ручки и ножки. В это время ему казалось, что он плывет высоко-высоко в облаках, куда не в силах долететь ни одна птица.

Однажды Кутя со Снежинкой гуляли в лесу и встретили на тропинке высокую темноволосую женщину. Волосы ее были заплетены в тугую блестящую косу, на шее висела гирлянда из свежих цветов, а глаза были чрезвычайно знакомыми.

— Тетя! — закричала Снегиричка.

Да, это действительно была Вьюга. Удивительно, как она здесь оказалась? Оставила свое Снежное царство?

— Да, да, все оставила, — засмеялась Вьюга, когда они забросали ее вопросами. — И ледяные девы там... Хотя погодите. — Вьюга покопалась в складках своего нарядного платья и достала заветный деревянный ключик.

— Я всегда могу их вызвать, как только захочу. Но мне сейчас не до них. Скучно мне стало в своем царстве. Признаться, скучно там было всегда, но после вашего отъезда я особенно это ощутила. Мне захотелось перемен. И больше всего я хотела попасть в эти края летом.

— Как же вам удалось? — не удержался Кутя. — Ведь вы были сотканы из снега, а сейчас превратились в настоящую живую женщину.

— Ах, и не спрашивай, — сверкнув глазами, махнула рукой Вьюга. — Еще и не такие чудеса бывают. Подумаешь, невидаль — из снежной вьюги превратиться в человека. С чем мне пришлось столкнуться в летнем лесу — вот это настоящие приключения. Даже я, многое на своем веку повидавшая, еле справляюсь. А уж силы мне не занимать.

— Это точно, — сразу согласился щенок. — А что же с вами приключилось?

— Сначала меня заботило только одно, — кивнула головой Вьюга, — помочь заблудившимся путникам на дорогу выйти. За этим занятием незаметно пролетали все дни, пока мне не стало одиноко. Птицы и даже бабочки пару имеют, а Вьюга все одна и одна. Мне тоже хотелось раскрашивать воду, как это делаете вы. Но у меня ничего не получалось — ведь для того, чтобы слова имели силу, надо кого-то любить.

Так я нашла Кикимору.

— Кикимору? — удивилась Снежинка. — Я помню, даже Мама пугала нас, Снежинок, этим словом.

— Да, да, издали она походила на растрепанную кучу сена. А когда из коряги вылезла, я руками всплеснула! Вся покрыта грязными водорослями, глаза из орбит вылезли, да к тому же нос длинный, как у дятла. Я, правда, не растерялась, и не такое видела. Стала ее расспрашивать, долго ничего не получалось:

Кикимора отвыкла разговаривать. В горле у нее булькало, из ноздрей зеленые пузыри надувались, смех, да и только. Она меня вроде так запугать решила, а сама губы закусила, кулачки сжала. Глаза угрюмые, недоверчивые. Не сразу мы с ней подружились...

Жила она в густой осоке, что возле самой воды росла. Вдоль шеи у нее шрам шел, я как его увидела — у меня сразу екнуло и загорелось сердце. И так мне захотелось ей приятное сделать, ведь она никогда-никогда не улыбалась, — продолжала свой рассказ Вьюга. — Дело это было непростым. Сначала даже не знала, как к нему подступиться. Потом придумала: решила своими руками сплести ей платье. Я сама себя не узнавала. Собрала голубые незабудки, высушила и слегка помяла. А, как известно, сухие незабудки цвет свой сохраняют. Сплела ей платье длинное, легкое, вместо шерстинок — бирюзовые цветочки. Когда все было готово, тихо Кикимору за руку взяла и платье ей подаю. Надевай, говорю, а волосы я тебе после расчешу. Она взглянула на меня своими дикими желтыми глазами... Платье на ладонь положила, рукой прикрыла. К щеке прислонила, запах вдохнула. Опять на меня взглянула и, испустив крик, исчезла в кустах. А оттуда уже не Кикимора вышла, нет, это было совершенно другое существо. Двигалась в платье она неумело и чуть ногу не подвернула, но улыбалась во весь рот. Будто жало из ее души вынуло это платье, честное слово!

С волосами, правда, беда была: никакой гребень их не брал, пришлось отстричь. Тут я рецепты своей бабушки вспомнила. Сожгла большое количество крапивы, как она есть — с корнем, стеблем и цветами. Положила золу в глиняный горшок и закопала под дубом на восемь ночей. Потом горшок выкопала, золу водой сбрызнула да втерла в голову своей Кикиморы. Десяти дней не прошло, как волос расти начал, да такой шелковистый, с зеленым отливом, толстый волос, крепкий. Лицо васильковой водой споласкивала... Так подруга моя обрела вполне приличный вид. Пока волосы отрастали, она в шелковой шапочке ходила — я сшила. А теперь такие высокие прически делает! И пошло-поехало... В нашей Поляне Красоты отбоя нет!

— Поляна Красоты? — хором воскликнули Кутя со Снегиричкой. — Ты открыла в лесу Поляну Красоты?

— А что делать, — развела руками Вьюга. — Все хотят быть красивыми, даже лесные чудища. Вы представляете, в лесу не было ни одного симпатичного существа! Словно мор на них напал! Страшилища — так повсюду разгуливают, а сказочные, необыкновенные существа перевелись окончательно.

— Да, да, — подтвердила Снегиричка. — Я тоже об этом слышала, когда просочилась в землю. В древние времена леса были населены такими прекрасными созданиями. Неужели все они перевелись?

— Если бы перевелись, — Вьюга понизила голос. — Здесь есть какая-то тайна, которая мне пока неведома. Откуда взялись эти звери, обросшие

тиной и мхом? Их так много стало в лесу, что попрятались настоящие белки, зайцы и даже волки.

— Вот оно как, — прошептала Снегиричка. — А ты нам покажешь свою Поляну?

— Конечно, покажу.

И Вьюга тайной тропой провела их в укромное место, залитое солнцем. По краям сплелись настоящие дремучие ветви, не пролезешь, не проберешься. Даже стебли зеленой травы на Поляне были диковинно красивы, а что говорить о крупных алых цветах, которые ароматом и цветом кружили голову?!

Как бы для того, чтобы оттенить это великолепие, на Поляне Красоты толпились чудовища. Да, да, самые настоящие лесные чудовища! Снегиричка в страхе закрыла глаза ладошками и спряталась за Кутю. Потом приоткрыла один глаз и выглянула — любопытство ее одолевало. Дивное зрелище предстало перед ней...

Существа, покрытые шерстью, чешуей, частыми или редкими колючками, одноглазые и трехглазые, с черными трещинами вместо рта — не перечесть всего диковинного — растерянно моргали глазами и испуганно жались друг к другу. Были слышны и разные звуки: тревожное мяуканье, тихий свист и чиханье.

— Вот мои красавцы! — гордо воскликнула Вьюга и, как царица, прошлась вдоль своей орды.

Странные существа, лишь отдаленно напоминающие зверей, с надеждой глядели на нее. Тревога постепенно исчезла с их мордашек, когда Вьюга мимоходом касалась их, умудряясь одобрительно похлопать и погладить каждого. В самых страшных глазах светлыми капельками заблестели огоньки — это замелькала тихая радость.

— А вот, — хитро прищурилась Вьюга, взглянув на Кутю и Снегиричку, — мои лечебные настои и мази. И она с гордостью показала большие и маленькие бочонки, спрятанные под ветвями деревьев. В них что-то булькало и пузырилось. — Наша общая цель — превратить этих диких созданий в прелестных детей природы. Я вижу, как устрашает вас их сегодняшний вид, но это поправимо. Вы скоро их не узнаете, ведь они изменятся, как в считаные дни изменилась и эта Поляна.

— Цветы... — прошептала Снегиричка.

Между небесами и землей поднимались и распускались странно знакомые бутоны. Снегиричка захлопала в ладошки и засмеялась своим прелестным смехом.

— Да, я принесла сюда семена из Снежного царства, — подтвердила тетя. — Если они там умудрились оплести все сугробы, то здесь-то им и вовсе раздолье! Из лепестков я готовлю отвары, чтобы чьи-то мордочки зарозовели. Кстати, от этой воды выпрямляются и кривые наросты на теле, исчезает запах сырости, а шерсть становится легкой. Но это только начало. У меня множество снадобий, ведь красоту можно вернуть разными способами.

Начались великолепные, можно сказать — неправдоподобные дни. Снегиричка с Кутей поселились в этом месте, где все привычное становилось чудесным. С каждым днем они все больше очаровывались Поляной Красоты, где под их влиянием преображенная, неузнаваемая Вьюга, которую совсем недавно считали ведьмой, творила — нет, скорее вытворяла, — бог знает что!

В ее бочках и котлах, изрыгая золотые и черные брызги, сладостно кипело разнообразное лечебное варево.

— Это от растрепанной, сильно спутанной шерсти, — приговаривала она, подбрасывая в котел луковицы дикого лука, — немного перышек белой утки, немного липкого сока красного корня, именно того, что я настаивала два месяца... Туда же можно добавить горсть желудей — тогда настой будет более действенным и дольше сохранится.

г. Липецк

Ирина КОПАЕНКО

Ирина Копаенко родилась в Москве, где по сей день живет и работает. По образованию инженер-радиотехник. С детства пишет стихи. А с некоторых пор — еще и рассказы. Считает, что действительность становится ярче, интереснее с каждой созданной строкой. Герои ее произведений — самые обычные люди. Они живут среди нас, ходят по столичным улицам. Работают и отдыхают, любят и страдают. Не чудо ли это, не волшебство! Ирина пишет рассказы именно ради этого ощущения чуда.

Последний вздох уходящего лета

Марина смотрела на седую шевелюру профессора и молчала, боясь пошевелиться. «Светило современной медицины, сходите к нему, а мы ничем помочь не можем, к сожалению. Ваша проблема, возможно, из области психологии. Поймите правильно, дети так ранимы, чувствительны, а это не может не отражаться на состоянии организма, в наше время особенно, — так сказали ей в больнице, где ее девочка проходила обследование. — Все анализы в норме, по всем критериям ребенок совершенно здоров, но...» Конечно, но! Марина сама видела, как меняется Лиза. Последние полгода это стало особенно заметно. А что делать, она не знала. И вот теперь появилась надежда. Лица доктора она разглядеть не успела: едва поздоровавшись, он склонился над столом, где причудливыми диаграммами и таблицами, многословными описаниями и краткими выводами была зашифрована судьба ее дочери.

— Садитесь, что же вы встали, как школьница? — Голос прозвучал неожиданно и строго.

Погруженная в свои мысли, Марина вздрогнула, села напротив профессорского стола. «А глаза у него добрые, умные. Что же он скажет? Что?» — подумала она. Сил уже почти не осталось, просто хотелось плакать.

— Марина Викторовна... — Ей почудились (или на самом деле?) мягкие нотки упрека, почти жалости, в строгом голосе. — Я не маг, не волшебник, а врач. Обследование показало, что девочка здорова. Конечно, я мог бы с чистой совестью отговориться астеническим синдромом, что сейчас весьма часто встречается у детей и подростков. Причины развития астении различны, и, поверьте, их достаточно. Но не буду утомлять вас лишними терминами и подробностями, они вам не нужны. Чувствую, что есть проблема. Проблема серьезная. Иначе вы и не обратились бы ко мне, ведь так?

Марина машинально кивнула, боясь пропустить хотя бы слово.

— А раз вы пришли за помощью, то расскажите мне все.

— Что именно? Я вроде... Что рассказать?

— Мне хотелось бы знать, как девочка появилась в вашем доме. То, что Лиза вам не родная дочь, указано в анкете, это не является секретом. Что она

дочь вашей сестры, которая умерла после возвращения из экспедиции, тоже есть в анкете. Но... поймите, я действительно хочу вам помочь. Что вас тревожит? Анализы и результаты обследований в пределах нормы. Но вас беспокоит ощущение, что девочке плохо. Вот и у меня есть ощущение, что вы не все написали в анкете. Да и не надо. Не надо писать все. Но мне довериться вы должны. Подумайте, как же я смогу вам помочь, если не знаю правды? И не бойтесь...

Марина закрыла глаза. Тот день, когда вернулась Лора, она помнила очень хорошо, словно все произошло вчера, а не десять лет назад. Сестра работала исследователем. Тяжелая, мужская работа, вахты по полгода, а то и дольше. Вся семья надеялась, что наступит день, когда старшая дочь устанет от кочевого образа жизни, постоянной опасности. Ведь давно уже можно было перейти в институт, заняться наукой, но муж Лоры даже не представлял себе подобной перспективы. Марина же смотрела на сестру как на недостижимый идеал: красивая, умная, смелая и такая родная, любимая сестренка! А вот ее мужа она тихо ненавидела. Ведь это именно он каждый раз уводил сестру из дома навстречу неведомым опасностям. Станислав руководил группой, в которую входила Лора, и работу (а не жену) он ставил на первое место в своей жизни. Наверное, жену он любил тоже, как умел. И совершенно искренне считал, что ее место только рядом с мужем. Впрочем, сама Лора считала так же, а своего мужа обожала. Постепенно они все привыкли к такому распределению ролей в своей семье, смирились, успокоились.

Вот тогда и случилась беда. Последняя командировка Лоры и Станислава затянулась. Обычно более полугода исследователи на форпостах не задерживались, а в тот раз они не вернулись и через год. Что же оставалось? Только ждать. Еще полгода. Марина поступила на первый курс института. Новая жизнь закружила ее: хотелось радоваться, смеяться, влюбляться! Но мысли о судьбе сестры не отпускали. Конечно, она понимала, что случилась какая-то непредвиденная ситуация, возможно, очень опасная. Но она (возможно, только она одна) не сомневалась в том, что все обойдется. Такую опасную работу выбрала себе ее сестренка. Что же теперь поделаешь?

Однажды Лора сказала: «Кто-то должен. Понимаешь, Мариночка, кто-то должен этим заниматься. Мы знаем, какой была прежде наша планета только по книгам и старым-старым фильмам, что исключительно в специальных хранилищах находятся. А ведь раньше небо было голубым, солнце можно было увидеть! А его лучи... Они несли в себе не гибель, напротив! Под солнечным светом расцветали удивительные цветы, распускались листья на деревьях. Можно было купаться в морях и озерах. Марина! Люди отравили Землю. Понимаешь?! Конечно, человечество опомнилось. Жизнь не исчезла, но вот мест, пригодных для проживания, осталось ничтожно мало, хотя наша планета достаточно большая. А времена года? Сейчас они имеются только на календаре. А раньше все было на самом деле! Зимой — морозно и снежно, летом — тепло и солнечно! А сейчас, сегодня? Что мы видим каждый день? Серые тучи... Мы дышим сырым воздухом. Дождь, дождь, дождь... В древние времена все это называлось поздней осенью. Ты слушаешь меня?»

Зачем Лора затеяла этот разговор, Марина тогда не поняла. То, какой была планета Земля прежде, она знала. Да и в специальные павильоны, как и все дети, ходила в обязательном порядке. Там, в павильонах, было все, о чем рассказывала сестра. Они так и назывались — «Зима», «Весна», «Лето» и «Осень». Детей водили туда два раза в неделю, а еще можно было купить абонементы и ходить в особо приглянувшийся павильон гораздо чаще, бывать там дольше. Можно было и разовые билеты покупать. Так о чем же Лора пыталась поговорить с ней тогда? Объяснить, почему выбрала такую опасную работу, или... Поделиться надеждой, что им когда-нибудь удастся все-таки найти незараженный участок планеты, а затем и всю Землю вылечить? Тогда Марина не готова была понять сестру, а сейчас оставалось только догадываться...

Когда группа исследователей под руководством Станислава не вернулась в назначенный срок, когда их отсутствие стало катастрофически долгим, наверное, она одна не потеряла надежду, а беспокоилась меньше других. Почему? Не было никакого предчувствия несчастья, не было тревоги, а вот вера в профессионализм Станислава и его команды не покидала ее. Марина тихо огорчалась, что мама плачет почти каждый вечер, а отец ходит хмурый, но поделиться с родителями своими мыслями о непременном возвращении Лоры домой она не решалась. Такой

вот юношеский эгоизм. А может быть, оптимизм?

— Когда нам сказали, что экспедиция погибла, мы не поверили, просто не поверили, понимаете?! Они погибнуть не могли! Станислав был самым опытным, самым-самым! — Марина неожиданно замолчала, только сейчас осознав, что уже давно рассказывает профессору историю их семьи, а он спокойно слушает. — Зачем я вам это говорю? Почему же вы не остановили... Ведь я здесь из-за Лизоньки. А все остальное...

— Рассказывайте дальше, Мариночка, все подробно. Откуда мы можем знать, что имеет значение, а что нет. Я понял, что ваша сестра — единственный выживший исследователь той несчастной экспедиции? Так?

— Да. Она пришла вечером. Пришла домой, а не на работу. И рядом с ней стояла совсем маленькая девочка.

Марина прерывисто вздохнула и прижала ладони к вискам. Она тогда сразу заподозрила неладное. Лора успела сказать им, что девочка — ее дочь, ей один год, имя — Лиза. Все документы она оформила в штабе экспедиции, но экспедиция погибла, значит, и документов не осталось, сгорели документы в штабе. А потом Лора потеряла сознание. Мама уехала в больницу вместе с дочерью и внучкой, а папа ходил по комнатам и все повторял и повторял: «Как же она могла, как могла! Ведь знала же, что ребенка ждет, а отправилась на эту свою работу!»

— Вот так и появилась Лиза в нашем доме. Из больницы мама вернулась вместе с Лизонькой, а Лору положили в отдельную палату. Нам тогда сказали, что на некоторое время, на обследование, только... все же заметно было. Понимаете, я хоть и не врач, но видела, как изменилась сестра. Она словно высохла, обессилела совсем, лишь глаза остались прежними. Более того, ее взгляд горел каким-то необъяснимым счастьем. Все вокруг говорили, что это от того, что теперь у нее есть дочка. А мне казалось, что здесь что-то совсем иное.

Лиза росла, называла мою маму — бабушкой, папу — дедушкой, меня — Мариной или мамой. Тогда она чаще называла меня мамой, а сейчас зовет Мариной. Только, знаете, не стала я в то время, в самом начале, спрашивать у мамы, почему наша Лиза выглядит старше своих сверстниц, развивается быстрее. Не похожа она была на годовалую девочку. Я бы ей годика два дала, никак не меньше. Это сейчас она уже не отличается от своих одноклассниц, а тогда... Но маму своими сомнениями мне беспокоить не хотелось, ей и так тяжело было. А еще мне Лора перед этой роковой командировкой сказала, что все у нее в жизни сложилось замечательно: муж любимый, работа интересная, но вот детей уже не будет, никогда не будет... Только не могла я это никому рассказать. Лора умирала. А потом она позвала меня.

Марина задумалась, снова взглянула на профессора.

— Она рассказала мне все. Как началась гроза, которую никто из них поначалу не воспринял всерьез. В тех местах, где они работали, грозы случались часто. Но такая, как эта! Сестра боялась, что я не поверю ей, потому и рассказывала столь подробно. Вы не представляете, через что ей пришлось пройти... Да, и я не представляю. Почему так случилось, что Станислав погиб первым? Это так несправедливо, неправильно! Наверное, он спас бы людей. Может быть, не всех, но такого ужаса не случилось бы. Кругом огонь, гром гремит... Началась паника, люди метались, не знали, что делать... и гибли. А потом все стихло. Лора лежала на небольшом холме, чуть в стороне от того места, где еще совсем недавно находился их лагерь. Она хотела встать, вернуться, думала, что кому-то нужна помощь, хотела найти хоть кого-то живого... Она же не знала, что погибли все. Как вдруг... Я знаю, что в это невозможно поверить, но тучи у нее над головой расступились и показалось небо! Настоящее голубое небо! Вот почему во взгляде моей бедной погибающей сестренки светилось счастье... Это небо отразилось в ее глазах. Она его видела! Совсем небольшое бирюзовое окошко, сквозь которое на искалеченную, сожженную грозой землю падали солнечные лучи. Это чудо длилось совсем недолго. Затем послышался отголосок грома, и тучи сомкнулись. А перед Лорой стояла маленькая девочка. Наша Лиза.

Марина тяжело вздохнула, вспоминать давно минувшие события оказалось гораздо тяжелее, чем она полагала.

— Вот теперь я рассказала действительно все. Профессор, Лизонька — не дочь Лоры. Сестра рассказала, что одета девочка была очень странно: платье белое, все в кружевах, шляпка. Представляете? У такой малышки — шляпка! Ну а как они добирались домой, точно никакого значения не имеет. Долгая история. Единственно, что важно: за эту дорогу девочка привыкла к Лоре, стала звать ее мамой. И ни у кого

не возникло никаких подозрений. Ах, если бы Лора выздоровела! А я старалась, чтобы Лизонька росла счастливой! Мы ее очень любим: и я, и мой муж. А еще у Лизы есть младший братик — мой сын. А бабушка и дедушка — мои родители! Они, правда, часто болеют последнее время. Не могут себе простить, что не уберегли Лору, не уговорили ее отказаться от работы. Не верят, что ничего нельзя было сделать, никто бы не уговорил... Но когда Лиза была маленькой, она жила с ними, когда пошла в школу — стала жить со мной. А к моим родителям мы ходим в гости. У нас все было хорошо! Вот только последний год, может быть, полгода... Я не знаю, в чем дело, но чувствую.

Марина склонилась над профессорским столом и прошептала, едва сдерживая слезы: «Что-то случится, я чувствую... Вы поговорите с ней, просто поговорите. Пожалуйста, я вас прошу. Лизонька сама хочет с вами поговорить. Вы увидите, какая она милая, славная, добрая».

Профессор подошел к окну, плотнее задернул шторы. За окном — серые тучи и бесконечный моросящий дождик, а на шторах — синее море, белые паруса. Такие же радостные картины украшали стены его кабинета. Детям это нравилось. Вот только в данном случае могло не сработать. По словам Марины, девочка уже год отказывалась посещать павильоны. Он еще раз поправил шторы, обернулся и застыл от удивления. Лиза сидела перед его столом, а он и не слышал, как она вошла.

— Здравствуйте. — Девочка рассмеялась. — Извините, но вы так смешно удивились. Меня зовут Лиза, я не привидение, просто у меня очень легкие шаги, вот вы и не слышали, как я вошла. А как вас зовут?

— Меня зовут Валерий Петрович. — Профессор, улыбаясь, смотрел на девчушку, которая весьма комфортно расположилась в его кресле. «Так... Прошло десять лет. Тогда ей, по словам Марины, было примерно два года, значит, сейчас Лизе двенадцать лет, хотя по документам только одиннадцать. Она очень хрупкое, воздушное создание. Действительно, легкие шаги, я не слышал, как она вошла. Я бы сказал, что и жесты у нее почти прозрачные. А улыбка ясная, светлая...»

— Валерий Петрович! — Его размышления прервал детский голосок с едва уловимой ноткой упрека. — Почему вы молчите? Марина сказала, что вы хотите со мной поговорить. Но я и сама могу все о себе рассказать. У вас такие добрые глаза! Уверена, что вы не будете меня ругать, говорить, что я больна, ну... и прочие глупые вещи. Правда? Не будете?

Лиза вспорхнула с кресла и сразу оказалась возле доктора. «Легкие шаги... Это даже не шаги, она просто летает по кабинету. Кажется, я начинаю понимать тревогу Марины, но такого случая у меня еще не было». Профессор постарался, чтобы его мысли никак не отразились во взгляде. Лиза смотрела на него по-прежнему приветливо, доверчиво прикоснулась к рукаву халата.

— Я хочу открыть вам тайну. Важную. Очень скоро я исчезну. Совсем скоро, с последним вздохом уходящего лета. Я уже постепенно исчезаю.

— Что?!

— Да! Так и думала, что вы удивитесь. Но это совсем не страшно. Просто мне приснился сон. Давно, примерно год назад. А после этого сна я больше не могу оставаться здесь, в этом сером холодном «аквариуме», в котором мы все живем. Не хочу ходить в павильоны, они же фальшивые!

— Лиза! Ну зачем ты так? Павильоны — лекарство, без которого люди будут очень часто болеть. Они не фальшивые, а очень хорошо продуманные комплексы не для развлечения, а для поддержания здоровья. А ты туда последний год ходила очень мало. Вот и результат — такие мысли для девочки. Надо же! Она исчезает!

Профессор старался говорить спокойно, даже добродушно, но чувствовал, как тревога сжимает его сердце холодным обручем. Не вырваться, не сделать ничего. Почему? Он не знал. Ощущение беспомощности, собственной бесполезности, столь несвойственное ему ранее, захватило его разум. Он — свидетель, не более. А ведь его долг — помочь. Но как?

— Лизонька, может быть, ты расскажешь мне свой сон? А потом мы вместе подумаем, что он значит.

— Конечно, расскажу. И не сон, а сны. Их было много. Такие ясные, замечательные! В них все как на картинках и на шторах в вашем кабинете. Вы распахните шторы, Валерий Петрович! И что там? Серая слизь над головой, дождик... И так всегда, всегда! Я не боюсь исчезнуть, я этого жду! Только Марину жалко и всю мою семью тоже...

— Подожди, Лиза, не делай таких выводов! А если это только твои сны? Иногда людям снятся очень красивые сны,

невероятно похожие на реальность.

— Ах, если бы... Почему вы так на меня смотрите? Не верите. Милый, милый доктор! Я помню! Вот в этом все дело: я помню! Раньше, еще несколько лет назад, все было так просто: я думала, что мир именно такой, каким мы его видим. А другой мир существовал когда-то очень давно. Вроде как и не существовал вовсе. Я любила ходить в павильоны, купаться в море, гулять в саду... Да, конечно, понимала, что и море, и сад, и все остальное — искусственное. Но это не имело никакого значения. А потом мне приснился сон. И в этом сне все было настоящее: я, совсем еще маленькая, бегу по зеленой траве, а над головою голубое небо! Вы не представляете, какое оно! Прозрачное, бесконечное, нежно-лазоревого цвета... А какое солнышко светило! Ласковое, теплое. Я бежала, мне почему-то очень хотелось на вершину небольшого холма, заросшего травой и какими-то маленькими цветочками. И голос за моей спиной: «Осторожно, Лизонька!» Кто меня звал, я увидеть не успела, проснулась. А потом этот сон снова повторился. Но вспоминать я начала не во сне, нет. В полном сознании. И поняла, что там когда-то был мой дом. Это не выдумка, не сказка. А голос: «Осторожно, Лизонька! Пора возвращаться, скоро будет гроза...» Мне кажется, что это голос моей мамы, но у мамы был совсем другой голос. А еще я вспомнила речку. Настоящую речку, совсем недалеко от того холма, куда я бежала. И одежда там, в том мире, была другая. Вы можете себе представить зонтик от солнечных лучей?! Смешно! Представьте: женщины в длинных платьях, а не в плащах, идут по тропинке парка, где зеленая трава и листья на деревьях есть! А кругом цветы. О! Какие же там цветы! Почему я оказалась здесь, не знаю. Да и не хочу я этого знать. Вот только жить в мире серых красок, дышать дождем, конечно, можно, если не знать, что есть мир совсем иной!

— Его уже нет, Лиза. Мир, о котором ты говоришь, погиб когда-то очень давно. Его искала твоя мама. — Профессор сказал эти слова так, словно перед ним стоял взрослый человек, а не маленькая девочка. Но иначе говорить было нельзя. Он чувствовал это.

— Может быть, и нет. Но беда в том, что я его помню. Если не знать, не помнить, то можно ходить в павильоны, греться под ненастоящим солнцем, сидеть на берегу искусственной реки или такого же озера, можно кататься на лыжах в павильоне «Зима», все можно... если не думать, что это — ненастоящее. Но я же помню! Профессор, дорогой Валерий Петрович! Не уговаривайте меня. Все происходит само. Совсем не страшно, совсем не больно. Я просто исчезаю. Так лучше. Только Марину жалко. Пожалуйста, не бросайте ее! Помогите ей пережить... еще одну потерю.

— А куда же ты исчезнешь? — Профессор осознавал, что его вопрос звучит глупо, но Лиза, похоже, все поняла правильно. Она грустно улыбнулась, совсем по-взрослому наморщила лобик, а затем вернулась в кресло. После небольшой паузы она тихо сказала:

— Хотелось бы вернуться обратно. Туда, где был мой дом. В тот мир, который снится мне так часто, который мне удалось вспомнить.

— Лизонька, ведь прошли годы. Там (если допустить, что все, что тебе снится, существовало на самом деле) могло все измениться. Тебя ведь могут просто не узнать. Да и попадешь ли ты именно туда?

— Может быть, вы и правы. Нет никакой гарантии, только надежда. А если не получится туда, то я стану ветром. Первым теплым и ласковым ветерком за много-много лет на нашей планете. Представляете, доктор, выходите вы из больницы, а вместо холодного и мокрого ветрюги вас обнимает легкий летний ветерок, совсем как в павильоне, но на самом деле! Я стану ветерком!

— Лиза! Лиза! Ты смеешься, а мне плакать хочется. О чем ты говоришь?

— Все очень просто. И я не смеюсь. Невозможно жить под серыми тучами, если помнишь голубое небо. Невозможно не видеть солнечного света никогда. Понимаете, никогда! Если помнишь его. И даже если лечиться павильонами, это не поможет, если помнить настоящее. А я вспомнила. И все теперь происходит само. Ничего нельзя изменить. Я просто исчезну. С последним вздохом лета. А вы вспоминайте меня иногда, ладно? И... переверните страницу календаря, Валерий Петрович.

И профессор послушно, словно ребенок, взглянул на календарь, стоявший на его столе. «Действительно, сегодня уже тридцать первое августа, последний день нашего символического лета. А у меня почему-то — тридцатое?» Когда он поднял взгляд, Лизы в кабинете уже не было. Впрочем, он не удивился.

За окном, как и ожидалось, ничего не изменилось. Дождь, правда, пошел чуть сильнее. Профессор часто смотрел на уходящих от него пациентов сквозь это окно. Отсюда хорошо просматривалась аллея, ведущая от подъезда больницы до центральных ворот. Марину он узнал сразу — ярко-красный плащ и симпатичный зонтик в мелкий рисунок. А рядом с ней — Лиза. Она держит Марину за руку, прижимается к ней, что-то говорит. На какое-то мгновение он потерял их из виду, наверное, из-за порыва ветра, сорвавшего с деревьев последние листья. Он вдруг подумал: откуда же берутся на деревьях больничной аллеи эти вечно-последние листья? Может быть, тоже искусственные? В лесах деревья давно уже без листвы стоят. Ветер — последний вздох лета? На календаре — тридцать первое августа. Уходящее лето? Неужели? Что же девочка хотела сказать этими словами? Сколько вопросов... И как же далеко ушла Марина, пока он отвлекался на разные свои мысли, она уже у самых ворот стоит, а дальше не идет. Ее яркий плащ хорошо виден, а где Лиза? Конечно же, она там, рядом с Мариной. Конечно, там! Просто он упустил момент, не заметил, как они дошли до ворот. Это все ветер помешал, все этот ветер, да дождь...

г. Москва

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Продолжение. Начало в № 3–7 за 2014 г.

Страсти по изумрудной броши

ГЛАВА VI. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Через неделю Петров многое знал об уважаемом в торговом мире Ефиме Григорьевиче Столбуне. Помимо прибыли от дефицита Столбун имел и другие левые доходы, пользуясь покровительством руководителей столицы. Затрагивать его интересы было крайне опасно.

Петров находился в тяжелых раздумьях. «В покупке Столбуном драгоценной броши криминала нет. По нашим сведениям, он прячет незаконные прибыли у любовницы Елены Суровой. И, скорее всего, брошь с изумрудами следует искать именно у нее. Но санкцию на проведение у нее обыска нам никто не даст».

Сыщик находился в тупике, не зная, что вскоре произойдут события, способные подсказать ему решение возникшей задачи.

Накинув на мокрое тело махровый халат, Елизавета Викторовна поспешила из ванной комнаты на призыв настойчиво звонящего телефона. Встревоженный женский голос торопливо произнес в трубку:

— Наконец-то! Я боялась не застать вас дома. Анатолия Сергеевича арестовали. Он успел предупредить, чтобы вы спрятали ценности у родственников. Все, отключаюсь.

И Елизавета Викторовна заметалась по квартире, складывая в хозяйственную сумку драгоценности и деньги. Поспешно одеваясь, мысленно упрекала мужа: «Сколько раз убеждала его перевезти накопленное добро к моей маме. Так нет, не доверял, боялся. А теперь все достанется легавым».

С трудом закрыв молнию на переполненной сумке, женщина вышла из квартиры и направилась к лифту. Внезапно навстречу ей шагнули двое мужчин. Один из них в сером плаще спросил с иронической усмешкой:

— Куда это мы так спешим? Уж не передачу ли несем любимому мужу? Зря беспокоитесь: у нас баланду арестованным в камеру подают аккуратно. Разрешите представиться: майор Балабанов, а это капитан Бугров.

И, помахав перед носом испуганной женщины удостоверением в красной обложке, решительно забрал из ее рук тяжелую сумку. Едва приоткрыв молнию, Балабанов восхищенно присвистнул и зацокал языком:

— Это надо же: с таким богатством и на свободе! Вы желаете, как декабристка, вслед за мужем отправиться в тюрьму за укрытие нетрудовых доходов? Сейчас составим протокол. Капитан Бугров, найдите понятых для переписи изъятых ценностей.

Бугров послушно направился выполнять задание. Прошло более пяти минут, и Балабанов начал проявлять нетерпение:

— Этот мямля капитан не может даже понятых найти. Пойду помогу. А вы, Елизавета Викторовна, зайдите пока в квартиру. Я вас закрою, а сумочку, уж извините, возьму с собой, чтобы вы не удума-

ли оставить что-нибудь ценное себе на память. Не скучайте, мы появимся через пару минут.

Вернувшись в квартиру, Елизавета Викторовна бессильно заплакала. «Предупреждение от Гриши опоздало. Теперь мы с ним нищие».

В этот момент вновь зазвонил телефон. Муж сообщил о своем скором возвращении домой, и Елизавета Викторовна радостно воскликнула:

— Значит, тебя освободили из-под ареста?

— Что за глупый розыгрыш? Я только недавно вернулся с совещания.

— Но работники милиции изъяли у нас деньги и украшения. А теперь ушли за понятыми.

— Ты своими руками отдала все наше добро проходимцам! Звони, вызывай настоящую милицию, а я сейчас подъеду.

Прибывший по заявлению в квартиру Петров особого удивления по поводу очередного происшествия не выразил.

— Это типичный разгон. На жаргоне так называют самочинный обыск фальшивыми милиционерами. Иногда аферисты сами в доме ищут добычу. Но в данном случае они разыграли ловкий спектакль, и вы сами отдали им свои драгоценности. Сейчас поедем в отдел милиции и покажем вам фотоальбом мошенников. Возможно, кого-то и узнаете.

Петров говорил без особой уверенности. Но произошла редкая удача. Привезенная в отдел Елизавета Викторовна уверенно ткнула пальцем в фотокарточку рецидивиста Плащева.

— Так вот он же, этот майор Балабанов!

Преступника задержали в тот же день на квартире у его сожительницы. Мошенник сразу во всем признался, но сообщника не назвал и ценностей не выдал. На очной ставке с женщиной рецидивист называл происшествие невинным розыгрышем и издевательски обещал выплачивать за нанесенный ущерб по двадцать рублей в месяц.

Слушая хвастливые речи афериста, Петров внезапно подумал об использовании приема мошенников в поиске изумрудной броши. «Столбун в выходные дни всегда выезжает на дачу. За городом нет телефона, и его связь с Еленой исключена. И если мы сообщим любовнице об аресте Столбуна, она попытается перепрятать ценности. На выходе из дома мы ее задержим и обнаружим брошь, похищенную у убитого антиквара. Тогда появятся основания для допроса Столбуна. Пошлю к Елене новичка Носова».

Узнав о предстоящем задании, Носов отказался его выполнять, ссылаясь на отсутствие опыта. Тогда Петров прибег к весомому аргументу:

— Слушай, Носов, нам, сыщикам, часто приходится входить в доверие к преступникам. Надо этому учиться. К тому же я посылаю тебя не в опасную банду, а всего лишь к любовнице торгаша, скрывающей неправедно нажитые ценности.

— А что же я должен ей сказать?

— То, что обычно говорят мошенники: Столбуна арестовали, и надо перепрятать драгоценности. Говори с нею искренне и правдиво.

— Ты много с меня требуешь. Я же не артист Малого театра.

— Особый талант и не нужен. Лишь произнеси текст с волнением.

— Хорошо, напиши мне нужные слова. Я их наизусть выучу.

— Ни в коем случае! Импровизируй в рамках поставленной задачи. Главное, скажи, что арестованный Ефим Григорьевич просил перепрятать принадлежащие ему ценности. И все!

Получив согласие Носова, Петров с удовлетворением подумал: «Я соблазнил новичка блеском сыскной романтики. Но, похоже, он все понял правильно, и сбоя не будет. Неужели исчезающая как призрак брошь наконец окажется в моих руках?»

В субботу сыщики подъехали к дому Елены Ивановны. Носов вошел в подъезд. Через некоторое время вернулся и, сев в машину, доложил:

— Все в порядке. Я сообщил ей об аресте любовника. Она сразу поверила. Видимо, ждала от своего торгаша беды. Даже предложила мне вознаграждение, но я отказался. Сказал, что Столбун и так много для меня сделал. Думаю, наш план сработал: когда я уходил, Елена начала одеваться.

Наблюдая за взволнованным напарником, Петров довольно подумал: «Парнишка нервничал натурально и потому выглядел убедительно».

Когда из подъезда вышла женщина, Носов радостно воскликнул:

— Рыбка клюнула. Это Елена Ивановна.

— Хорошо, ты сейчас незаметно уйдешь. Теперь мой выход на сцену.

Петров вышел из машины и приблизился к женщине. Предъявив удостоверение, предложил проехать в отделение милиции. Побледневшая от страха женщина безропотно повиновалась. Доставив Елену Ивановну в дежурную часть, Петров в присутствии понятых раскрыл ее сумочку. Но его ждало разочарование: среди дорогих колец, ожерелий и браслетов не оказалось украшения с изумрудным трилистником.

Не удержавшись, сыщик спросил:

— А где брошь с зелеными камнями?

— Я такого украшения никогда не видела. Да и это богатство не мое. Мне их на хранение принес мой знакомый Ефим. Можете у него спросить.

Петров с опозданием осознал свою ошибку. «Я невольно выдал свой интерес к изумрудной броши. Надо поскорее найти правдоподобное оправдание моему вопросу».

И сыщик поспешил объяснить:

— К вам лично претензий нет. Нам сообщили, что мошенники намереваются завладеть вашими украшениями, ложно сообщив об аресте Столбуна. Они рассчитывали при выходе из дома отнять у вас ценности. Но мы сумели их опередить и пресечь преступление.

— Так Ефим Григорьевич на свободе? Какое счастье! А знаете, подосланный ко мне молодой человек произвел очень приятное впечатление. Он так искренне волновался из-за беды с Ефимом! Я даже хотела его отблагодарить. Но он денег не взял.

— А зачем ему довольствоваться крохами, если мошенники рассчитывали на крупный куш? Можете спокойно идти домой.

— А вдруг бандиты вернутся?

— Не бойтесь, мы их отпугнули, и они к вам больше не сунутся. Это я, капитан Петров, вам гарантирую. А сейчас напишите документ о возврате вам украшений в целости и сохранности.

Наблюдая, как Елена Ивановна пишет расписку, сыщик подвел итог: «Мое неосторожное упоминание об изумрудной броши наверняка насторожит Столбуна. Придется для оправдания своих действий составить задним числом анонимное сообщение о попытке мошенничества в отношении Суровой. Но поиск броши снова на нуле».

Отпустив женщину, Петров позвонил напарнику:

— Возвращайся в отдел. Спектакль закончился, и занавес опустился.

Вскоре в кабинете появился Носов. По нетвердой походке и блеску в глазах Петров понял, что новичок успел изрядно выпить. «Начал новичок снимать водкой стресс. Это нормально для оперской работы. Лишь бы не спился окончательно».

Сыщик сочувственно взглянул на напарника:

— Ну, что на этот раз всколыхнуло твою неусыпную совесть?

— Оперативная работа — это сплошная грязь! Мы укрываем преступления, отпускаем на свободу виновных и, наоборот, для дутых отчетов сажаем людей за мелкую провинность. И врем на каждом шагу. Сегодня я жестоко обманул женщину, отняв у нее пару лет жизни! И все из-за какой-то ценной безделушки! Вместо добра мы в уголовном розыске творим сплошное зло!

— Подожди! Мы же с тобою за месяц раскрыли три убийства. Значит, не зря зарплату получаем. Да, нам приходится ради изобличения преступников ловчить, обманывать, даже иногда нарушать закон. Но чистоплюям не место в уголовном розыске. Иди тогда в следователи и действуй строго по процессуальным правилам.

— Так что же мне делать?

— Послушай одну давнюю историю и сам прими решение. Служил у нас в Московской области сыщик Павлов Александр. Предметом его гордости была надпись на стене пересыльной тюрьмы, сделанная обозленными осужденными: «Смерть Павлову из Болшево». После очередной амнистии число уголовных преступлений резко возросло. Осенним вечером в милицию пришла женщина и заявила, что на улице к ней подошел молодой парень и, угрожая ножом, отобрал сумочку с деньгами и снял пальто. Взволнованная потерпевшая плохо помнила приметы преступника, а выезд на место происшествия не дал положительных результатов. Дальнейшая работа была отложена до утра. По дороге домой Павлов продолжал напряженно размышлять о совершенном преступлении, прикидывая, кто из известных ему преступников мог решиться на столь дерзкое преступление.

Несмотря на голод, Павлов от усталости не стал ужинать, а сразу лег спать. Неожиданно у него возникли ясные зрительные образы. Он словно наяву увидел искаженное страхом лицо женщины и темные очертания грабителя. Затем, как в кино, переменился кадр, и Павлов увидел двухэтажный дом, на котором висела табличка с надписью «Ул. Сталина, д. 32». И вновь перемена кадра: отчетливо видны двор и дверь подъезда с задней стороны дома. Павлов уверен, что здесь никогда не был. Напротив подъезда сложен штабель дров. Бросились в глаза и запомнились сучки и наросты на крайних бревнах. Одновременно становятся видны лестничная площадка второго этажа и дверь квартиры. Кто-то невидимый распахивает ее, и Павлов видит стоящего посреди комнаты молодого парня. Где-то в глубине мелькает догадка: «Это — преступник». Слева у стены между дверью и шкафом висит пальто, снятое с потерпевшей. Затем все исчезло, и последовал глубокий сон.

Придя утром на работу, Павлов в шутку рассказал товарищам о ночном видении. Один из оперативных сотрудников предложил поехать и проверить данную свыше подсказку. Сыщики выехали на улицу Сталина. Вот и дом с номером 32. Когда вошли во двор, Павлова поразило точное совпадение виденных ночью сучков и наростов на бревнах. На какое-то мгновение ему стало не по себе. Но, взяв себя в руки, он зашел в подъ-

езд, поднялся на второй этаж и позвонил. Дверь открыл парень, виденный сыщиком во сне. Слева за шкафом обнаружили снятое накануне с женщины пальто. Преступник тут же сознался в преступлении. Потерпевшая без колебаний его опознала. Этот парень никогда ранее в поле зрения милиции не попадал. И разыскать его быстро в столь сжатые сроки было невозможно. Павлов еще долго проработал в уголовном розыске. Но ни разу к нему не возвратилась чудесная способность увидеть во сне разыскиваемого преступника. Вот и подумай, Носов, почему высшая сила помогла сыщику найти и наказать виновного человека еще здесь, при его земной жизни.

— И что ты хотел мне поведать этой историей?

— Именно высшая сила решает покарать преступника, а мы, сыщики, лишь исполняем небесную волю здесь, на земле. Если хочешь и дальше рьяно служить справедливости, то оставайся в уголовном розыске! А сейчас иди домой и проспись.

Оставшись один, Петров вновь с тревогой стал продумывать возможные последствия поступления жалобы от Столбуна. Но его проверка любовницы торгаша получила совсем неожиданное продолжение. На следующее утро позвонил майор Васильев из отдела БХСС:

— Привет, Петров, не забыл обещания армянский коньяк поставить за оказанную помощь? Я готов принять угощение. Подъезжай в Столешников переулок в кафе «Красный мак». Разговор имею до тебя серьезный и, главное, безотлагательный. Через час будь на месте, если тебя, конечно, еще интересует изумрудная брошь.

— Хорошо, я выезжаю. До встречи!

Всю дорогу до центра Петрова преследовала надежда. Неужели вновь всплывет на горизонте оригинальное украшение?

Васильев его встретил в кафе, где всегда было людно. Сотрудника районного ОБХСС здесь хорошо знали, и им предоставили укромный закуток для приватной беседы. Петров выставил на стол бутылку коньяка, а Васильев попросил принести овощные салаты. Разлив спиртное по стаканам, сотрудник ОБХСС предложил выпить за успех дела, которое совсем не обязательно доводить до конца. Петрова насторожила явная двусмысленность тоста. Васильев неторопливо закусил спиртное куском сочного помидора и только потом заговорил:

— Полгода назад пришел ко мне за советом молодой опер. Он получил сообщение о скупке бриллиантов одним высокопоставленным чиновником. Я ему говорю, забудь эту опасную информацию: не тебе с ним бодаться. Но уперся парень: я, мол, коммунист, и не хочу, чтобы нами правили преступники. Не послушался, поднял волну. А в итоге подложили ему деньги в стол и посадили в тюрьму за получение взятки.

— История поучительная, но зачем мне поведанная?

— Сворачивай погоню за изумрудной брошью. Столбун подарил ее человеку, о котором часто пишут газеты. Никто не допустит огласки данного факта. И сейчас решается вопрос, обвинить тебя в попытке присвоения фамильных украшений Столбуна или повременить. Ну, так что мне передать людям со Старой площади?

— Скажи, что я все понял и у меня навсегда пропал интерес к старинному украшению, о котором я никогда и не слышал.

— Хорошо, я скажу серьезным людям, что им не о чем беспокоиться. Давай допьем и разбежимся, а то у меня еще полно дел.

Искренне обрадованный успехом беседы сотрудник ОБХСС разлил остатки коньяка по стаканам. Выпили, не чокаясь, словно поминая покойника. Выйдя из кафе, Петров направился к станции метро. Ноги увязали в растопленном солнцем асфальте, словно неведомая сила принуждала его замедлить стремительное развитие криминальных событий последних дней.

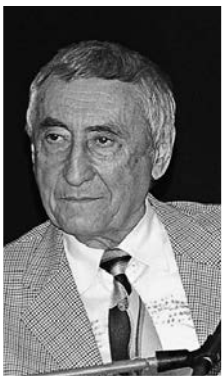
В отделении милиции его встретил дежурный Котов.

— Час назад отпущенные тобою накануне подростки Купченко и Лужин совершили разбой и порезали мужика. Потерпевшего повезли в больницу. Может, и успеют спасти.

Петрова охватила тревога. «Перевесят ли все мои заслуги в борьбе с преступностью вину за ранение мужика, борющегося сейчас за свою жизнь?»

И сыщика охватил суеверный страх перед тем, кто на небесах ведет точный подсчет добрых и дурных людских поступков.

Продолжение следует.



Александр КАНЕВСКИЙ

Александр Каневский — автор книг, пьес, киносценариев. Член многих творческих союзов, обладатель четырех международных литературных премий и многих почетных званий.

Его пьесы идут в театрах, его книги популярны (общий тираж повести Александра Каневского «Теза с нашего двора» давно перевалил за триста тысяч экземпляров).

В СССР рассказы Александра Каневского часто звучали по радио и на телевидении. Давайте вспомним: ведь именно Александр Каневский был одним из авторов популярной советской телепередачи «Кабачок "13 стульев"» и постоянно выступал в другой советской передаче — «Вокруг смеха».

Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба, или Вперед, к светлому будущему!

Из цикла «Мозги набекрень»

Два экрана стоят напротив друг друга, на одном — нарядно одетый жених, на другом — невеста в белом свадебном платье.

Вот они и дождались этого часа!

Загорается третий экран, на котором возникает священник.

Он приветствует молодоженов и начинает вершить свадебную церемонию. Жених и невеста, каждый на своем экране, активно участвуют, повторяют слова молитвы, отвечают на традиционные вопросы. В конце священник нарекает их мужем и женой и разрешает поцеловаться — жених страстно целует свой экран, сияющая невеста на своем экране нежно подставляет ему губы.

Завершив церемонию, священник громко произносит:

— А теперь друзья и родичи могут поздравить молодоженов.

Слева и справа загораются еще два экрана, на одном — счастливые родители жениха, их многочисленные друзья и родственники, на другом — родители и родичи невесты. После призыва богослужителя на весь экран одного из компьютеров наплывают лица мамы и папы жениха, и, давая им

себя поцеловать, невеста нежно прижимается щечкой к экрану. То же проделывает и жених со вторым экраном. Затем на обоих экранах потоком сменяются родичи и друзья, которые обцеловывают экраны.

— А теперь все за стол, — командует папа жениха, — заказывайте что хотите, все оплачено.

На обоих экранах видны столы, покрытые нарядными скатертями. Гости шумно рассаживаются. Но вместо тарелок, вилок, бокалов — перед каждым открытый ноутбук и принтер. На экранах ноутбуков высвечивается меню, идет шоу-парад блюд: мясо, рыба, зелень, закуски — все это сменяет друг друга на экране. Гость останавливает пальцем приглянувшееся блюдо, и оно тут же подается из принтера: выползают пиццы, шницели, блинчики, сыпятся листья салата, выдавливаются печеночный паштет и форшмак, выкатываются баночки с пивом...

— Горько! — кричат гости.

Во главе стола стоят два экрана, нежно прижавшись друг к другу. На первом — жених, на втором — невеста. Снова идет обмен поцелуями через экраны. Затем жених незаметно подает знак невесте, та понимающе кивает, и оба спешат в спальню, каждый в свою.

Обе спальни подготовлены для первой брачной ночи: в ногах на всю ширину каждой кровати — большой экран. На подушках — пульты управления.

Появляются молодожены, она — в роскошной ночной рубашке, он — в красивой пижаме. Каждый ложится на свою кровать, и они разглядывают друг друга на экранах.

— Сними рубашку, — просит он, и она поспешно исполняет его желание.

— А ты сними пижаму!

Он снимает.

Они впиваются глазами в экраны, любуясь друг другом.

— Какая ты красивая!

Страсть распаляет их. Она нажимает на пульт, укрупняя его на весь экран.

— А ты такой сексуальный!

— Положи ладонь на живот, — страстно стонет он.

— И ты положи.

— Подними ее повыше!

— А ты опусти пониже!

— Еще выше!..

— Еще ниже!

— Ай!..

— Ой!..

— Ах!..

— Ох!

Наступает обоюдный оргазм.

Через девять месяцев у них из принтера выпал новорожденный. Красивенький, здоровенький, сразу с айпадом. Но они хотели еще и девочку, поэтому через год ее себе отсканировали, и получилась отличная семья.

Если любознательный читатель вспомнит школьный курс истории, то поймет, о чем эта повесть.

С зарождения человечества на Земле он, человек, не сидел на месте. К передвижениям по ее необъятным просторам человека подталкивала необходимость сбора дикорастущей пищи...

Но прошли годы, столетия, прежде чем аргонавты отправились в многодневное плавание. Потом — еще столетия, и вот Христофор Колумб открывает Америку. За ним капитан-командир Витус Беринг пересекает Евразию до оконечности Камчатского полуострова...

Первопроходцы космоса сделали все, на что был способен разум человеческий...

Читатель, если... ты не равнодушен к взаимоотношениям с любимой девушкой, открой эту повесть!

Евгений Николаевич Грошев-Дворкин, Тверь

Галка ГАЛКИНА:

Евгений Николаевич, если следить за зарождением взаимоотношений между девушкой и, хочется верить, юношей со времен царя Гороха, то придется обновить не только курс истории, но и обществоведения, географии и ботаники.

Чему нас учит история? А тому, что поначалу не девушки и юноши, взявшись за руки, ходили по необъятным просторам, а приматы. Эти приматы были настолько пытливыми и дерзкими, что, опустошив дикорастущую пищу в округе, от Евразии до Камчатского полуострова, взялись за космос.

Разум человеческий способен на многое! Повесть Владислава Игоревича лишний раз свидетельствует об этом ярко и убедительно.

Поэтому просто необходимо послать ее в космос, на просторы Вселенной, чтобы там, за облаками, во-первых, не скучали, а во-вторых, знали, что их ожидает в случае, ежели мы до них доберемся!

Физкультпривет!

Шалун ГЕО, человек-буклет

ЗАВИТУШКИ-ВИНТОВУШКИ

- Где ж ты, дивчина гарна з городу Варна?
- Как я бороду побрею, становлюся подобрее.
- Выходила молода — наступали холода!
- Было время золотое, а теперь не знаю, кто я?
- Села цапля на насест, не хватает мне невест!
- Сел кулик на голубятню, стало голубям приятней!
- Выпал ворон из гнезда, не туда и не сюда!
- Я вчера сошел с умишка, проглотил свою сберкнижку!
- Плыли мы однажды лесом, повстречалися с собесом!
- Я вчера пришел в собес, в правый сектор и в СС!

PHOTOSTOP

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

Фаза месяца:
Август Бебель

СОВЕТЫ ТОРГАШАМ

- Стал вчера я торгашом, плавал в море нагишом!
- Бери по дешевке тещам обновки!
- Продавайте все подряд для ребят и поросят!
- Не ввозите иваси, нет ей жизни на Руси!
- Закупил вчера я дорого сверхпросроченного творога!
- Сторговался я на рынке, а проснулся у Маринки!
- Сторговался я на базе, оказался в унитазе!
- Слопал вечером бекон, перешедши Рубикон!
- Кубик Рубика сложи, богатей и не дрожи!
- Подружился я с доходом, обзавелся пароходом!

SMS'ка, отправленная Псаки:

Не псы!